ШИМУН ВРОЧЕК

КАК ВЫЖИТЬ СРЕДИ ПРИНЦЕСС

МЫ МЕНЯЕМ ИМ ПАМПЕРСЫ.
ОНИ МЕНЯЮТ НАШУ ЖИЗНЬ.
ВЕСЕЛАЯ ХРОНИКА ОТЦОВСТВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Принцессе Злате 4 года, принцессе Василисе 12, их папа – писатель-фантаст, принцесса-мама работает в школе бухгалтером. Вместе с ними обитают британская кошка Фифа и три мыша-песчанки – Бублик, Джерри и Бурундук. Вернее, раньше обитали. Однажды три бравых мыша постарели и отправились на мышиное небо, полное зернышек кукурузы, массажа пузика и чудесных беговых колес… И папа Златы и Василисы остался единственным мужчиной в семье. Теперь его задача – выжить среди принцесс.

- Шимун Врочек
  - Трагедия
  - От Автора
  - 1. Ускользающая красота и другие диалоги со Златой
  - 2. Эпик от Василисы
  - 3. Таланты и поклонники
  - 4. Настоящая храбрость
  - 5. Сделал домик
  - 6. Маленькая корыстная девочка
  - 7. Замараш и красный носок
  - 8. Немое кино
  - 9. Демократия и закон
  - 10. Кафка и Василиса
  - 11. Укротительница Микки-Маусов
  - 12. Профориентация-3
  - 13. Замараш и ледяная горка
  - 14. Юные падаваны и имперский марш
  - 15. Красивый осел
  - 16. Злата и Плохие Слова
  - 17. Музыка Рождества
  - 18. Исконно женское
  - 19. Замараш 337
  - 20. Генеральный инспектор, или Мадам Копуша за работой
  - 21. Наше все
  - 22. Бендер в январе
  - 23. Яркость мышления
  - 24. Ох уж эта Лиза
  - 25. Оранжевый Слон
  - 26. День второстепенного писателя
  - 27. Вопросы мироздания
  - 28. Философ и балбес

- 29. Как поссорились Злата Дмитриевна и Ульяна Батьковна
- 30. Моцарт и компания
- 31. Нужны ли сегодня рыцари?
- 32. Наследники Великого Комбинатора
- 33. Настоящий хоккей
- 34…и шубку!
- 35. Синко Льягас
- 36. Король и лира
- 37. Мое домашнее животное
- 38. Нервы как канат
- 39. Мужчины такие странные
- 40. Кубометр в час
- 41. Последний герой галактики
- 42. Василиса и ее тень
- 43. Правильный подход к динозаврам
- 44. Особый талант
- 45. Всевидящий отец
- 46. Непослушные глаза
- 47. Великая Зеленая Книга
- 48. Василиса и Свинка
- 49. Две столицы. Пасхальное
- 50. Гордость
- 51. Опасный лопух
- 52. Мастер планирования
- 53. Стратегия игры в прятки
- 54. Дело о курточке и зайчике
- 55. Василиса и смысл жизни
- 56. Художественная гимнастика
- 57. Наш экстрим
- 58. Homo Agriculturus
- 59. Медийная персона
- 60. Профориентация-4
- 61. Секретный папа
- 62. Огурцы и песни
- 63. Мама из Рима
- 64. Профориентация-5
- 65. Вечная классика
- 66. Кризис веры
- 67. Диалоги о гречке
- 68. Сон в летнюю ночь
- 69. Сестры свободы
- 70. Я – радость
- 71. Василиса и мечта

- 72. Награда и легкий пафос
- 73. Неприличная история
- 74. Чувство и питание
- 75. Директор детского сада
- 76. Лекция для кошки
- 77. Блюз синего тигра
- 78. Положительная мотивация
- 79. Три товарища
- 80. Улыбка Джипонды
- 81. Живая глина
- 82. Гроссмейстер Злата
- 83. Под железной пятой
- 84. Отравленная туника
- 85. Танцор диско
- 86. Причина распрей
- 87. Нота в ноту
- 88. Не все качели одинаково полезны
- 89. Логика и все-вся-всё
- 90. ЗОЖ[3]
- 91. Клуб анонимных страхоголиков
- 92. «Оскара»! «Оскара»!
- 93. Режиссер Злата
- 94. Необходимое зло
- 95. Мастерство репортажа
- 96. Время путешествий
- 97. Выше головы
- 98. Любители
- 99. Очень Важный Вопрос
- 100. Принцесса ночи
- 101. Мастер планирования-2
- 102. Миру мир
- 103. Мастер планирования-3
- 104. Небо в кристаллах
- 105. Бэтмен
- 106. Разум и чувство
- 107. Сбыча мечт
- 108. Василиса и Необыкновенная встреча
- 109. Моя семья и другие чудовища
- 110. Песни о главном
- 111. Старик Джонс
- 112. Занимательная генетика
- 113. Искусство рассказа
- 114. Взгляд сверху
- 115. Любовь зла

- 116. Старик и девочка
- 117. Пижамный дипломат
- 118. Рецепт счастья
- 119. Дневник коня Черчилля
- 120. В кругу пираний
- 121. Стальная воля
- 122. Перепутали
- 123. Утро во дворце
- 124. Королева-сладкоежка
- 125. Неровный счет
- 126. Суровая профессия
- 127. Так устроен мир
- 128. В черном-черном городе
- 129. Секретный жираф
- 130. Зов крови
- 131. Логика
- 132. Практическая магия
- 133. Тайный эстет
- 134. Сметана и призвание
- 135. Множественность
- 136. Маленькая новогодняя голодная девочка
- 137. Небо в голове
- 138. Причини мне добро
- 139. Вкус детства
- 140. Судьба писателя
- 141. Ульяновский мыслитель
- 142. Игры престолов
- 143. Маленькая разница
- 144. Практика вуду
- 145. Пластилиновая лошадка
- 146. Бланманже
- 147. Контекст жизни
- 148. Непобежденная
- 149. Хроники 8 Марта
- 150. Супергерой
- 151. Свинский бизнес
- 152. Сказка о зависти
- 153. Семейное дело
- 154. Письма издалека
- 155. Имя для кошки
- 156. Волшебное окно
- 157. Коротко о жизни
- 158. Ответные действия
- 159. Конкурент

- 160. Вылитая
- 161. Судьба актерки
- 162. ВАНЬКА-ПАШКА
- 163. Писатель и бунтарь
- 164. Красная тачанка
- 165. Маша и маршрутка
- 166. Игрушечный мир
- 167. Анатомия и зомби
- 168. Мир радуги
- 169. Требуется лось
- 170. Оказался он живой
- 171. Сами вы укулеле
- 172. Невероятная осторожность
- 173. Футбольная сказка
- 174. Профориентация-6. Мне бы в небо
- 175. Сильная женщина
- 176. Любовь и другие неприятности
- 177. Торжество технологий
- 178. Нечеловеческая смелость
- 179. Профессиональный подход
- 180. Куда уходит детство
- 181. Произведение искусства
- 182. А в это время разбивались их сердца
- 183. Чукча в холодильнике
- 184. Едкая супергероиня
- 185. Пик интеллекта
- 186. Жираф, ты не прав
- 187. Кризис-шризис
- 188. Губит людей не пиво
- 189. Тайное становится явным
- 190. Гномы-вредители
- 191. Гадальный автомат
- 192. Орлята учатся летать
- 193. Геометрия – царица наук
- 194. Уральская птица счастья
- 195. Королевский круассан
- 196. Носки для Кинг-Конга
- 197. Сделано в Японии
- 198. Мальчишеские игры
- 199. Уродливая правда жизни
- 200. Когда весна придет, не знаю
- 201. Странные взрослые

- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5

Шимун Врочек
Как выжить среди принцесс

Трагедия (вместо увертюры)

Отправляли Василису в Уфу, к бабушке, до конца лета. Отправляли с родственницей жены.

Злата тоже решила ехать.

Рюкзачок собрала крошечный. Сложила туда колготки и штаны – что влезло. И еще какие-то книжки. Все, как у старшей сестры.

Надела футболку и джинсы. Взяла зонтик от дождя и розовую кепку.

Надела теплую красную жилетку, чтобы не было холодно в дороге.

Надела желтые носки (для красоты) и белые садиковские туфли (они удобные). Потом рюкзачок.

Примерилась к Василисиному чемодану (я буду тихо сидеть), но сказала со вздохом: я туда не влезу.

Поменяла планы. Никогда не сдаваться. Никогда.

– Лиса, без меня не уходи!

Посидела со всеми на дорожку. Вздохнула.

Вышла за дверь и деловито вызвала лифт для всех. Когда спустились, открыла дверь и держала двумя руками, чтобы все прошли. Вышла из подъезда – в темноту и штормовое предупреждение.

А когда поняла, что ее не берут в машину, в аэропорт, в самолет, к бабушке до конца лета, заплакала, стоя на тротуаре под дождем, и закричала на всю улицу:

– Лиса! Лиса!

Потом:

– Мама, мама!

Слезы и сопли лились потоком на красную жилетку на случай дождя.

Потому что вдруг трагически показалось, что мама тоже уезжает надолго, как Василиса.

И этого оказалось не пережить.

– Мама, мама!

Машина уехала. Злата осталась. С рюкзачком за спиной, с крошечным зонтиком, на руках у папы. Над головой гремел гром, сверкали молнии, шел дождь, шумели от ветра листья. Трагедия. Сопли и слезы сверкали на красной жилетке, словно бриллиантовое колье.

…А потом мы с ней, рыдая, пошли в магазинчик и купили

зеленого зубастика. Потом, по-прежнему рыдая, пошли домой. В лифте, дружно всхлипывая, распечатали коробочку с зубастиком. Входя в квартиру, подхлюпывая носом, рассмотрели его хорошенько. Ничего так себе зубастик, в короне. Дома тепло и пахнет гречкой. И мама сейчас приедет из аэропорта. Совсем скоро.

И Злата развеселилась и перестала рыдать. А потом даже засмеялась и съела гречку. Почистила зубы и послушала книжку на ночь. Уснула, положив руку под щеку и сжимая папину ладонь. И улыбалась во сне, забыв про зубастика. Трагедия закончилась.

Да.

Но осень в сердце все-таки осталась.

Я знаю.

От Автора

Если я когда-нибудь соберу истории о Злате и Василисе в книгу, это будет прологом. Хотя, может быть, слишком мрачно? Не знаю.

Но вообще, по ощущениям, это будет книга о детях. Но не детская. А скорее, взрослым о детях.

А начать, наверное, лучше с момента, когда двух моих девиц еще не было. Как в сказке. Однажды, давным-давно, будущий папа Златы и Василисы взялся подводить итоги одного странного года…

2004. ПРИНЦЕССА И ЗАМОК

– Почти поступил на очную режиссуру в ГИТИС, к Леониду Ефимовичу Хейфецу. Помню, как говорил о Сирано де Бержераке, а в глазах стояли слезы. Стриженный налысо, в синей рубахе с закатанными рукавами. За десять минут до этого меня размазали по полу. Опытный режиссер нащупает твои болевые точки очень быстро. А там были суперпрофи. Следующие девять минут я на живую лепил себя заново. Слепил. А потом говорил о Бержераке, который сначала бьет, а потом разбирается. Я показывал: кулаком – н-на! Но он еще поэт… А потом я прошел на конкурс. Меня поздравляли. Я уже считал себя студентом. А потом меня размазали по полу второй раз. На экзамене по актерскому мастерству. Чистая формальность, да? Из ГИТИСа я вышел мертвый. Вместо лица – гипсовая маска. Я рассыпался на ходу. И опять пришлось собирать себя заново. Брать мастерок и намазывать раствор на битые кирпичи. Заняло это месяца три. Даже поступив на режиссерский факультет «Щуки» и закончив сессию, я все еще не был целым. А стал целым, когда…

– …понял, что люблю одну, определенную женщину. Понял, что другие мне не нужны. И понял, что обычное мужское «хочу вон ту» останется при мне навсегда. Но это уже ничего не значит. Когда на тебя наступают мамонты, танк «Тигр» и полчища киборгов Аттилы – а раствор плохой, стены кривые и четвертая башня недостроена, и, мать вашу за ногу… где же подмога?! Нет подмоги. И вдруг слышишь женский голос. И видишь тонкую фигурку на балконе, обвитом плющом. И понимаешь, что сдаваться нельзя. Подмоги не будет, но есть она – принцесса твоего разрушенного замка. А ты – ее верный, хоть и разрушенный, замок. И тогда кривые стены держат удар, словно

цельный гранит. И деревянные ворота с почерневшими створками хватаются за таран, как живые руки. И сдавленно рычит танк «Тигр», на который рухнула четвертая башня… Тогда мамонты, киборги Аттилы и все в мире танки могут идти лесом.

Потому что эта принцесса – моя жена, а я ее верный, хоть и разрушенный, замок.

– Поступил на заочную режиссуру «Щуки». К тому же самому Хейфецу. На коллоквиуме говорил с ним «за жизнь». «Какое событие вызывает у вас наибольшую боль?» Надо бы понять. Это важно. Важнейшее качество режиссера – восприятие. Когда чужую боль – как свою собственную. Впрочем, об этом я узнал позже. А у меня перед глазами: трое мужчин несут младенцев. На заднем плане – школа. И дети – без воды. И ощущение чего-то громадного, неподъемного, которое надо повернуть, чтобы осмыслить или хотя бы окинуть взглядом. Физическое ощущение беды. Гулкое такое. Громоздкое, как огромный лист жести, который и уронить нельзя, и перехватить поудобней не получается. Лист срывается и углом – по горлу.

Я и сказать-то ничего не смог. Пару слов выдавил. А Хейфец – понял.

– И я понял. Понял, что не могу не писать. Полгода до поступления на режиссуру я не писал ничего. Выматывался на актерском. Учился тогда на очном. Приходил домой и падал. А моя принцесса смотрела на внешне еще целехонький замок, и ей было не до смеха. Чувствовала – в подвалах замка завелись крысы. И – грызут. Крыс звали Зависть, Не-наиграй и Таких-не-берут-в-космонавты. Завидовал другу, который играл легко и свободно. А рядом я, каменный истукан, с одной мыслью в извилине: «Не наиграть, главное – не наиграть!» Худший враг актера – самокопание.

Самоедство. Иногда полезно отключить мозги и – как ребенок. А я думал: ну его-то понятно. А меня почему взяли на актерский? С моей-то рожей?! И была четвертая крыса, четвертая голова Крысиного Короля. Я перестал писать. Перекрыл воображению кислород. Фантазии указано ее место – этюды. Здесь и проявляйся. А это оказалось ошибкой. Этюд – это учеба. Он должен быть прост и жизнен. Очень сложно сыграть пограничные ситуации. Легче соврать. А главная цель этюда – приучить тебя существовать на сцене правдиво. Поэтому – будь проще.

А воображению требовались пограничные ситуации.

Замок ветшал. Я чувствовал это и искал выход. Режиссура казалась ближе. Я пошел поступать. Изгрызенный изнутри, замок рухнул после пяти минут собеседования. А потом я собрал из

груды камней некое подобие крепости. И заговорил про «Сирано…

– …де Бержерак» Эдмона Ростана. Трагедия носатого поэта, который… Впрочем, история всем известна. Но что стоит за ней? Кто он, Сирано? Так ли проста эта история? Мне нравилась пьеса. Мне нравилась сама мысль – вот он я, некрасивый, но жутко талантливый, прячусь за красивой маской. Потом страдаю. Потом умираю. А потом смотришь со стороны – и выходит, что Сирано – трус, которому не хватило смелости признаться. Но героическая смерть так волнует юношей… «И когда об этом вдруг узнаешь ты – тогда поймешь, кого ты потеряла!» В любимых крысах Сирано я узнавал своего Крысиного Короля.

А потом я прочитал книгу Анатолия Эфроса «Профессия: режиссер». Сирано там уделено немного. Страницы три. Эфрос размышляет, как бы он снимал фильм по Ростану. Приведены в пример две сцены. Все. Две сцены, три страницы – и я пропал. Потому что влюбился в пьесу, еще ни разу ее не прочитав. А когда прочитал – влюбился еще раз. И еще.

– Сделал предложение. Вообще, это она меня вынудила. Говорила, казалось бы, в шутку: мама, меня никто замуж не берет! А разбитый в груду камней замок пытался утешать. Только принцессе были нужны не утешения. Принцесса хотела здесь жить. Пройти в белой фате. В конце концов: стойка на одном колене и кольцо были бы не лишними! А замок не мог поверить, что голые камни и сквозняки ее не пугают. Уходил от ответа. Говорил: я – властелин колец! Принцесса смеялась. Но однажды не выдержала и расплакалась. «Ты меня замуж не берешь! Ну и не надо! Дурак такой!» И замок сложил к ногам принцессы свои камни.

И до сих пор этому рад. Дурак такой.

– Свадьба. Это особая история.

– Режиссура. Оказалась не просто ближе. Но об этом в другой раз. Пока что я…

– …читал принцессе вслух Стивена Кинга. Принцесса гладила животик и требовала еще. Животик острый. По всем приметам – мальчик. А УЗИ – врет, наверное. Замок, в котором идут белые четкие куски вперемешку со старыми потемневшими и достраивается четвертая башня… Замок, который замазал раствором ходы для Крысиного Короля… Замок рассказывал принцессе страшную волшебную сказку. Сказка называлась «Глаза дракона». В ней были принц Питер и чародей по имени Флегг. Чародей только что убил мать Питера. Принц играл с кукольным домиком своей мамы. А король Роланд смотрел на игру Питера и

вспоминал умершую любимую жену. Принцесса сказала: «Как грустно». Потом сказала: «Еще!» А замок делал вид, что у него першит в горле, и ходил на кухню пить чай. Ему было хорошо. Он играл в этой сказке. Легко и свободно.

– Буквально несколько часов назад, в 7.45 утра, у меня родилась дочь. А мамонты, танк «Тигр» и киборги Ганнибала идут лесом.

Потому что в замке появилась еще одна принцесса.

30 декабря 2004

Нижневартовск

1. Ускользающая красота и другие диалоги со Златой

О ПОЭЗИИ

Суббота, утро. Дочь тормошит меня идти гулять, а я никак не могу проснуться.

Злата (три года) – грустно:

– Все качельки ждут меня, а ты не встаешь.

Представил грустные качельки, ждущие Злату, и чуть не заплакал.

ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ… …

Жена с дочкой возвращаются с прогулки. На дверях висит объявление. На фото мужик в бейсболке и надпись «ПОХИТИТЕЛИ ВЕЛОСИПЕДОВ». Недавно в нашем подъезде несколько велосипедов вынесли с лестничной площадки. Злата спрашивает: «Кто это?» Жена объясняет: это плохой дядя, вор.

Злата, глядя на фото, совершенно серьезно:

– Очень похож на нашего папу.

Занавес.

ВОЗРАСТ УЛЫБОК

Злата с очередным философским наблюдением:

– Когда я была маленькая, мама улыбалась.

Я:

– А сейчас не улыбается?

Злата, подумав:

– Улыбается…

Просветлев, девица радостно вытягивается на кровати:

– Я – маленькая!

БУДУЩЕЕ

Злате три года, пора задуматься о будущем.

– Когда я вырасту, я буду Микки-Маусом. Смешным. С

ушками на голове. И в красивых белых перчаточках!

КОЛЬЦО ВСЕВЛАСТИЯ

Младшая девица учудила. Укладывал ее на дневной сон. Она меня обнимает крепко-крепко и шепчет: «Моя прелесть». А потом начинает смеяться мелким зловещим смехом. Почувствовал себя странно.

ДЕТСТВО ГИНГЕМЫ

У Златы в очередной раз поменялись жизненные приоритеты. Еще недавно она собиралась стать смешным Микки-Маусом в белых перчаточках, балериной в розовых туфельках… Сегодня: я вырасту и буду феей. С крылышками и волшебной палочкой. Правда, папа? Я сделаю тебе большой дом!

Ну, почему нет-то?

А потом бегала по квартире в крылышках (достались от старшей сестры) и с карандашом (это волшебная палочка) и превращала всех в лягушек.

И тут я что-то заподозрил…

ЗЛАТА И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

– Я боюсь черного квадрата… Он такой страшный!

– Э-э… Черный квадрат? А где ты его видела?

– В гостиной. Я больше не хочу его смотреть.

Заинтригованный папа, который совершенно точно не вешал картин Малевича в гостиной, идет и обнаруживает там… черный квадрат.

Черт побери. Действительно. Выключенный телевизор.

– Он такой страшный! – говорит Злата. – Такой!

Малевич был гений.

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ КРАСОТА

Папа интересуется жизнью дочери:

– Кто у тебя друзья в садике?

– Валя, – говорит Злата.

– Ясно, Валя. А еще кто?

– Тема. Он красавчик.
– Э-э… красавчик?
– Да, как ты, папа!
Пауза.
– Ну, ладно.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА МОЛНИЙ

Злата непонятно где и как освоила два патетических возгласа.

1. «Вы что, с ума сошли?!»

2. «Хватит! Мне за вас стыдно!»

Применяет она их в совершенно неожиданные моменты, но всегда точно по интонации. Спорим с женой, скажем, о чем-то – о сериале «Игра престолов», например. И начинаем чуть ли не ругаться. Пес то, Пес это. «Да не мог он!» Голоса повышаем.

И тут Злата:

– Вы что, с ума сошли?!

И тут уже не до споров. Тут надо бороться со смехом, потому что Злата обижается, когда над ней смеются.

Или, например, заходит разговор со старшей дочерью, почему в комнате беспорядок, одежда скомкана, сколько можно, наконец! Эмоции блещут и сверкают. Воздух звенит от реплик.

И тут снова вступает никем не замеченная Злата – с воздеванием рук:

– Хватит! Мне за вас стыдно!

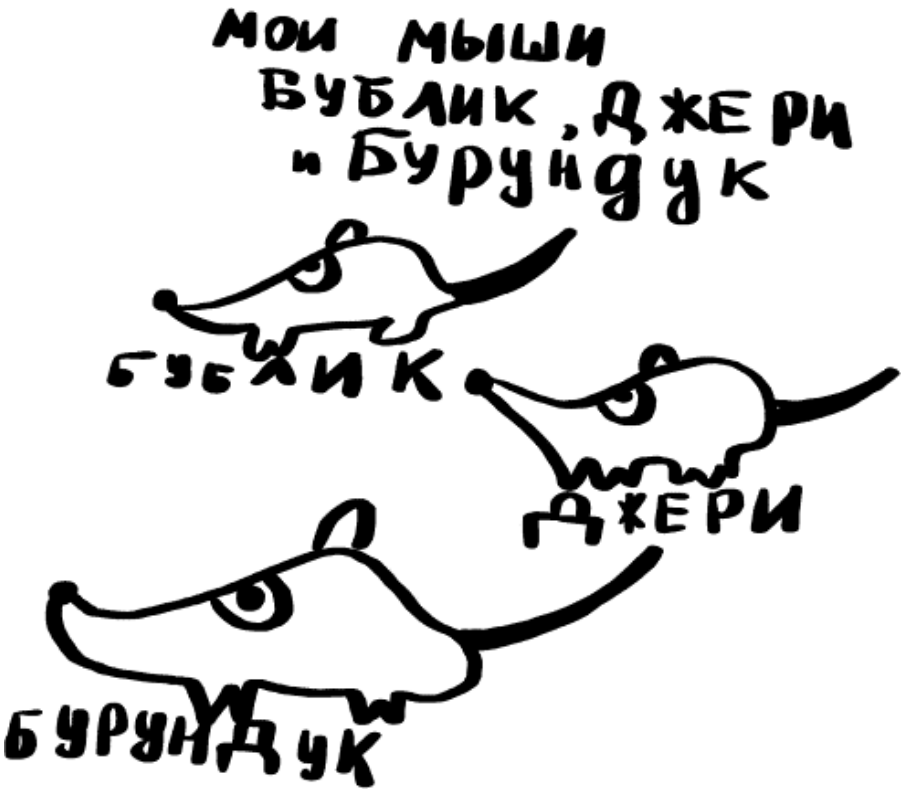
И сразу тишина, сдавленный смех, разрядка. Молнии утихают.

И действительно, как-то немного стыдно.

2. Эпик от Василисы

Разбирал записи на телефоне и обнаружил заготовки для целой серии эпического фэнтези.

Василиса (тогда ей было девять лет) по дороге на хор рассказала мне сюжет волшебной истории. Героями ее стали три мыша-песчанки, три друга. Вот, кстати, и они (иллюстрация Василисы):

А вот сама история:

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУБЛИКА И ЕГО ДРУЗЕЙ

Бублику этой ночью приснился сон. Приснилось, что бежит он от огромного злого кота. Бежит, бежит изо всех сил, тот уже почти догнал мыша, но тут кошка Фифа бросилась и вцепилась коту в рыжий хвост. И Бублик проснулся.

[Вступительная часть о том, как песчанки оказались

в этом доме и поселились в клетке; как они сначала испугались кошки Фифы, а потом привыкли. И вот прошло несколько дней…]

Мышам скоро стало скучно. Целыми днями Бублик тренировался, бегал в колесе, а Джерик с Бурундучком спали, ели и делали друг другу массаж.

К Фифе они привыкли. И вот Бублик сказал: хоть бы что-нибудь случилось интересное!

И на следующий день это случилось. Мышам поменяли наполнитель. Убрали старые кукурузные опилки и насыпали свежие. А все мыши знают: в свежем наполнителе всегда стоит поискать кукурузные зернышки. И вот Бублик нашел волшебное зернышко – все разноцветное. Мыши собрались вокруг и давай охать и ахать.

– Помните, – сказал Джерик, – дедушка рассказывал нам о волшебном кукурузном зернышке? Оно исполняет три желания. Нужно загадать желание и отломить кусочек зернышка.

– Хорошо, – ответил Бублик. – Давайте решим, что будем загадывать.

– Отлично, – это Джерик. – Давайте загадаем новое большое колесо!

– Нет, – сказал Бублик. – Это неинтересно.

– Я знаю, – произнес Бурундучок. – Давайте загадаем много вкусной еды!

– Нет, – снова сказал Бублик. – Я знаю, что мы сделаем. Мы пожелаем оказаться в волшебной мышиной стране, чтобы стать там королями. Нет, не королями, это неинтересно… А мушкетерами!

– Ура! – закричали Джерик и Бурундучок. – В волшебную страну! Давай быстрее загадывать.

Бублик отломил кусочек зернышка. Произнес желание. И съел кусочек…

[Спецэффекты.]

И оказались три товарища в другом месте, в волшебной мышиной стране. Не успели наши мыши оглядеться, как вдруг грянул гром, небо потемнело, молния сверкнула. И глянул на них с небес огромный злой кот.

– Я вас съем! – сказал он и исчез.

Бублик вспомнил, где видел этого кота. Это был тот рыжий кот из сна, который за ним гнался!

Мыши схватились за зернышко. Верни нас обратно!

А на зернышке написано: кто хочет отменить желание,

должен подождать две недели, иначе исчезнет с концами (волшебство-то оказалось с подвохом). Делать нечего, остались. Пошли мыши куда глаза глядят и добрались до мышиного города.

Там стена, а в стене арка.

Только прошли арку, как со всех сторон бегут мыши с копьями – стражники.

– Вы кто такие?! – кричат. – Что вам нужно от нашего короля?!

Наши мыши объясняют:

– Мы из другой страны, нас принесло сюда волшебное зернышко. А потом с неба появился огромный кот и сказал, что съест нас. Вот мы и хотим укрыться в вашем городе.

Стражники говорят:

– Знаем, этот кот – злой волшебник Мурзилла. Мы от него много бед натерпелись. Пойдемте с нами, мы отведем вас к нашему королю.

Идут мыши, а перед ними – огромный красивый дворец. Но стражники не повели их во дворец, а свернули к простому маленькому домику. Наши мыши удивились:

– Разве ваш король не во дворце живет?

А стражники говорят: сами увидите.

Вошли они в простой дом, в самую маленькую комнату. Там, на соломе, лежал очень толстый мыш в простой рубахе и в мышиной маске.

– Ваше величество, – говорят стражники, – мы привели к вам этих мышей. Злой Мурзилла хочет их съесть.

Король поднялся и снял маску. И оказалось, что это не мышь, а хомяк.

Наши мыши удивились. А стражники объясняют: мы выбрали его королем, потому что он очень добрый.

Король говорит:

– Добро пожаловать, путники! Злой волшебник Мурзилла – наш самый страшный враг, от него мы построили эту стену вокруг дворца. Когда Мурзилла приходит, все жители мышиной страны бегут сюда прятаться.

[Дальше мыши вызывают с помощью зернышка в волшебную мышиную страну кошку Фифу, на помощь. Но это спойлер. Это мне Василиса по секрету рассказала.]

Продолжение следует, обещала дочь. Ну, я надеюсь.

3. Таланты и поклонники

Василиса (одиннадцать лет) уже третий год в музыкальном театре. В мюзикле «Оливер Твист» она играет одного из беспризорников. Танцует, поет и все такое. Сегодня был спектакль, Василиса пригласила одноклассника Диму. Дима высокий, сын военного, командир класса, говорит хрипловато, потому что все время вырабатывает командный голос. Дима пришел с мамой. Начался спектакль.

Однокласснику все очень понравилось, вертелся в кресле от восхищения, в антракте делился эмоциями (о-о! о!), а в финале, на поклоны, моя жена предложила Диме выйти к Василисе на сцену. «Я подарю цветы, а ты скажешь Василисе, как тебе понравилось, ей будет приятно».

Дима выходит, видит Василису в костюме и радостно выпаливает:

– Василиса, ну ты даешь! Спектакль такой длинный, я еле высидел, а ты все время на сцене!

Пауза. Лицо Василисы растягивается в мучительной улыбке.

Занавес.

Ох уж эта суровая мужская похвала…

4. Настоящая храбрость

В гости приехал крестный Василисы. Девицы играют с ним в какую-то жутко интересную игру, где нужно бегать с мечами и шпагами, вопить во все горло и отбиваться от чудовища (это как раз крестный).

Захожу в гостиную, там Злата. И вдруг мы слышим из другой комнаты крик старшей, Василисы:

– Злата, помоги! Меня схватило страшное чудовище!!

Злата вскакивает, хватает шпагу, деловито направляется к двери.

Я впечатлен:

– Ты куда? Спасать Василису?

– Прятаться!

5. Сделал домик

Отпраздновал, отдепрессировал, сделал дочери кукольный домик на день рождения, отболел, пора возвращаться в общественную жизнь. Всем привет!

А вот и домик.

Подробности:

Материал – массив сосны, задняя стенка – березовая фанера 10 мм.

За основу проекта взял кукольный домик из IKEA, но слегка поменял размеры под высоких кукол (28 см), плюс добавлены окна во французском стиле и балкон.

Крепление на саморезы (внутренние стенки на чопики), сейчас, наверное, сделал бы на конфирмат (он же еврошуруп), как у IKEA. Саморезы хуже стягивают, сосна дерево мягкое. Зато задняя стенка из фанеры посажена с тройным запасом прочности – сначала приклеена на жидкие гвозди, зафиксирована саморезами, а затем еще промазана по стыкам с деревом моим любимым эпоксилином дуо. Параноик строит дом.

Теперь домик можно вешать на стенку и использовать как оружие массового поражения. Когда вы увидите огромную воронку, он будет лежать точно в эпицентре.

Вообще, с этим домиком я, кажется, совершил все возможные ошибки. Откровением для меня, дипломированного в прошлом инженера, стало то, что электролобзик вместо задекларированных 45 градусов пилит под углом… 55 градусов. Так что строчка в инструкции (между делом), мол, проверяйте выставленный угол транспортиром, оказалась не случайной. А что? Подумаешь, на лобзике есть железная метка 45 и лобзик в этом положении фиксируется намертво… Проверяйте! Ты ж инженер, Мишка, а это значит… Почти по Утесову. В общем, примерно так и выглядит столкновение теории с практикой.

Покраска – отдельная история. Теперь понятно, почему хороший маляр так дорого берет за работу. Это ж Рембрандтом надо быть, чтобы краска везде легла ровно и без подтеков! Тут я, кстати, в очередной раз совершил ошибку. Купил вместо водорастворимой белой эмали точно такую же, но растворимую уайт спиритом. Банки одинаковые, а aqua там мелким шрифтом. Этот маленький нюанс обнаружился ровно в тот момент, когда надо было отмывать руки. Мои и Василисы (дочь помогала мне с покраской). Белые-белые, красивые-красивые. Уайт спирита не было, а вода не помогала совершенно. Ничего, жидкость для снятия макияжа, позаимствованная у жены, тоже неплохо

справилась.

Еще одним откровением для меня стало, что перед нанесением второго слоя эмали первый, высохший, нужно отполировать мелкой наждачкой. Затем пропылесосить и протереть влажной тряпкой. Возможно, это все знают, один я как идиот. Но я был поражен, честно. Соскребая наждачкой недавно нанесенную краску, я наконец понял смысл выражения «когнитивный диссонанс». Я познал! Ты ж инженер, Мишка… а он не плачет…

В общем, было интересно и познавательно. И немного смешно.

Да – Ютуб и видеосоветы мастеров рулят. Спасибо им!

Теперь итоги.

Злата (теперь ей четыре), увидев еще не до конца готовый домик, подбежала ко мне с криком «Папа, ты мой герой!» и обняла меня за ногу. Потом деловито заметила, что не хватает прихожей, туалета и лестницы. И где четвертая стена? По этому вопросу я сразу опознал будущего Станиславского. Жена сказала, что домик – это замечательно, но в следующий раз пилить, сверлить и шлифовать я буду не на кухне, а на лестничной площадке, а лучше – в другом городе. Ибо невозможно от этой пыли! Но в целом – у нее оказался вполне приличный муж, с которым не стыдно показаться в социальных сетях, и тут же разослала фото домика всем родным, подругам и знакомым. Знай наших, ставьте лайки. Сомневаюсь, что фото хотя бы одной моей книги обнаружится в тех же телефонах и планшетах, где сейчас обитает селфи белого домика с сиреневой крышей. Не-не, я ничего не говорил про «когнитивный диссонанс».

Теща сказала: «Даже в магазин поехал, за досками? Ну, конечно-конечно, для своей любимицы…»

Мужчины! Делайте дочерям кукольные домики! Много нового о себе узнаете.

6. Маленькая корыстная девочка

Идем со Златой из детского сада. Переходим дорогу. Девица шагает задумчивая. Потом внезапно спрашивает:

– Папа, ты скучаешь по бабе Люде?

«Баба Люда» – это оперативный псевдоним моей мамы. А мама жены – «нанэйка», от башкирского «бабушка». Проблема в том, что обе наши бабушки живут в Нижневартовске, за три тысячи километров от девиц. И приезжают раз в год.

– Скучаю, – говорю. – А ты?

Злата тяжело вздыхает.

– Я тоже скучаю. Сильно-сильно! Давай баба Люда к нам приедет…

– Хорошо бы.

– …и игрушку мне подарит.

Занавес.

Но ведь на самом деле скучает.

Ах, это женское сердце. Хочется одновременно и любви, и шубку.

7. Замараш и красный носок

Дню кошек посвящается.

Когда Василисе было шесть лет, она сочинила рассказ. Точнее, рассказала мне, а я записал. На подготовке к школе им задали придумать новогоднюю историю. Василиса Дмитриевна все тянула (ей было некогда, Новый год, подарки и прочее), а потом мы ехали на машине на тот самый урок, где рассказ нужно было рассказывать. И Василиса его наконец придумала. Итак:

ЗАМАРАШ И КРАСНЫЙ НОСОК

История про кота Замараша, который хотел на Новый год подарок – теплый носок. Красного цвета, с узорами.

Зачем ему один носок, спросите?

Чтобы в нем спать. Тепло чтобы.

Вот Замараш писал письма Деду Морозу. Каждый год. «Хочу носок». Относил и бросал в почтовый ящик.

А Дед Мороз все не приносил подарок.

Ящик оказался заброшенный. Там скопились десятки писем.

И Замараш в этот год не стал писать письмо.

И пошел сам.

На Северный полюс, спросите вы?

Нет. В Великий Устюг.

Шел он через бескрайние снежные пустыни.

Встречались ему волки, лисы и кто-то еще, забыл. И он от них прятался.

Но не мерз. Потому что у него была курточка.

…Ну, не такая, как у полярников, конечно. Попроще.

Шел он, шел. И встретил северного оленя. Тот показал ему дорогу к Деду Морозу.

Потом Замараш шел, шел, шел. Думал, потерялся, а тут снова северный олень. «Давай я тебя отвезу».

И привез олень Замараша к Деду Морозу. И Дед Мороз выслушал его и подарил ему теплый красный носок с узорами – НЕ ДОЖИДАЯСЬ двенадцати часов.

А потом у Василисы идет кинематографический план – как

Замараш возвращается.

Сначала олени бегут. Дальше Дед Мороз в санях. И дальше в самом конце саней – Замараш в красном носке.

И приехали они к Замарашу домой.

Жил он в большом доме. Вместе с собаками дворняжками. Их было много, дворняжек.

И еще там жила семья маленьких бродяг.

И Дед Мороз всем подарил подарки.

(Маленький бродяга – это мы с ней посмотрели «Цирк» Чарли Чаплина.)

Конец

Жена мне сначала не верила, что это мелкая придумала.

Я говорю: я только задавал вопросы. И все.

Чистый нарратив.

Теперь жена меня терроризирует – запиши да запиши.

Я же не могу просто записать. Я начинаю придумывать детали.

Этот почтовый ящик заброшенный. Засыпанный снегом. И десятки писем в нем лежат. И вот кот открывает лапой ржавую шторку над щелью (скри-и-ип) и проталкивает конверт.

Душераздирающее зрелище. Совершенно.

А письма никто не забирает!

8. Немое кино

Василиса уехала к бабушке в Уфу, а мама вернулась, все хорошо. Но Злата ничего не забывает. «Если бы смысл театра был только в развлекательном зрелище, быть может, и не стоило бы класть в него столько труда. Но театр есть искусство отражать жизнь», – завещал великий Станиславский. Злата не в курсе, кто такой Станиславский, но интуитивно его постигает.

По пути в детский сад она планирует день.

– Мама, а сегодня я буду ужинать?

Представляю, как это звучит со стороны. Что ребенок питается не каждый день, стоит, колеблемый ветром, Оливер Твист в желтых резиновых сапожках.

На самом деле это всего лишь: останется ли сегодня Злата в садике на ужин или пойдет на гимнастику и будет ужинать уже дома?

– Сегодня будешь, – говорит жена.

Взгляд со стороны: «Невероятно, решила, наконец, покормить ребенка!»

– Хорошо, – говорит Злата. – Тогда я покушаю, а потом буду ходить и спрашивать: где же моя Василиса? Куда она подевалась?!

Последнее исполняется трагическим шепотом, с заламыванием рук, как у актрисы немого кино Веры Холодной. Мама смеется.

В общем, с планами на день определились.

9. Демократия и закон

У нас в квартире прошли выборы. Василиса (восемь лет), прочитав в детском журнале о мини-мэре мини-города, бросила литературу и пошла в политику. Нам нужен мэр! Нам срочно нужен мэр!

Вот ее избирательная листовка (орфография сохранена):

ГАЛАСУЕМ ЗА ВАСИЛИСУ

Ничего лишнего. И главное – никаких пустых обещаний.

После раздачи листовок прошли выборы. Совершенно демократическим путем. Бумажки с именами опустили в шапку и потом вытянули наугад. По-моему, демократичнее не бывает. Первые два тура выиграл я, третий – нанэйка (это по-башкирски «бабушка», помните?), на четвертом судьба столкнулась с настоящим политиком – и Василиса стала мэром.

Первыми действиями на посту мэра (кроме принятия поздравлений) стали поиски галстука. Ну какой мэр без галстука? Ладно, хоть лимузин бронированный покупать не пришлось, а то сейчас с бюджетом напряженка.

Наконец, галстук был найден, и свежеиспеченный мини-мэр начал работу на благо избирателей.

Вот первый указ:

Нельзя пить черную воду или из рек и озер
а пить только воду очищенную или ***Агушу***

Закон
кто нарушит
Закон
тот будет
платить 1000 рублей
и
заболеет

Подпись Ов. Василиса

По-моему, Собянин много лет занимался явно не тем.

10. Кафка и Василиса

Василиса (десять лет) продолжает свои литературные изыскания. На сей раз в школьной тетради по окружающему миру (второй класс). Я, прочитав этот рассказ, как-то очень мрачно грузанулся:

> *Жил-был мальчик, и была у него семья, а звали его Костик. Один раз мама попросила Костика с младшим братишкой погулять, когда ее дома не будет. Ушла мама, а Костик братику и говорит: иди сам погуляй. Братик послушался его и пошел гулять, а Костик на печке и заснул. Пришла мама и спрашивает: а где твой братик? Костик: а он гуляет. Испугалась мама, побежала сына искать, но не нашла. Заснули все, а Костику сон приснился, что он коровой стал. Проснулся, а он по правде коровой стал. Вот так бывает, если за младшими братьями не следишь.*

Возможно, с годами вся лирика выветрится, останется только чистый Кафка:

> *Костику сон приснился, что он коровой стал. Проснулся, а он по правде коровой стал.*

11. Укротительница Микки-Маусов

Холодно. Мороз, ветер. Гуляем со Златой на пустой площадке, детей не видно. Злата развлекает себя как может. Сначала мы играли в прятки, потом катались с горки, теперь нужно что-то новое.

– Папа, давай играть в цирк!

В цирк так в цирк.

– Я буду дрессировщицей! – заявляет Злата.

– Дрессировщицей кого? Львов?

– Нет, дрессировщицей Микки-Маусов!

Интересное развитие прежней Златиной идеи «вырасти и стать Микки-Маусом».

– А что Микки-Маусы делают? – спрашиваю. – Трюки?

– Смотрят, как другие артисты выступают!

По-моему, прекрасная работа.

12. Профориентация-3

Идем со Златой на прогулку. По пути она рассуждает о будущем.

– Когда я вырасту, я буду зубным врачом.

Это у нас новая тенденция. Мы неудачно полечили ей зубы у одного доктора, потом совсем неудачно у другого (так и не вылечили), и только с третьим – вернее, с третьей – все получилось. Хотя и не сразу. Слез и воплей было много. Но Злата сильно впечатлилась в итоге. Женщина-доктор вознеслась в ее представлении в сияющую высоту – где-то рядом с Зубной Феей. Доктор подарила ей книжку, как правильно чистить зубы, – теперь мы каждый вечер чистим зубы именно так. И заодно читаем эту книгу на сон грядущий. Злата даже написала Деду Морозу письмо, что на Новый год ей нужна Барби-стоматолог (не спрашивайте, но такая игрушка есть).

А теперь вот профессия.

Я представляю, как дочь идет в медицинский институт. А что, почему нет?

– Стоматологом? Это хорошо. А что ты будешь делать?

– Я буду показывать детям картинки… – говорит Злата. – Красивые, интересные. А потом вырывать им зубы!

13. Замараш и ледяная горка

Что я все о Злате да о Злате? Моей старшей дочери, Василисе, в далеком 2011-м было шесть лет. И она сочиняла истории.

* * *

Будь я рекламщиком в каком-нибудь крупном издательстве, я бы написал:

> *Наконец-то! Долгожданное возвращение кота Замараша! Невероятные приключения и опасности! Читайте новую книгу от автора бестселлера «Замараш и красный носок»!*
>
> *Вы рыдали, когда читали первую книгу? В этот раз вам понадобится в три раза больше носовых платков!*

Но не напишу. Это просто вторая история, рассказанная дочерью по следам первой. После того, как я записал историю по памяти, Василисе Дмитриевне она была прочитана вслух. И знаете что? Я забыл про чупа-чупс! Непростительный промах с моей стороны. По настоянию дочери чупа-чупс возвращен на место.

Итак:

ЗАМАРАШ И ЛЕДЯНАЯ ГОРКА

Однажды утром кот Замараш проснулся в своем красном носке и посмотрел в окно. Там было солнце и шел мягкий большой снег.

Завтракать было нечем, поэтому Замараш взял старую ледянку и пошел на горку.

Дом, в котором он жил, стоял далеко (не знаю от чего. Может, от центра. Может, от МКАД).

В доме жили три дворняжки. Первую звали Тоня – самую большую и добрую, похожую на сенбернара. Другую Дина – маленькую и длинную, как такса. А третья была Мими – высокая, длинноногая собака с белым чубом.

Семья, что жила в одном доме с Замарашем, были бродяги. Папа у них не работал, они находили еду на помойках (из сказки слов не выбросишь. Тут вариант без цензуры).

Так что завтракать коту было нечем (ребенок последователен).

Замараш пришел на горку. Там было много детей, все катались, толкались, целая очередь. Но маленького Замараша все пропускали. Он катался, катался. Ему очень нравилось кататься.

И тут один мальчик сильно толкнул Замараша. Замараш в ответ дал сдачи и поцарапал мальчика. Мальчик сказал: уходи отсюда!

А мама мальчика, которая все видела, наругала мальчика. И Замараш снова поехал с горки.

А мальчик не отстал. Он схватил старую ледянку Замараша и сломал.

Замараш очень расстроился. И снова поцарапал мальчика когтями. А мама мальчика подошла и отдала Замарашу «ватрушку» (он же тюбинг, камера от колеса, обшитая клеенкой). И еще чупа-чупс! Замараш еще немного покатался и пошел домой.

С «ватрушкой» и чупа-чупсом.

А дворняжки спросили: что это у тебя?

Замараш сказал: моя новая «ватрушка»! И чупа-чупс!

И они пошли в дом.

А снег продолжал падать (должен же и я что-нибудь от себя добавить? писатель я или нет?). Большой и мягкий, как собака Тоня.

Конец

В общем, в этой истории драматизму поменьше. И рыдать вроде не над чем. Но!

Зато здесь, кажется, есть мораль.

Очень простая, считаю. Давать сдачи в любом случае стоит. Даже если ты намного меньше обидчика.

Все.

14. Юные падаваны и имперский марш

Старшая девица посмотрела шесть частей «Звездных войн», теперь хочет на Новый год от Деда Мороза лазерный меч («можно даже игрушечный») и разучивает на пианино «Имперский марш» (клево). Можно идти с ней в кино на «Пробуждение Силы».

Все бы хорошо, но одноклассники дочери не дремлют. Вчера один из юных падаванов заспойлерил Василисе главный поворот седьмой части, а дочь наивно поделилась со мной…

Вот что делать с юными ухажерами (зачеркнуто) падаванами, если они уже сейчас портят мне жизнь?

Куплю ружье. Можно даже настоящее.

* * *

Продолжение темы.

Младшая девица Злата ходит по детской площадке и напевает песенку. Я думаю: что-то очень знакомое. Потом меня осенило. Это же главная тема «Звездных войн»! Там-та-таа-да, там-та-да-таа. Видимо, запомнила, когда старшая напевала.

Хорошо, хоть не «Имперский марш».

Люк Скайуокер еще ладно, но юного Дарта Вейдера в семье я бы не перенес.

15. Красивый осел

Едем со старшей дочкой из театра. Василиса рассказывает:

– Сегодня на истории театра у нас было задание: нарисовать Рождество, это для нового спектакля. Кто нарисовал младенца Иисуса, кто Деву Марию, кто волхвов, в общем, одного из тех, кто был в ту ночь в пещере.

– А ты кого нарисовала?

– Я? Осла.

Пауза.

– Э-э… а почему осла?

– Потому что я людей не умею рисовать.

Тут она, конечно, лукавит.

– И что дальше? – спрашиваю.

– Я нарисовала осла, потом у меня осталось время, я нарисовала ангела, потом еще человечка. Человечек корявый вышел, какой-то урод. Ангел тоже страшный.

– А осел?

– Осел – красавец!

Так, срочно подарить ребенку книгу Даррелла «Моя семья и другие животные». В семье растет художник-анималист.

16. Злата и Плохие Слова

– Такая-то девочка в садике – глупая корова! – говорит Злата в сердцах.

Мама:

– Это плохие слова, нельзя так говорить.

Папа решает пошутить:

– Надо говорить «умная», чтобы не обидеть.

– Да! Она умная корова! Умная и сильная корова!

17. Музыка Рождества

31 декабря. Готовимся к Новому году. Злата, в роскошном платье, со стильной прической, ходит по квартире и таскает в руках модель вокзала из игрушечной железной дороги. Если нажать на вокзале кнопку, начинает играть рождественская мелодия – очень громко и уверенно. А так как Злата жмет кнопку постоянно, то громкое и уверенное Рождество звучит по всей квартире не переставая. Родители морщатся, но терпят.

Василиса, наконец, не выдержала. Кричит на сестру:

– Злата, хватит! Надоело уже!

Злата, обиженная, уходит. Музыка стихает. Благословенная тишина. Родители вздыхают с облегчением. Через минуту Злата возвращается, руки в бока, и с апломбом заявляет:

– А люди хотят музыки!

И с чувством собственной правоты нажимает кнопку.

18. Исконно женское

Проблема выбора. Идем со Златой по улице. Спрашиваю:

– Ну как в садике?

– Я нарисовала рисунок и слепила зайчика.

– Умница!

– Какая еще умница? – Злата останавливается, возмущенная. – Я не умница, я – красотка!

Действительно, что теперь, разорваться, что ли?

19. Замараш 337

Дню космонавтики посвящается.

Василиса Дмитриевна (одиннадцать лет) получила в школе задание написать фантастический рассказ. И вот что из этого вышло…

ЗАМАРАШ 337

Космолет снижался. Была глубокая ночь. Р-285 скомандовал:

– Сбрасывай!

– Кого? – спросил М-1А3.

– Кого-кого… Ну конечно же Замараша 337! – сказал Р-285.

– Зачем?

– Ну, ты же сам знаешь, балда! – сказал Р-285.

Вдруг открылся люк, из него вывалился ящик. Он приземлился, и оттуда вылез маленький котенок. Его никогда не отличишь от настоящего, а на самом деле это был робот. Котенок сначала прошелся на четырех лапах, а потом сел. Вдруг перед ним появился экран, на нем был Р-285.

Он был серьезным и немного взволнованным.

– Так, Замараш 337. Вы готовы к выполнению вашей миссии? – спросил Р-285. Котенок кивнул.

– Хорошо, начинайте. Желаю вам удачи!

Экран отключился. Котенок пошел по улице. Начало светать. Замарашу 337 нужно было столько всего успеть. Первым делом он должен был найти котов. Коты нашлись быстро, на улицах этого города были целые собрания. Во-вторых, ему надо было узнать, как ведут себя коты.

Первое, что он увидел, было не очень приятным. Коты вылизывали себя с ног до головы. Но ничего не поделаешь, для того, чтобы найти себе друга, нужно вести себя как кот. Второе, что Замараш 337 узнал, – коты спят когда угодно и где угодно.

Вдруг к Замарашу 337 подошла банда котов. Все коты были исцарапаны, и клочки шерсти болтались на них. Один из котов спросил:

– Что ты тут делаешь?

– Я тут сплю, – ответил Замараш 337.

– Это наша территория! Убирайся отсюда! – сказал другой кот.

Замараш 337 не хотел вступать в драку, поэтому поспешно ушел. Он был готов найти себе нового друга. Замараш 337 решил

пойти на детскую площадку, там было очень много детей. Он ходил по площадке, но друга не нашел. Он уже отчаялся, но вдруг увидел одну девочку. Замараш 337 подошел к ней и походил рядом. Вдруг девочка неожиданно взяла его на руки и спросила:

– Ты потерялся, малыш?

Замараш покачал головой в знак отказа.

– У тебя есть дом?

Замараш 337 покачал головой в знак отказа.

– Ну, тогда я возьму тебя к себе домой! Меня зовут Злата, а тебя, наверное, я назову Замарайка… или нет, Замарашка… нет, Замараш!

Замараш 337 покачал головой в знак согласия.

Злата взяла его домой, и Замараш 337 наконец нашел друга.

Конец

Примечание: Стиль автора сохранен.

20. Генеральный инспектор, или Мадам Копуша за работой

Баба Люда приехала из Нижневартовска. В гостиной – вязальное царство. Голубая пряжа, желтые нитки, расслабленный перестук спиц. Василиса учится вязать снеговика под чутким руководством бабушки. Жена примеряется к детской шапке. Папа по соседству пытается редактировать роман и мысленно матерится, поскольку лучше б вязать. Бабушка накидывает две петли через одну.

Злата (наши четыре года) нашла где-то пластиковые очки от куклы и нацепила на нос. В руки взяла блокнот и ручку. На лицо навела деловое выражение.

В этом виде она невероятно похожа на бабушку.

Злата заходит в гостиную и объявляет:

– Здравствуйте! Меня зовут Мадам Копуша.

Пока стихает смех, Злата ходит по гостиной. Останавливается перед бабушкой, внимательно смотрит, как та вяжет, и потом молча пишет в блокноте. Идет к Василисе, внимательно смотрит и пишет в блокноте. Дальше – к маме.

Потом ко мне. Внимательный неприступный взгляд, запись, дальше.

– Мадам Копуша, что вы делаете? – спрашиваю.

Злата поворачивается, морщит нос.

– Видишь? – и показывает закорючку. – Это я тебя записала, это маму, это Василису. А это бабу Люду.

– Ага! Мадам Копуша всех нас посчитала.

Смешно.

Злата же серьезно идет к бабушке – смотрит и делает пометку в блокнот. Потом – по кругу. Бабушка, Василиса, мама, папа.

На третьем круге всем становится слегка неуютно. Необъяснимый феномен. Вроде чувствуешь за собой какую-то неясную, но несомненную вину.

Разговоры стихают, перестук спиц ускоряется. Папа, удивившись сам, перелезает на следующую страницу правок. Генеральный инспектор продолжает обход.

– Злата! Зачем ты это делаешь? – спрашиваю.

Суровый взгляд. Отрезает:

– Так надо.

Работай. Мадам Копуша следит за тобой, проклятый прокрастинатор.

21. Наше все

– Злата, какие твои любимые фрукты?

– Яблоко, груша, – радостно перечисляет дочь. – Супчик… И куриная ножка!

Угу. Хорошо быть фруктorианцем.

22. Бендер в январе

– Злата, ты поужинала в садике? Все съела?

– Я голодная.

Папа озадачен:

– Это как? Ты разве не ела? Что у вас было на ужин?

– Капуста с котлеткой.

Капусту мы не любим. У Златы едой считается только мясо.

– А у меня была самая маленькая котлетка, – грустно делится Злата. И показывает: – Вот такая. Я расстроилась. Я вздохнула вот так и сказала: ну почему у меня такая маленькая котлетка?

Да, судя по расстоянию между пальчиками, котлетка точно была не фонтан.

Мне становится обидно за дочь. Растущий организм, а тут такое. Обделили.

– Да, обидно. Но ты хотя бы съела капусту? – По моим студенческим воспоминаниям, набить желудок вполне себе аналог сытости.

– Нет.

– Почему?!

– Потому что Наталья Николавна пожалела меня и дала мне еще одну котлетку.

23. Яркость мышления

Идем из садика. Злата:

– Папа, я замерзла сегодня, как козел!

Я серьезно забуксовал. Тренированный писательский ум заскользил по неожиданному сравнению, точно по льду. Надо шипованную ставить.

– Э… это как?

– Ну, папа! Овечки зимой в снегу мерзнут, да? И козел тоже!

24. Ох уж эта Лиза

У Златы есть подруга – отвязная девица примерно на полгода ее старше. Зовут Лиза. Лиза учит Злату плохому. Лиза не признает авторитетов и правил. Лиза на все имеет собственное мнение и всегда найдет, в какое приключение на свою попу им встрять.

Я легко могу представить Лизу лет через десять в косухе и пирсинге, с татуировкой розы на лодыжке, в окружении наперебой выпендривающихся перед ней мальчишек, и уверен, что курить она начнет раньше ровесниц.

Лиза каждый день совершает невероятные открытия и сообщает об этом Злате, чтобы та восхищалась и несла свет учения остальным.

Лиза говорит Злате, с кем дружить, а с кем – нет.

Лиза решает, какую кашу есть за ужином – и Злата беспрекословно слушается.

На руках у Лизы переводные татуировки розовых пони, на губах – гигиеническая помада с запахом клубники. Лиза – стильная девица.

У Лизы есть айфон последней модели, белый дворец, конюшня, дача с видом на море, куча роскошных платьев, желтая машина, которую она водит сама, и настоящий стеклянный шарик.

Как отец я просто обязан оградить Злату от тлетворного влияния этой яркой, но чересчур авторитарной личности.

Я готов это сделать.

Да.

Проблема в том, что Лиза – Златин воображаемый друг.

В общем, привет, Карлсон.

25. Оранжевый Слон

> *«Каждое действие я оканчиваю как рассказы: все действие веду мирно и тихо, а в конце даю зрителю по морде». (с) Антон Чехов во время написания пьесы «Иванов»*

Василиса пишет рассказы. Но иногда, как настоящий творец, останавливается на полуслове и убегает куда-то, за другой гениальной мыслью. Вот и здесь она писала рассказ, писала, а потом убежала. И рассказ остановился словно бы на полуслове…

И – хорошо.

Возможно, автор хотел бы добавить что-то еще, расписать концовку – жили долго и счастливо – и мораль, но я считаю, что рассказ закончен.

ОРАНЖЕВЫЙ СЛОН

Жил на свете Оранжевый Слон. Он был большой и умный. Но у него был очень маленький хвостик. Когда он проходил по своей оранжевой улице, все прохожие говорили друг другу:

– Смотрите, какой у него хвост! Просто не хвост, а ниточка!

Оранжевый Слон обижался и думал: «Почему у меня такой хвост?» Как-то раз он гулял в своем оранжевом парке и любовался, как плывут облака в небе, и вдруг ему навстречу вылетел маленький орленок. Он врезался в Оранжевого Слона и прижался к нему. Вдруг из-за угла выскочил кот, которого звали Бегемот. Он бросился на орленка, но Оранжевый Слон не стал ждать, он повернулся и прикрыл собой орленка, а кот врезался ему в спину и отлетел. Оранжевый Слон подошел к нему и сказал:

– Зачем ты обижаешь маленьких?

Кот Бегемот ответил:

– Эй, короткохвост! Отдай мою добычу, я ее первый нашел! Я тебя своим длинным хвостом смету с моего пути!

Оранжевый Слон так разозлился, что стукнул его по голове. Кот со страху убежал. Орленок спросил Оранжевого Слона:

– Почему у тебя такой короткий хвост?

– Не знаю, – ответил Оранжевый Слон.

– Хочешь, мы тебе поможем?

– Кто это мы?

– Это я, мои друзья и родственники! Мы возьмем палку, а ты будешь держаться хвостом за нее. Мы взлетим, а ты будешь

висеть. Ты потом свалишься, но зато твой хвост вытянется!

– Хорошо! – согласился Оранжевый Слон. – Только надо выбрать палку покрепче и завязать мне глаза, а то я боюсь высоты!

– Конечно, конечно!

И они отправились за друзьями орленка. Они нашли их в лесу. Когда орленок договорился с друзьями, они всей толпой отправились искать подходящую ветку. Найдя ее, они принялись за работу. Оранжевый Слон зацепился хвостом за ветку, а в это время орленок завязал ему глаза. Друзья орленка ухватились за ветку и взлетели.

А в это время кот Бегемот хвастался всем дворовым котам:

– А я слона победил!

Ахнули все дворовые коты. И вдруг на кота Бегемота свалился Оранжевый Слон.

(с) Василиса (10 лет)

По-моему, прекрасный финал. Как говорится, лучше рояль в кустах, чем слон с неба.

26. День второстепенного писателя

С Днем второстепенного писателя, друзья!

Василиса:

– Папа, почему ты меня не поздравил с Днем второстепенного писателя?

– Э… не понял. Какого писателя?!

– Второстепенного.

– Как это?

– Это писатель, который пишет, но книжка еще не вышла. Вот я рассказы пишу?

Я даже немного растерялся:

– Пишешь. Мы на радио их с тобой читали…

Мы были с Василисой на передаче. Шел разговор о том, как знаменитые родители справляются с воспитанием детей. Не то чтобы я был слишком знаменит или хорошо справлялся с воспитанием – дочери скорее как-то сами воспитываются… Но поговорили очень весело. А напоследок я прочитал в эфире один рассказ Василисы, короткий, а сама Василиса – второй, подлиннее. Получилось неплохо, ведущая смеялась. Надеюсь, слушателям тоже понравилось.

– Но книги у меня нет, – грустно подводит итог Василиса. – Значит, я второстепенный писатель. Почему ты меня не поздравил? Мы тебя с Днем писателя поздравляли… – Василиса смотрит на меня круглыми глазами. – Первостепенного.

В общем, подарил лукавому ребенку шоколадку (ладно, две, вторую с белым шоколадом). Поздравил коллегу.

27. Вопросы мироздания

Жена послала в магазин за гелем для душа. Для меня. А там их столько… Я выбрал три варианта. Высылаю жене фото и пишу:

– Какой взять? Какой точнее выражает мое «я»? «Снежная лавина»? «Энергия горной реки»? Или «Пробуждение вулкана»?

Ответ жены:

– Возьми, который дешевле.

Занавес.

Женщины! Как с вами говорить о вопросах мирозданья?

28. Философ и балбес

– Злата, почему цветы черные?

– Просто это жизнь.

Я озадаченно рассматриваю рисунки дочери. Злате нравится рисовать акварельными красками, но выбор цветовой гаммы меня поразил.

– Злата, но почему солнце-то черное?!

– Папа, это просто жизнь! Ну как ты не понимаешь?

У меня перед глазами мелькает: «Признаки депрессии… любимый цвет черный… задавленное «я»… ребенок ищет выход… не находит…» В ушах звучит сочувственный голос психолога: «Это ваша девочка нарисовала? Мнэ-э. Понятно-понятно. Будем работать».

– Э-э… Объясни.

– Просто есть разные солнцы. Есть синее, и желтое, и красное. А это черное.

До папы начинает доходить. Меня озаряет. Речь, оказывается, шла о том, что мир вокруг разнообразен и удивителен. А вовсе не о том, что он мрачен.

– И цветы тоже? Вокруг нас растут желтые и красные, а где-то далеко-далеко, на другой планете есть черные?

Злата смотрит на меня снисходительно. Во взгляде читается: «Он, конечно, балбес. Но он мой балбес».

– Да!

29. Как поссорились Злата Дмитриевна и Ульяна Батьковна

– Я с Ульяной больше не дружу, – поделилась Злата, вернувшись из детского сада.

– Что? Почему?

– Она сказала, что это ее туалет. А туалет общий!

Вообще-то, «Ульяночка» и «Сонечка» – лучшие и стародавние Златины подружки. А тут целую половину потеряли. Конечно, я удивлен.

– Так, – говорю. – А теперь подробней.

– Я захотела писать. Побежала в туалет, а там Ульяна. Она говорит: не ходи сюда писать, это мой унитаз. А он общий! Я говорю: это общий унитаз. А Ульяна говорит: нет, это мой. А я же хочу писать!

– Больше мы с Ульяной не дружим, – заключает Злата. – И никогда-никогда не помиримся!

– Из-за туалета? Правда?

– Да!

И заканчивает грустно:

– Вот так мы с Ульяной поссорились.

Территориальные претензии сопредельных государств. Отдайте наши Фолкленды, сволочи.

– Теперь я дружу только с Вероникой, – говорит Злата мстительно.

– А как же Сонечка?

«Куда это делась наша вторая дружеская половинка?»

– А Соня болеет.

Правда, сегодня с утра, собираясь в садик, Злата сменила гнев на милость.

– Помиришься с Ульяной? – спрашиваю.

– Нет! Никогда-преникогда не помирюсь! – заявляет дочь гордо, потом вдруг смеется: – Ладно-ладно. Я помирюсь с Ульяной. Скажу ей: давай играть. И с Вероникой буду играть… и даже… – понижает голос, многозначительно: – И даже с Ромой буду.

Занавес. Всеобщий мир и жевачка. Даже мужскую половину человечества за что-то простили. Наверняка этот Рома даже не знал, что в чем-то виноват. Лопух. Ну, тем лучше. Меньше знаешь – лучше спишь. Я вообще за мир.

30. Моцарт и компания

Василиса хорошо поет. Первое сопрано, одна из солисток в хоре Локтева. Я хуже, зато у меня глубокий бас и пульт от караоке.

Это я про новогодние каникулы.

Пока мы со старшей дочкой весь вечер пели караоке (да-да, прокляните меня), младшая была занята серьезным делом. Она лежала на полу в коридоре и, высунув язык, писала песню.

Иногда подбегала к нам с Василисой и говорила: «Слушайте! Ну слушайте!» – требовательным и капризным голосом настоящего творца. И показывала листок, исписанный от и до. Мол, песня готова.

Злате давали микрофон, она кричала туда «А-а!» так, что едва не опадали потолки, и убегала, радостно смеясь. Дальше писать песню, конечно.

Теперь представьте юного Моцарта за созданием шедевра – посреди коридора, косички торчат во все стороны, листы бумаги разбросаны вокруг, в глазах вдохновение…

А песню мы так и не услышали. Видимо, все еще впереди.

31. Нужны ли сегодня рыцари? (сочинение Василисы)

Сейчас мальчики меньше помогают девочкам. Я хочу, чтобы мальчики перестали нас дразнить, а лучше пусть будут нам помогать. Рыцари нужны везде и всегда, в любом обществе. Мальчики нравятся девочкам общением, хорошей учебой и умением помогать другим.

Во всех сказках есть рыцари – добрые, отважные и бескорыстные. Пожарные – это тоже рыцари. Когда у нас в доме зазвенела пожарная тревога, мы вышли на улицу и встретили пожарное подразделение. Из машины вышли красивые, высокие, мужественные пожарные. Они приехали к нам по ложной тревоге, а так сколько жизней они спасают из огня, сколько жизней они выносят на руках, а иногда сами погибают. Их экипировка рассчитана всего на 8 минут открытого огня, а они должны успеть столько сделать.

Из этого я сделала вывод, что рыцари нужны всегда и везде. Иногда даже маленький хороший поступок может показать, что ты рыцарь.

Василиса, 5-й «О»

* * *

Вот такой вывод. А в качестве иллюстрации к Василисиному сочинению, пожалуйста, наберите в Гугле «красивые пожарные». И порадуйтесь. Женщинам настоятельно рекомендую.

32. Наследники Великого Комбинатора

Мелкая девица демонстрирует навыки ведения переговоров, как в известном анекдоте про зятя швейцарского банкира.

Вечер, пора спать. Злата (наши четыре года):

– Папа, включи мне это видео, пожалуйста! – показывает на рабочий стол. Там короткий ролик с утренника в детском саду, где мелкая лихо танцует что-то вроде твиста (папины гены).

– Хорошо. Сначала почисти зубы, тогда включу видео.

– Да! – Злата убегает.

Через минуту – топ-топ-топ – возвращается. Папа удивлен.

– Э-э… уже все?

– Мама разрешила сегодня не чистить зубы!

Я чешу затылок. Это озадачивает, потому что зубы у мелкой – больная тема, и чистит Злата их регулярно и серьезно – по книжке, подаренной стоматологом, и обязательно с помощью родителей. Но раз мама разрешила…

– Правда? Ну, хорошо.

Включаю видео. Меня выгоняют из комнаты – потому что под видео Злата будет еще вертеть попой, а в компании она смущается.

Спрашиваю жену:

– Ты что, разрешила ей не чистить зубы? С чего вдруг?

– Ты же сам сказал.

– Я?!

– Она пришла и спросила: можно я сегодня не буду чистить зубы? Тогда папа включит мне видео из садика.

Пауза. Потом я начинаю ржать.

– И ты разрешила?

– Ну… да. А что?

33. Настоящий хоккей

Василиса научила Злату играть в хоккей. Мы с женой подарили им на Рождество набор – две маленькие клюшки и пластиковая шайба. За окном – минус тридцать, не выйдешь. Две девицы в маечках (жарко) и в розовых кроксах (чтобы не попало шайбой по пальцам) играют день напролет в коридоре. Друг против друга, конечно. Две команды. Двери в комнаты служат воротами.

Сижу, щелкаю по клавишам. Пишу новую книгу.

Слышу за спиной – вдруг кто-то из девиц сел на пол и обиженно ноет. Понятно, что младшая.

Я вздыхаю и иду разбираться.

– Ну, что у вас опять случилось?

Василиса пожимает плечами:

– Злата обиделась.

– И в чем дело?

– Нечестно! – Злата поднимает голову, косички возмущенно взлетают. – Шайбу надо забивать в чужие ворота, а Василиса забила в мои!

Да уж.

Логика. Против нее не попрешь.

34…и шубку!

Забираю Злату из детского сада, бежим к машине. Дальше у нас художественная гимнастика.

Злата:

– А потом пойдем и купим большой киндер с Дедом Морозом, да?

– Большой не купим, купим маленький.

– Хорошо, после гимнастики пойдем в магазин и купим маленький киндер, – Злата любит все планировать наперед. Она на мгновение задумывается. – И еще феечку, да?

Неожиданный для папы поворот. После Нового года феечки в семейный бюджет уже не лезут. Там и киндерам-то тесно. Даже маленьким.

– Нет, феечку мы покупать не будем.

– Ну-у…

– Смотри. – Папа начинает обходной маневр, чтобы увести мысль дочери от феечек – как когда-то уводил мысль жены от покупки шубы. – Сейчас едем на гимнастику. Потом зайдем в магазин и купим маленький киндер, так?

– Да, да! – девица кивает.

– Еще купим хлеб и молочные коктейли. Ты же любишь молочный коктейль?

– Да!

– Еще купим сок, вишневый, большую пачку.

– Да!!! И феечку.

Мда. Вот и с шубкой когда-то тоже не выгорело.

35. Синко Льягас

Вспомнилось из собственного детства. Ну как из детства – я был тогда чуть постарше Василисы. Однажды в нашей квартире зазвонил телефон…

Я снял трубку.

– Алло? – сказал я хрипло. У меня начинал ломаться голос. По телефону меня иногда принимали за отца – с его насмешливым прокуренным тенором.

– Дима? Узнал? – спросил воркующий девичий голос.

– Конечно, – мужественно ответил я. Хотя совсем не узнал. Кто это может быть? Настя из соседнего подъезда? Ленка Полуэктова? Олька Афанасьева? Учительница музыки в полупрозрачной блузке? Джина Лоллобриджида из «Фанфан-тюльпан»? Хорошо бы.

– Пойдем вечером на танцы в парк? Вместе?

Вся жизнь пронеслась у меня перед глазами. Все коробки пластилина, похожего на тол из фильмов про войну, все миллионы слепленных солдатиков. Пластиковая модель «МиГа» и ледокол «Ленин» с тысячью крошечных дверей. Все взорванные в подъезде патроны и бутылки с карбидом. Пламя над забором и индийское кино «Танцор диско». Ача, ача, джими, джими. Классическая борьба. Все горы прочитанных книг и суровые слезы капитана Блада по Арабелле. Несчастная, но дико привлекательная еврейка из Айвенго. «Три орешка для Золушки» и эротические переживания на снегу. Смеющиеся девчонки у магазина и взгляды искоса. Хи-хи. Тонкие запястья. Деревянные мечи и стрелы Робин Гуда. Любовь, сжигающая все.

Все предшествующие годы я ждал этой фразы.

С этого момента начиналась моя взрослая жизнь, полная приключений и подвигов.

– Ладно, – сказал я. – Пойдем.

Воркующий голос продолжал:

– Зайдешь тогда за мной в шесть?

Мгновенное головокружение. Зайти куда? Наваждение спало. Кто это? Где живет?

Как узнать?!

Нужно принять решение.

– Нет, – сказал я.

В трубке замолчали. Я слышал только дыхание.

– Нет?! – голос вдруг на мгновение показался знакомым. – Почему нет?!

– Я передумал. Не хочу на танцы.

Капитан Блад стоял в изрубленной кирасе и смотрел, как верный «Синко Льягас» уходит на дно. Французские ядра свистели над его головой. Голубые глаза капитана были спокойны…

– Но… подожди! – взмолились там.

Я положил трубку.

Пузыри вырвались на поверхность, вода взбурлила… И только уцелевшая фок-мачта все еще возвышалась над гладью залива. Вскоре исчезла и она.

Капитан Блад вздохнул.

Погнутая, окровавленная шпага выпала из его усталой руки.

Бум.

Тишина. Мужское одиночество.

Подошел Скарамуш и похлопал меня по плечу. Обычная саркастическая улыбка его была полна печали. Издалека, сквозь пары гашиша, на меня отрешенно смотрел граф Монте-Кристо, возлежа на подушках. Пан Заглоба, д'Артаньян и Анжей Кмициц молчали, но я чувствовал их поддержку. Восставший раб Спартак кивнул мне.

– Женщины, – произнес гладиатор, словно это было ответом на все вопросы.

Женщины. Загадочные создания, ради которых только и стоит совершать подвиги. Я вздохнул.

Почему они, блин, не могут говорить нормальным голосом?!

36. Король и лира

Злата постоянно повышает свои навыки ведения переговоров. Это у нее в деда, наверное. О моем отце говорили, что все в семье – русские, и только Славка – еврей. Вернее, «ох и еврей».

Вечер. Поздно. Пора спать.

– Злата, иди чистить зубы.

– Я сначала мультик посмотрю, можно?

– Злата!

– Ну, пожа-аалуста!

– Ладно, – я вздыхаю. – Только одну минутку!

Глаза девицы загораются. Все, мы ведем переговоры. Попался. В такие моменты я чувствую, как шаток подо мной трон.

– Две минутки! – вскидывает пальцы буквой V, в знаке «победа». Ну, это она поторопилась. Папа тоже не промах, папа умеет торговаться.

– Полторы!

Короткая пауза. За это время я успеваю сообразить, что у женщин и дипломатов непонятное слово трактуется не как «он такой умный, надо переспросить», а как «пойму в свою пользу».

– Три минутки? Ура!

– Нет, Злата! Две минутки! И зубы чистить.

– Хорошо, папочка-папулечка, – смиренно говорит дочь. – Две минутки.

Угу. Добилась своего и отполировала лестью. Ну, и как тут злиться? Иди, Лир, и перечитай Шекспира.

37. Мое домашнее животное (сочинение Василисы)

Какие интересные животные кошки! Они не похожи на собак внешне, и поведением они другие. Кошки очень самодовольны, а собаки очень привязаны к человеку. Сегодня я расскажу о своей кошке.

Мою кошку зовут Фифа. Она не дается гладиться, как все другие кошки. Она любит, чтобы ей чесали за ушком, но не рукой, а ногой. У Фифы серая шерсть и ярко-оранжевые глаза, длинный хвост. Она очень мало играет. Иногда, когда думает, что я ее не вижу, Фифа облизывает свое отражение в зеркале. Она очень много спит, и когда я выгоняю ее с одного места, оно остается теплым.

Кошки бывают разными. Я очень люблю свою кошку. Когда мне страшно, я начинаю с ней разговаривать, а она трется о мои ноги. Когда я дома одна, она ходит за мной по пятам. Мне кажется, она думает, что я ее котенок, который может потеряться в квартире.

Вот такая у нас принцесса Фифа.

38. Нервы как канат

Работаю я обычно ночью, когда принцессы спят.

Сидел, писал рассказ для сборника хоррора. Закончил около часа ночи. Пошел на кухню наливать чай, там только ночник светится и подсветка холодильника. Наливаю чай, начинаю отодвигать стул и тут – такой тихий голос-звук «шшшшшиа, шшшиа». Жутко. Я чуть не поседел. Мороз по коже.

Потом только сообразил. На стуле лежала Златина кукла, а у нее батарейка подсела. Кукла должна агукать, а звук из-за севшей батареи кошмар просто.

Нет, нельзя на ночь писать рассказы ужасов.

Я не представляю, как Стивен Кинг ночью в туалет идет. Это ж нервы как канаты.

39. Мужчины такие странные

Сегодня наблюдал со стороны, как солидный состоявшийся мужчина знакомится.

Злата уговорила меня пойти на детскую площадку и сразу залезла на качели. На соседних сидел мальчик – года на два старше моей девицы, в оранжевой куртке. Злата требует: «Папа, покачай!» Я качаю.

Мальчик, оценив соседку, начинает заход на цель. Делаю я левый поворот…

Как опытный ловелас, он следует правилу «понижай потенциальной жертве самооценку».

– Самой надо учиться качаться, – легким баском, по-пацански грубовато заявляет он.

Его игнорируют. Но мальчика это не обескураживает.

– Тебя как зовут? Меня Матвей.

Злата хихикает и качается. Ноль внимания. Папе становится немного неловко за дочь.

– Злата, скажи Матвею, как тебя зовут.

– Злата.

Молча качаются. Матвей сосредоточен. Следит, чтобы амплитуда Златы ни на йоту не превысила амплитуду его качелей.

– Пришло время, – наконец говорит Матвей. – Я открою тебе секрет, Злата. На самом деле меня зовут… – Таинственная пауза. – Планшет.

Тут, конечно, разверзлись небеса. И земля дрогнула. И океаны вышли из берегов. И Антарктида растаяла, а там зелень, живые мамонты и динозавры, и мертвые фашисты штабелями прямо в сверкающих подлодках лежат. И что-то еще случилось. Погасло солнце. Россия выиграла чемпионат мира по футболу.

Но Злата ничего не заметила. Она любит качаться.

– А в детстве звали Планшетик. Или Планшик, – в отчаянии добавляет мальчишка. Вместо ответа Злата начинает напевать песни собственного сочинения. Ей хорошо. Она качается. Ветер свистит в ушах.

Я спрашиваю. Мне-то интересно.

– Тебя назвали Планшетом, потому что ты много знаешь?

– Ага, – говорит мальчик равнодушно. И снова обращается к Злате:

– Самой надо уже качаться. Видишь? Вот так, раз и два, – показывает. «Я шерстяной волчара, узри!» – Я вот не умел качаться, а потом Нина меня научила. И теперь я всегда качаюсь

сам.

Кто такая Нина, опять загадка. Но как понимаю, это не имеет значения, просто пришел момент «мужской откровенности». В надрыв. «Я никому раньше этого не рассказывал… тебе одной… Только ты можешь меня понять». Знакомая песня. «Ум в женщине – это сексуально».

– Нина – моя няня. И еще одного мальчика, она за нами двоими раньше присматривала. Я скучаю по Нине.

Тут, видимо, момент со слезой в голосе. Чтобы хрупкое женское сердце дрогнуло и прониклось. Но у Златы сердце из бронзы и керамогранита, украшенное стразиками. Матвей заметно сдувается, поникает.

– Привет! – подбегает девочка лет примерно как наш герой. В розовой вязаной шапке, в розовом шарфике. Останавливается у качелей.

– Ого, – говорит Планшет преувеличенно громко, для Златы.

Девочка машет нашему Планшету, вовсю улыбается.

Уже прирученная.

Планшет снисходительно улыбается ей в ответ, кивает. Он снова на высоте.

Планшет сообщает Злате, наклонив голову и доверительно понизив голос:

– Для нее я Матвей.

Шах и мат.

P.S. Когда мы вернулись с прогулки, я пересказал этот эпизод жене. Лариса посмеялась и сказала, что Матвей дал маху. Надо было не Планшетом называться, а Айпадом. Тогда бы Злата точно обратила на него внимание.

Ох уж этот извечный спор между *яблочниками и андроидоманами (зачеркнуто)* мужчинами и женщинами…

40. Кубометр в час

Злата мгновенно съела тарелку каши, выпила кружку сока, ждет, пока творожок согреется, и говорит:

– Папа, дай мне пока эти маленькие штучки! Ну, пожа-а-алуста!

Маленькие штучки – это суфле для какао. Беленькие.

– Э… – Я на глаз оцениваю приемистость дочери. – А ты не переешь?[1]

– Пожалуйста, папа! Я хочу переесть!!

41. Последний герой галактики

Вечер. Пора ложиться спать. Злата деловито ходит по детской, приложив к уху красный телефон-раскладушку. Это серьезный разговор. Воображаемые друзья попусту не звонят.

– Нет, Лиза, – говорит она в трубку. Плечиком Злата придерживает телефон – как делает мама. – Я не могу сейчас играть. Мне нужно делать уроки. Да-да, уроки. Так много задали.

Уроки – это она обезьянничает за старшей сестрой. Василиса в последнее время засиживается допоздна. Пятый класс, задают много, а у Василисы каждый день по несколько часов репетиций в хоре и в театре. Злата на своем маленьком столике раскладывает тетрадь и пишет фломастером. Страница за страницей. Если смотреть с расстояния и прищурившись, это выглядит как работа старательного и аккуратного ученика. Или волны с гравюры Хокусая.

– Злата, иди чистить зубы. Злата!

Девица поднимает взгляд.

– Я же разговариваю по телефону!

Первый испуг, заставивший Злату каждый день, как по часам, надраивать свои молочные резцы, прошел. Теперь девица все чаще отнекивается и от электрической щетки, и от помощи родителей. Загнать ее чистить зубы становится все сложней.

– Злата! Что доктор сказал?!

Девица слушает в телефон, потом говорит:

– Лиза сказала, что не хочет сегодня чистить зубы.

Это серьезный аргумент. Воображаемый друг Лиза частенько выражает потаенные Златины мысли.

– Хорошо, – я протягиваю руку. – Дай мне телефон, я поговорю с Лизой.

Злата смеется. «Папа, ты глупенький».

– Папа, ты что! Телефон же игрушечный!

Так. Съел? Папа ретируется из комнаты. Надо придумать обходной маневр.

Через пару минут я возвращаюсь. Девица все еще бродит с «раскладушкой», перебирает тетрадки и карандаши.

– Злата, – говорю я.

Дочь оборачивается с тем же недовольным выражением лица, что и жена, когда прерывают ее маленькую полуторачасовую беседу.

– Злата, я только что звонил Лизиному папе. Мы поговорили, и ее папа сказал, что Лиза сейчас идет чистить зубы.

В глазах дочери – всплеск изумления. Рот приоткрывается…

– Спроси Лизу.

Злата, ворча, бредет в ванную. Победа!

Папы должны держаться заодно, думаю я.

Я представляю, как где-то в зазеркалье Лизин папа стоит в дверях ванной, сложив могучие руки на груди, и терпеливо ждет, пока Лиза чистит свои мелкие зубки. У него усталые голубые глаза. Он чем-то похож на меня, только выше и крупнее, на щеке у него шрам от лазерного луча, на плече – татуировка космического десанта, кугуар, Сатурн, Вторая марсианская. Он прошел сквозь десятки космических сражений. Он выжил в огне Меркурия и в ледяной пустыне Оберона. Он задушил голыми руками шестиногого чупакабру и слизал азотистый лед с обтекателя ракеты, чтобы выжить. Он три раза спас мир и два раза – Солнечную систему. Он сверхчеловеческим усилием сделал предложение Лизиной маме. Он остановил нашествие венерианских роботов-убийц. А теперь ему нужно всего лишь уложить дочь спать…

Я невольно ежусь.

Даже страшно представить, каких реальных нервов стоит это воображаемому папе.

– Папа, я все! – заявляют Злата и Лиза. – Пошли читать книжку?

И мы идем.

42. Василиса и ее тень

У Златы есть художественная гимнастика и воображаемый друг Лиза, а у Василисы – школа, театр, хор и литературная карьера.

ДНЕВНИК ТЕНИ

Здравствуйте, дорогие читатели! Надеюсь, вы будете с интересом читать эту книгу, потому что это единственная книга, в которой вам пишет тень. Да, да, тень! Я тень девочки по имени Василиса, мы с ней не разлей вода. Если она что-то делает, и я должна это делать. Я не могу жить сама по себе! Сегодня я расскажу вам, что у нас бывает по понедельникам и вторникам, ну, в общем, расскажу о том, что у нас бывает всегда и что значит быть чьей-то тенью.

Понедельник, 28 сентября

Сегодня, как обычно, моя мама… ну, то есть ее… разбудила нас и велела собираться в школу. Собрав портфель, мы оделись и пошли завтракать. Завтрак был очень вкусный, и мы заторопились в школу. Первым уроком был русский, потом была физкультура, а за ней математика и чтение. Школьный день тянулся мучительно долго. Василиса, как всегда, поглядывала на часы и понимала, что не прошло и десяти минут с начала урока. Учительница рассказывала всякие формулы, падежи и еще много чего. Пока Василиса изучала их все, я просто болтала ногами. Когда мы были в столовой, я смотрела, как мальчики переворачивали тарелку с кашей, но она не падала.

Школьный день закончился, и все побежали в раздевалку и затем поспешили на улицу. В этот день в школе не происходило ничего необычного, а вот на занятиях… Мы с Василисой занимались в театре, был урок танцев. Мы с ней делали разминку, стояли на своем обычном месте в первом ряду, и вдруг! По всему театру зазвучал женский голос: «Пожарная тревога! Пожалуйста, покиньте помещение!» Мы помчались за рюкзаком, схватили его и побежали к выходу. Там нас построили парами. Крик стоял ужасный! Когда мы побежали к гардеробу, то схватили вещи и, даже не одеваясь, выскочили на улицу. Потом оказалось, это была учебная тревога. Вечером мы с Василисой вернулись домой уставшими, поужинали и легли спать.

Вообще, быть чьей-то тенью не очень удобно. Делаешь только

то, что делает твой хозяин, а с другой стороны – это очень интересно.

Продолжение следует…

Василиса О.

43. Правильный подход к динозаврам

Василисе сейчас двенадцать лет, а когда-то, как и Злате, было четыре, и она играла в какие-то жутко интересные игры.

В телефоне жены обнаружилась запись.

Ребенок играет и озвучивает за всех:

– Капитан, к нам приближаются добрые динозавры!

– Добрые? (Пауза.) Убить их!

44. Особый талант

Злата бродит по квартире и рассуждает:

– Я так соскучилась по морю! Я хочу на море. Когда мы туда поедем?

– А что ты там будешь делать? – спрашивает жена. Она разбирает белье на глажку.

– Отдыхать и купаться!

Лариса вздыхает. Злата внимательно на нее смотрит и спрашивает:

– Мама, ты тоже хочешь на море, отдыхать и купаться?

– Очень хочу.

– Значит, у нас с тобой одинаковые таланты!

45. Всевидящий отец

Утро. Я бреду на кухню за чашкой кофе. Навстречу радостная Василиса:

– Папа, смотри на меня! Видишь?

– Э-э… симпатичная маечка.

С обидой:

– Я глаза накрасила!

В – Внимательность.

46. Непослушные глаза

У Златы отполированные до блеска зубы и волшебный пендель за постоянные проволочки.

У папы – скрежет тормозов и дымящиеся полосы стертой резины. Папа стоит слегка перекошенный, как «седан баклажан». Мы идем спать.

Мы давно идем спать.

По пути из ванной Злата захотела пить, потом кушать, пописать, досмотреть мультик, почитать книжку, посмотреть в окно, вдруг там кто-то на качельках, обняться (два раза), рассказать маме что-то важное про садик, поцеловаться с сестрой, расставить игрушки из киндера по росту и собрать резинки в шкатулку.

Теперь Злата никак не может расстаться с деревянной куклой:

– Можно я поставлю Машу рядом с кроваткой и буду на нее смотреть? Можно, папа? Одну минутку! У меня глаза еще играются!

А у папы глаза уже дергаются.

47. Великая Зеленая Книга

Воображаемый друг Лиза занимает все больше места в нашей жизни.

Благодаря Лизе в нашей семье появилось слово «импрекция» и Великая Зеленая Книга.

ВЕЛИКАЯ ЗЕЛЕНАЯ КНИГА

Недавно Лиза рассказала Злате про «импрекцию». И теперь Злата несет это откровение нам, темным слабообразованным родителям и любимой старшей сестре:

– Все сюда! Слушайте! – созывает она нас. Жесты и экспрессия достойны африканского проповедника. – Сейчас я покажу вам импрекцию!

– Расскажешь стихотворение?

– Нет!

– Споешь песню?

– Нет!

– Покажешь балет? – с надеждой спрашивает папа. У Златы в два года началось увлечение мультфильмом «Розовая туфелька», там барби танцуют классическое «Лебединое озеро». Злата требовала «платье-туфельки-колготки» и оттанцовывала весь мультфильм от начала до конца. А это час с лишним. Каждый день. К сожалению, заснять это ми-ми-ми шоу так и не удалось, только фрагменты. У Златы сверхъестественное чутье на камеру.

– Да нет же! Это им-прек-ци-я, – Злата демонстрирует толстую зеленую книгу. – Слушайте! Это книга импрекций! Лиза сказала, что ее нужно положить под подушку. И тогда будет импрекция.

Книга называется «Девочки, книга для вас». Издание 1962 года, современный репринт. Мы подарили ее Василисе на 8 Марта. Там в основном рецепты котлет и как сшить ситцевую юбку. Сны на ней должны сниться упитанные и хорошо обшитые.

– Так что такое импрекция? – спрашивает мама.

– Импрекция – это импрекция.

Ответ, достойный «Государство – это я» Людовика XIV.

На самом деле, это, видимо, управляемые сны. Я так думаю. Возможно, это подразумевает личную встречу с миром воображаемого друга Лизы. Кладешь книгу под подушку, закрываешь глаза – и вперед. Туда, где газовые кометы, шипя и тая, проносятся сквозь астероидный пояс. Туда, где папа Лизы

несет свою бессменную звездную вахту в ледяной пустоте космоса. Туда, где мама Лизы дает концерт перед всегалактической конференцией гуманоидных рас по вопросам изменения спектра излучения нормальной звезды Альдебаран. Мама Лизы в сверкающем синем платье с шикарным разрезом на бедре поет что-то вроде джаза, я даже слышу эту мелодию. Блестящие бархатные ноты летят и ударяются в прозрачное стекло, за которым медленно и величественно крутит свои кольца газовый гигант Сатурн.

Где-то на воображаемой Земле встает солнце.

Маленькая Лиза сопит на своей подушке, досматривая сны.

Она смешно и серьезно кривит губы, как ее воображаемый друг Злата…

Маленькая Злата из мира серой Земли, где никак не закончатся войны.

48. Василиса и Свинка

Иногда школьные задания ставят меня в тупик. Например, Василиса получила задание придумать русскую народную сказку. Народную! Иди, ребенок, и поработай за весь народ. Пары столетий тебе хватит? Впрочем, тут скорее неточная формулировка. Конечно, имеется в виду стилизация. Присказка, зачин и так далее.

Это задание Василиса делала очень долго. И, кажется, вздохнула свободнее, когда закончила.

Мне нравится начало и середина сказки и не нравится финал – который получился простоват, без привычной Василисиной парадоксальности. Вообще, в варианте дочери сказка больше напоминает аниме-версию русской народной. Но тем не менее эту сказку вполне можно рассказывать Злате перед сном. Итак…

В тридевятом царстве,
В тридевятом государстве
Жили-были Иван-царевич и Серый Волк.
Жили они, не тужили…
А это не сказка, а присказка.
Не о них вести рассказ
Сегодня будем.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ И ПРЕМУДРАЯ И СВИНКА РОЗОВЫЙ БОЧОК

В некотором царстве жила Василиса Прекрасная и Премудрая. Была она очень любопытна. Однажды Василиса отправилась в лес и встретила одну очень интересную свинку. Про этот случай мы сейчас расскажем.

Когда Василиса зашла в лес, то увидела камень, на котором было написано: «Влево пойдешь – умрешь, вправо пойдешь – голову потеряешь, а прямо пойдешь – свинку найдешь». Делать нечего, нужно прямо идти, свинку искать, а не с жизнью прощаться. Пошла прямо Василиса. Смотрит: следы копыт, да такие маленькие, что непонятно, кто это. Вдруг Василиса услышала шорох. Она заглянула за куст и увидела… Перед ней стояла самая обыкновенная свинья, только бока у нее были ярко-розовые.

– А указатель не врет! – сказала Василиса.

– Какой еще указатель? – спросил чей-то голос.

– Кто это? – с ужасом спросила Василиса.

– Это я, Свинка Розовый Бочок. Я самая умная свинка на всем белом свете!

– Ого, ты говорящая! – сказала Василиса.

– Да, я говорящая, – сказала Свинка. – А тебя как зовут?

– Василиса Прекрасная и Премудрая.

– Ого! Так это ты самая умная в этом царстве? Вот ты мне и нужна. Возьми меня с собой, я тебе еще пригожусь!

– Ну, ладно, пошли, – ответила Василиса.

Они пошли обратно во дворец, где жила Василиса. И вдруг послышался грохот, все затряслось, и из-за деревьев вышел Медведь.

– Обедать пора! – сказал он. – Ого, какая аппетитненькая девочка! Иди сюда, тобой я и пообедаю.

– Стой, косолапый! – закричала Свинка. – Не трогай ее. Отгадай сначала мою загадку! Если не угадаешь, то отпустишь нас.

– Ну, давай уже, говори. Я с легкостью ее разгадаю! – сказал Медведь.

– Зимой и летом одним цветом, – сказала Свинка. – Что это?

– Ну конечно же это Медведь.

– Нет.

– Тогда я не знаю.

– Это елка, – сказала Свинка.

Вот Мишка и проиграл, и остался без обеда. Василиса и Свинка пошли во дворец. И жили там долго и счастливо.

(с) Василиса, 5-й «О»

P.S. По-моему, юный автор тут схитрил. Лично я не знаю ни одного медведя, который бы так легко сдавался.

49. Две столицы. Пасхальное

Злата пробует кулич – не нравится. Злата пробует яйцо – не нравится.

– Злата, кушай яичко.

– Бе! – отодвигает тарелку. – Не буду.

– А Володя кушает, – говорит мама.

– Вот и кормите своего Володю этими яичками!

Володя – Златин двоюродный брат, младше ее на шесть дней. Владимир Андреевич – роковой блондин русско-польских кровей с голубыми глазами. У Володи крупные ручки и ножки, а темперамент окрашен легкими нордическими тонами.

Володя настоящий мужик. Володя уважает яичницу, белую кашу и скоростные машины. Володин автопарк больше, чем у шейха Саудовской Аравии, но он любит машины истово и чисто, а не понтуется. Володя обожает скорость – черный педальный «мерс» его весь исцарапан и помят, но по-прежнему мелькает в квартире, словно маленькое черное пятнышко в уголке глаза. Только пытаешься на него взглянуть, а оно уже исчезло. Набирая скорость, Володя гудит так, что настоящий специалист легко опознает в этом звуке легендарную «шестерку» Jaguar XK с тремя карбюраторами и блоком цилиндров, окрашенным в золото. Входя в полицейский разворот, Володя голосом отрабатывает работу дисковых тормозов, скрип шин, мягкий ход подвески (правый рычаг чуть разболтан), особенности грунтовой поверхности, бряканье забытых ключей в багажнике и шипение жидкости в бачке омывателя, на который действует сила Кориолиса.

Володя – джентльмен. Когда Злата отбирает у него игрушки, он вместо того, чтобы ударить, идет и плачет в диван как настоящий мужчина. Володя знает, девочек обижать нельзя. Плакать тоже нельзя, мужчины не плачут, но тут приходится выбирать.

Володя и Злата видятся редко. Возможно, поэтому Злата стоит рядом с отобранной игрушкой в руках и с интересом наблюдает, как Вова решает свою моральную дилемму. Иногда Володя поднимает светлую голову, смотрит на Злату с нордической тоской в голубых глазах и утыкается снова. Молча, не говоря ни слова.

Злата из Москвы, поэтому ведет себя по-московски… или по-женски.

Володя из Питера.

Володя знает, что живет в культурной столице, но не знает,

как культурно это выразить.

50. Гордость

Злата (наши четыре) играла у меня в кабинете и уронила портрет дедушки. Приходит с портретом в руках к маме.

– Как его фамилия? – спрашивает Злата. – Так на меня похож!

* * *

Фотографию с турником я нашел в сети. Случайно. Черно-белый любительский снимок. Лето, солнце, высокая трава, как будто чья-то дача, сарай на заднем плане. Покосившийся турник, а на нем висит, уцепившись ручками, годовалый малыш в белых трусах – и словно подтягивается, как большой. А на него снизу вверх, улыбаясь и щурясь от солнца, смотрит молодой, поджарый отец. И видно, что отец в любой момент готов подхватить сына и гордится им, а сыну нравится висеть так. И что они счастливы здесь и сейчас, на этом черно-белом отпечатке одного дня и одной минуты. Одной секунды.

Алабама 50-х, чей-то семейный архив. Я бы назвал снимок «Родная кровь». Или «Гордость».

Не очень-то мы отличаемся от американцев, если подумать.

Мой отец умер в 2015-м. Злата видела дедушку два раза, когда была еще совсем маленькой.

Но до сих пор его помнит. Не в лицо, а по ощущениям.

– Помнишь, к нам дедушка приезжал? – говорит Злата. – Он еще со мной играл?

Это было так неожиданно, что мне стало не по себе.

– Да, помню.

– А давай он опять приедет? Будет со мной играть, – смотрит на меня, удивленная молчанием. – Давай, папа, да?

А у меня комок в горле. Эх, Злата, если бы это было возможно…

51. Опасный лопух

Так я и знал, что Рома из истории про ссору Златы с Ульяной снова проявится. Как в воду глядел.

Забирал дочь из садика. В раздевалке мелкие тусят, ссорятся, общаются, один надевает штаны, другой ищет варежки, жизнь кипит. Гвалт, как в парламенте. Воспитательница Наталья Николаевна практикует измученный монотонный дзен: «Аня, одевайся. Семен, надень штаны. Кирилл, не кусайся. Аня, я что сказала». Злата разгуливает в джинсах и свитере.

– Папа, смотри! – показывает два свертка. Злата всегда рисунки складывает так, что они становятся размером с карманный календарик. Злата разворачивает один и показывает:

– Это мама, это я, это Машка, это Ульяна…

Белобрысая девочка заглядывает Злате через плечо:

– А где я?

– А ты не поместилась! – отрезает дочь. Разворачивает второй рисунок:

– Это я, это мама со мной за ручку, это собачка. Смотри, какая милая! – Переворачивает рисунок. – Это опять мама, это я. А это наша Фифочка.

То есть кошка.

– Здорово, – говорит папа. Он начинает постигать дзен. – А теперь одевайся дальше.

– Эй, Злата. А ты чего меня не замечаешь?

Мальчишеский, с грубоватыми нотками, голос. Папа поднимает голову.

На стуле у двери развалился он. Лопух.

Мелкий какой-то пацан, думает папа, но на Злату этот «лопух» производит совсем другое впечатление.

– Ой, Ромка! Ты что, Ромка! – говорит Злата и смеется. И голос какой-то высоковатый, непривычный. Я даже прищурился. Однако. Мне ли не знать момент, когда все твои шутки кажутся девушке ужасно смешными? И ты такой ловкий, смелый и удачливый, а она все заливается и заливается, и глаза у обоих блестят, и она такая хорошенькая, такая юная и красивая, что светится в темноте, и весь мир подождет.

– А я здесь, – добавляет пацан и хохочет. Видимо, это особо убойная шутка. Злату сносит. Папа мрачнеет.

– Ой, Ромка, ты такой смешной! – Злата заливается.

А потом, видимо в порыве нежности, добавляет:

– Динозаврик ты мой.

52. Мастер планирования

– Василиса, ты где?! – кричу я. – Все успела сделать? Мы опаздываем!

Дочь сидит в наушниках и смотрит видео на телефоне.

– Что ты делаешь? – интересуюсь.

– Смотрю десять лайфхаков, чтобы не опаздывать.

53. Стратегия игры в прятки

– Папа, давай играть в прятки! – говорит Злата.

– Ну, давай. Раз, два, три…

– Нет, папа! Иди в другую комнату, я здесь под креслом буду прятаться.

– Э-э… – Папа даже не знает, что сказать. Видимо, прав мудрец, что утверждал: «Женщины любят только те сюрпризы, которые сами спланировали».

– Только ты меня долго ищи! Хорошо? И не находи.

Прекрасно.

– Интересная постановка вопроса. А если я тебя под креслом буду искать? – коварно спрашивает папа. – Я же тебя найду?

– А ты представь, что я невидимая!

54. Дело о курточке и зайчике

Мне всегда казалось, что мой отец может договориться с кем угодно. И при этом получить от переговоров пользу. Он одновременно был и гибким, и жестким, и обаятельным, и расчетливым, и щедрым, и веселым, и местами противным. Но главное, он был упертым. Как баран.

Теперь я вижу перед собой его юное воплощение.

Когда Злата только родилась, родственники сбились с ног, выясняя, на кого она похожа. Ладно, глаза Ларисины, ладно, улыбка папина и знак зодиака тоже, но лоб? Откуда взялся этот лоб?! Этот выразительный крутой лоб упертого барана? «Ну, характер!» – сказала как-то теща в сердцах. Я развел руками.

И тут мне в руки попались старые фото, что отдала мне бабушка. Вот она юная и задорная, пятнадцати лет, с белыми косами; красавец-дед в танкистской гимнастерке; они вдвоем – уже с сыновьями. У мальчишек вышитые рубахи и прически а-ля Клим Ворошилов. И еще несколько фотографий… Первомай с флагами, стадион РМЗ, Полетаево… Я листал и вдруг увидел Злату. Нет, не Злату, но сходство… но лоб…

Нашел!

Оказалось, это мой отец на деревянной лошадке. Ему на фото два года. Костюмчик, кепка.

И фамильный лоб. Он был во всей красе.

Видимо, в переговорах площадь лба решает.

Злата собирается на прогулку. Приходит с игрушкой в руке – этого зайчика связала моя мама и подарила Злате. Мы с женой на кухне, я заряжаю кофемашину, жена что-то режет.

Злата:

– Мама, мама! Можно я возьму зайчика на улицу?

Жена:

– Нет, зайчика не надо. Ты с ним спишь.

– Он будет сидеть у меня в кармане. Можно?

– Нет, Златик. Зайчика нельзя, он испачкается.

– Ну почему нет? – вопрошает она пространство с шекспировской страстностью.

– Злата!

Оставляет зайчика, уходит, надувшись. Однако через две минуты возвращается. Лицо невинное.

– Мама! Мама! Можно я надену новую курточку?

Розовую курточку купили Злате на вырост, на следующую зиму, так что ей она пока велика. Она из нее выглядывает, как мышонок из пакета.

– Можно? Ну, пожа-а-алуста! – Злата делает умильные глаза. Но не надо обольщаться. За этой милотой скрывается расчетливый мелкий манипулятор.

– Злата, она тебе большая.

– Ну, ничего, – в голосе бесконечное смирение. Судя по тону, в этом доме ей во всем себе приходится отказывать.

Мы переглядываемся, нам смешно. Я киваю: ладно, пусть. Надо же в чем-то уступать. Это все-таки переговоры.

– Ладно, надень курточку, – разрешает мама со вздохом.

Злата убегает, возвращается уже в куртке. Идет, насупившись:

– Она мне большая! Не пойду в ней гулять! – и начинает плакать. – Некрасиво!

Жена начинает уговаривать: ничего, что большая, она тебе идет, сходи, один раз можно, очень красиво, покажешь девочкам на площадке. Я наблюдаю.

Наконец Злата дает себя уговорить. Вздыхает, словно делает нам одолжение:

– Ну хорошо. Пойду в курточке…

И вдруг вскидывает голову. Безапелляционным тоном:

– Но тогда я возьму зайчика!

Занавес.

55. Василиса и смысл жизни

У старшей девицы на телефоне есть программа. Записываешь себя на диктофон, а та сразу оформляет это цитатой.

Василиса пришла и сказала:

– Я поняла, что такое «человеческая жизнь».

Вот это откровение, перед вами. Не потеряйте.

В общем, не ту семью назвали Коэльо.

КОГДА МОРЕ ДОСТАЕТ ДО ОБЛАКОВ,
МЫ, ЛЮДИ, НЕ МОЖЕМ ДОСТАТЬ ДО МОРЯ.
МЫ, ЛЮДИ, СЛИШКОМ ЛЮДИ.
ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ДЕЛАТЬ, ДЕЛАЙ.
ЕСЛИ СЧИТАЕШЬ ЭТО НУЖНЫМ, ДЕЛАЙ.

Василиса, 20 апреля 2017

56. Художественная гимнастика

В жизни каждого ребенка наступает момент, когда родители решают, чем он будет увлекаться. Мы выбрали гимнастику. Теперь ждем результатов. Вернее, жена ждет, а я с интересом наблюдаю за процессом.

– Злата, ты хорошо занималась? – спрашиваю я. Жена просит задавать этот вопрос.

Ребенок вздыхает:

– Плохо.

– Почему?

– Я плакала.

– Что, весь урок?!

– Я сначала занималась, потом плакала. Потом опять занималась, потом опять плакала. И так все время.

А преподаватель говорит, что Злата все занятие старалась, а плакала только на шпагате и ножку тянуть. Это, мол, нормально. Они все плачут.

Папа почесал затылок. А потом вспомнил свои занятия спортивной акробатикой в школе.

И как спина болела каждую ночь. И ноги. И колени. Даже во сне. И эти бесконечные растяжки. Эти шпагаты. Эти мостики.

Да, все плачут.

57. Наш экстрим

Златина Зубная Фея требует приношений на свой алтарь, ненасытная розовая тварь. У Златы под запломбированным полгода назад зубом обнаружился пульпит, щеку раздуло. В субботу ездили в ночи в больницу Святого Владимира.

Лечить бесполезно, надо рвать, сказали нам.

Вырвали. Сейчас щека потихоньку возвращается к нормальным размерам.

Вчера гуляем со Златой. Она про свой зуб начинает подружкам кричать километра за полтора:

– Ася, Ася, а мне зубик убрали! Представляешь?!

После встречи с подружкой идем в магазин. Злата делится воспоминаниями:

– Когда зубик убирали, мне было весело и больно.

Экстремал, елки.

58. Homo Agriculturus

«По рассказу Тургенева Герасим дал понять своей барыне, что каждый человек – личность, и даже крестьянин». (с) Василиса, 12 лет. Из школьного сочинения по литературе

Согласен с Василисой. Я тоже считаю, что крестьянин – это высшая форма развития человеческой личности.

Кстати, о крестьянах. Недавно Василиса делала школьное задание, там был вопрос о предках. В классе у них дети говорили, что вот у меня прабабушка дворянка, а у меня прапрапрадед генерал-аншеф и граф. И все это так романтично и загадочно, с налетом аристократизма, и так волнует детские души. Василиса с тайной надеждой спрашивает: а у нас кто?

Я говорю: ты, дочь, не обольщайся. У тебя по моей линии все предки – русские крестьяне, а по маминой – башкирские крестьяне. На том и стоим.

И тут неожиданно жена обиделась:

– Ничего подобного. У меня прадедушка богатый! У него целых две жены было! – И чтобы окончательно добить меня, добавляет: – На разных концах деревни!

Ну, что тут скажешь.

Вот и подпортил нам прадедушка-бай пролетарское происхождение.

59. Медийная персона

Если женщине есть что рассказать, она пойдет даже в ад.

Злата впервые за неделю отправилась в детский сад, и отправилась без протестов, но с предвкушением. Расскажу Наталье Николавне, как мне зубик убрали, расскажу Ульяночке, расскажу Мадине, расскажу всем. Это же событие! И какая щека была огромная, и как в больницу ездили. Ночью! И ждали долго. И укольчик, и весело, и больно. И как я плакала.

И по пути домой сидела, прижавшись к маме, и смотрела мультик «Балерина» на Василисином телефоне. И снова плакала.

И потом всю ночь снилось, как кубик крутится (это кадр из мультика).

И вот.

В общем, ушла в сад на подъеме.

Вечером забираю ее на гимнастику. Девица бодрая и радостная.

– Ну как в садике? – спрашиваю. – Рассказала о зубике?

– Да!

– И как?

Злата показывает большой палец:

– Во! Всем понравилось! Даже Катя захотела со мной играть!

Заходим на гимнастику. Там в прихожей снимает ботинки девочка постарше моей девицы. Еще не успела закрыться дверь, Злата девочке:

– А мне зубик убрали!

Ошарашенная девочка:

– Круто, – смотрит на Злату, с сомнением: – А ты кто?

– Я Злата. Я на гимнастику хожу.

– Я тебя раньше не видела. Больно было?..

К финалу вечера все на гимнастике и вокруг гимнастики были в курсе насчет зубика. Думаю, человек пятьдесят за день было охвачено – считая вместе с садиком, магазином у армян, куда мы зашли за соком, гимнастикой и супермаркетом, где мы стояли на кассе.

Домой Злата ехала с чувством выполненного долга. В машине уже засыпала. Устала очень.

В общем, дайте женщине медиаповод, и она перевернет мир.

60. Профориентация-4

Кошка Фифа заболела, ей нужно давать лекарство. Размолотые таблетки она ест только с мокрым кормом. Мы со Златой заехали в зоомагазин. Злата выходит и гордо несет два пакетика «для взрослых кошек с чувствительным пищеварением».

– Когда я вырасту, – говорит Злата, – я стану балериной.

– Балериной? Здорово! – говорю я.

Не то чтобы это было для меня шоком. У нас с двух лет «платье-туфельки-помада» и полтора часа ее не трогать. Девица танцует под мультик «Барби. Розовая туфелька» и музыку Чайковского. Уже подумываем записать ее на хореографию.

– Но сначала я буду врачом, работать в стоматологии. Лечить деткам зубки. А если лечить нельзя, буду их вырывать! Больно!

Смеется. Смех немного зловещий.

– Э-э… хорошо, – говорю я, пока ребенок окончательно не превратился в микро-Доктора Зло. – То есть сначала ты будешь стоматологом, потом балериной?

– Да! Буду танцевать!

– В Большом театре?

– Нет!

– В Малом? – вспоминаю я советскую киноклассику. «Я артистка Больших и Малых академических театров…»

– Нет! Просто танцевать, папа.

– Хорошо, – я вздыхаю. Мне, если честно, жаль расставаться с Большим театром. Я слишком хорошо это представил.

– А потом я стану продавцом в зоомагазине.

– Хм-м.

Вот это поворот. Папино живое воображение сразу подсовывает соответствующую картинку.

– Да! В своем зоомагазине! Это будет мой зоомагазин, – продолжает Злата мечтательно. – Вы будете с мамой приходить, покупать еду для Фифы.

По человеческим меркам Фифе тогда исполнится лет сто пятьдесят. Я представляю седую Фифу – почему-то в зеленом тюрбане, с длинным мундштуком в лапе. Кошка выпускает аккуратные облачка дыма и смотрит на меня насмешливо и равнодушно. «А чего ты хотел? – словно спрашивает меня Фифа. Глаза ее мерцают. – Они сами выбирают свои пути».

– Там у меня еще будут косточки для собак. Цветные, рядом с кассой. Всем понравятся!

– Э-э…

Дети, дети. Все у вас впереди. Все тысячи дорог.

61. Секретный папа

Лиза своих не сдает.

Ехали со Златой в машине к театру, чтобы забрать Василису с занятий. По пути решил выяснить у дочери, как зовут родителей ее воображаемого друга Лизы. Чтобы добавить подробностей к следующим историям. Судя по обрывкам информации, что до меня доходят, у воображаемого друга Лизы там целый мир – похожий на наш, но другой. Совершенно фантастический. А папе Лизы я уже даже как-то звонил.

– Злата, как зовут маму Лизы?

Пауза. Через некоторое время, нехотя:

– Лариса.

– Маму Лизы зовут как нашу маму?

– Да!

– А как зовут папу Лизы?

Снова пауза.

– Злата? Как зовут папу Лизы? Или ты не знаешь?

Девица, глядя на меня в зеркало, очень серьезно:

– Лиза сказала, что папа сказал ей не говорить никому, как его зовут.

– Да? Почему?

– Потому что он – секретный агент!

Однако.

Вот вы смеетесь, а я всегда это подозревал.

62. Огурцы и песни

Злата играет маленькими игрушками из киндера и громко, с посылом, как говорят актеры, распевает песню собственного сочинения:

– Вира, вира! О, о! Вира-вира, о, о!

Причем с легкостью перекрывает телевизор. Я эту песню слышу не в первый раз и уже окрестил ее песней монтажников-высотников. «Майна, майна, о, о!» – только не хватает. Но проблема в том, что мы всей семьей смотрим на кухне фильм «Экипаж», а под Златин саундтрек это решительно невозможно. Василиса не выдерживает:

– Злата! Хватит! Не слышно!

– Злата, действительно, – говорит жена. – Иди в гостиной поиграй.

– Вира, вира…

– Злата!

– Ну, хорошо, – она нам делает одолжение, мелочь пузатая.

Злата собирает игрушки и уходит в гостиную… и тут же раздается:

– Вира, вира, о, о!

Возможно, акустика и наука, но какая-то очень странная. Потому что Злату слышно лучше, чем телевизор, находящийся в двух метрах от нас. С экрана на меня беспомощно смотрит артист Данила Козловский, четыре года изучавший сценическую речь у лучших мастеров. Прости, Данила.

Василиса рычит и в отчаянье закрывает лицо руками.

Я вздыхаю. Встаю и достаю из заначки два свежих огурца. Два – потому что у Василисы тут же загораются глаза. А мне? Она тянет руки, забыв про фильм. Данила, проигравший в сценической речи четырехлетней девочке, а в экранном обаянии – огурцу, мрачно пьет водку и ерошит себе волосы. Огурцы помыты, почищены. Василиса уже хрустит.

– Отнеси второй сестре, – говорю я.

Василиса берет огурец и убегает.

– Вира, вира… – песня обрывается на полуслове.

Тишина.

Василиса возвращается, радостная. Мы смотрим фильм. Грустного Козловского вынимают из самолета и отправляют на вулкан. Там что-то взрывается, течет лава, огонь. Напряжение нарастает.

Через минут пять:

– Вира-вира, о, о! Вира-вира, о, о!

Мы переглядываемся.
– Кажется, она доела огурец, – говорю я.
Данила уходит стреляться.

63. Мама из Рима

Я пытался показать Василисе «Гостью из будущего» и «Приключения Электроника». Она отпадает где-то на середине первой серии. Джеки Чан в «Доспехах бога» почти не удостоился ее внимания (ну, тут пару раз посмеялась). «Петров и Васечкин» постольку-поскольку. В общем, мои попытки поделиться своим детством пока не особо удачны.

Зато она зашла на кухню, когда я включил старый итальянский «Мама Рома» Пазолини с Анной Маньяни. Черно-белый, совсем не детский (вспомните сюжет). И – залипла. Досмотрела до финала. Я прямо оторвать ее не мог.

Удивительно.

Фильм тоже удивительный. Евангелистские мотивы там явные, это не секрет. Фактически история Иисуса, рассказанная с точки зрения его матери (плюс она же и Мария Магдалина). Хотя, понятно, все действие происходит в 50-е годы в Италии. Живая камера, непричесанная фактура, негламурные лица и воздух в кадре. Настоящая жизнь и настоящая трагедия. И притчевость за всем этим. Итальянский неореализм в расцвете. Хорошо, но…

Но все бы это ничего не стоило без нее.

Анна Маньяни – невероятная. Такие актрисы раз в столетие рождаются.

Когда она в финале смотрит в окно, у меня чуть сердце не остановилось. И мурашки по затылку побежали.

У нее в фильме не темперамент, а огненный столб в небо просто.

Потрясающая.

64. Профориентация-5 (…воображаемых друзей)

Злата очень эмоционально обращается к своему телефону:

– Дурацкая камера, работай! Ну же!

Подозреваю, что повторяет за старшей сестрой. У Златы в руках – игрушечный айфончик с вывалившимся экраном. Я его пару раз уже заклеивал, но тут не уследил. От телефончика остался только потертый розовый корпус, зато любимый. Злата прижимает айфон к уху и ходит по квартире. Между бровей у девицы – крошечная суровая складочка.

– Да, Лиза, – говорит Злата. – Да, я слушаю.

С воображаемым другом у Златы всегда есть о чем поговорить. Но сегодня разговор явно тяжелый. Возможно, затеяли совместный бизнес.

Тут я вспоминаю, что хотел у девицы кое-что узнать. Папа писатель, он любопытный.

– Злата, можно задать вопрос?

– Нет! – отрезает девица и продолжает курсировать по комнате.

Я не отстаю. Иду за ней по пятам. Папа как Маугли, он кого угодно достанет.

– Злата, Злата… А можешь спросить у Лизы?

– Нет!

Я уже скороговоркой, пока мне не успели отказать:

– Злата, спроси, пожалуйста, у Лизы, кем она хочет стать, когда вырастет? А?

Пауза. Ребенок поднимает на меня взгляд. Деловито и недовольно, что я отвлекаю ее от важных дел:

– Конечно, учителем балета!

65. Вечная классика

Баю-баюшки-баю – вечная классика.

Я когда-то маленькую Василису укладывал на дневной сон, начал петь ей «Баю-баюшки», но по пути съехал на блюзовый вариант. И как-то хорошо выходит, увлекся. Пою и пою. Голосом что-то там выделываю: «мокрый» драйв, dirty tones, расщепление, субтон, скэт, фальцет и ворчание кошки.

Допел. Голос жены из другой комнаты:

– Спит?

Смотрю на ребенка.

– Нет… Слушает.

– Да я сама заслушалась.

66. Кризис веры

Вспомнил, как Василиса раньше отправляла письма Деду Морозу. Писала тайно и скрытно, никому из нас письмо не показывала, отправляла в заклеенном наглухо конверте. В ящик опускала сама, не доверяла родителям. Как-то с бабушкой они догуляли до почты, а это целый квартал, чтобы отправить письмо. На осторожные вопросы «Василиса, э-э… а что ты попросила у Деда Мороза на Новый год?» отвечала: «Я же написала в письме». И родителям оставалось только вести шпионскую деятельность, менять на ходу парики и приклеенные усы, пока письмо летело себе в Великий Устюг. Или на Северный полюс, где там у Деда Мороза дача?

Сейчас я понимаю, что тогда уже ростки недоверия поселились в ее душе. И она просто проверяла. Если Дед Мороз прочитает письмо и подарит именно то, что она написала, значит, он существует.

До поры до времени Деду удавалось выкручиваться.

И вот наступил момент, когда Дед не смог…

За несколько дней до праздника жена позвала меня в гостиную. Мы уже поставили и нарядили елочку – маленькую и искусственную, но симпатичную. Эта елочка стоит на бывшем подоконнике, а ныне – перегородке между моим кабинетом и остальной гостиной. Под елкой обнаружились пакет, тарелка и записка – на листке, вырванном из тетради в клеточку. Смотри, говорит жена.

В записке Василисиным небрежным почерком (цитирую по памяти):

> *Дорогой Дед Мороз, принеси мне, пожалуйста, в подарок две лошадки Шляйх, наездницу в голубом и седло с уздечкой. А Злате – Барби-стоматолога. Спасибо! Ты лучший.*
>
> *Подпись: Василиса О.*

Лошади – это тогда было ее увлечение. Коллекционные фигурки, породы, конюшни. Это понятно. Подарок для Златы – тоже.

Я поднял брови. Что-то насторожило мой дедуктивный инстинкт. В целом все правильно, но детали не сходились. Итак. Листок из тетради, оборван неровно. Написано небрежно, словно второпях, карандашом. Рисунка нет. А старые письма Василиса

писала от руки, высунув язык, и рисовала целые картины фломастерами. И листок оставлен там, где мы легко можем найти и прочитать. Что это значит? Забыла спрятать? Не нашла конверта? Я провел пальцем по неровному обрезу листка…

И тут меня озарило. Детали начали сходиться в единую картину.

– Думаешь, это она для нас написала? – говорю я.

– Похоже.

Смотри еще, говорит жена. Видишь?

Вижу. Еще два клочка бумаги. Две записки.

ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ, ДЕД МОРОЗ.

И целый мешок шоколада от киндер-сюрпризов. Папа Мороз рассеянно потрогал шоколад пальцем. Холодный.

А ЭТО ДЛЯ ТВОИХ ЛОШАДОК.

Тарелка нарезанных яблок и морковок.

Лошадка-папа задумчиво поел.

Настоящий детектив может распознать на вкус триста разных сортов моркови – и эта отдавала цинизмом. А вот чуда в ней почти не осталось. Сорт подростковый, ранний. С легкой горчинкой.

– Кажется, Василиса больше не верит в Деда Мороза, – говорит жена.

Элементарно, дорогой Ватсон. Дети растут… как это ни неожиданно.

И где-то умирает один Санта-Клаус.

Написал вот это, и мне немного грустно. А может, грустно много.

Хорошо, Злата еще маленькая.

67. Диалоги о гречке

– Злата, гречку еще будешь?

– Да! – девица протягивает тарелку. – Она такая вкусная… Чо такую вкуснятину приготовил, а?

– Ну, извините.

Интересно, откуда у Златы взялось это уральское «чо»? Видимо, у меня иногда в речи проскакивает. Надо следить за собой.

Помню, мой отец давно уехал на Север, речь изменилась, стала похожа на московскую (в Нижневартовске говорят почти по-московски, что удивительно), а когда начинал с бабушкой по телефону беседовать – через два слова обратно на уральский говор перескакивал. Потуда, посюда, углан, барагозить… Интонации эти родные и неповторимые. Хоть святых выноси. За километр слышно – Урал идет. Родина!

68. Сон в летнюю ночь

Иногда я думаю, что жену в нашу семью подкинули. В наказание. Иначе трудно объяснить, откуда среди «сов» взялся ярко выраженный «жаворонок». Может, Лариса в прошлой жизни мешала людям спать? Иисусу в Гефсиманском саду, например. Или еще кому. Высшие силы, как известно, не мстят, они воспитывают.

Явление.

Дизайнер Злата появляется в полосатом платье и в кружевных колготках. Эти колготки перешли к Злате в подарок от двоюродной сестры Ники и считаются у нее балетными (балет – Златина священная корова). Поверх колготок надеты розовые носки с Нюшей из «Смешариков». Я моргаю. Мне смешно, у жены легкая эстетическая контузия.

Злата, несомненно, очень довольна своим внешним видом. Вертится перед зеркалом в коридоре, танцует, затем прибегает в комнату, радостная:

– Мама, можно завтра в театр я надену колготки с носочками?

– Завтра посмотрим, – говорит жена уклончиво. Спорить со Златой трудно, а сказать «нет» почти невозможно.

Вечер. Пора укладываться спать. Дети еще полны сил, а жена, как жаворонок, уже в бреющем полете. Она убредает в спальню, я гоняю детей чистить зубы и спать. Думаю, часа через полтора мне это удастся. Потом час-два подождать, и они уже спят. Делов-то.

Злата умело пользуется слабостью матери. Прибегает в спальню:

– Мама, мама! – Лариса еле открывает глаза. – Давай завтра не будем смотреть, а сразу наденем колготки для балета? Хорошо?

– Хорошо, – бормочет жена и засыпает, не успев засмеяться.

69. Сестры свободы

Утро. Жена варит кофе. Открывает шкаф, чтобы достать кружку… В ту же секунду появляется Василиса в пижаме и с Чрезвычайно Таинственным Видом вешает перед ее носом исписанный листок. И удаляется. С тем же самым Чрезвычайно Таинственным Видом.

Жена читает и начинает смеяться.

Это манифест.

Только жена решила закрутить гайки (Василиса, каждый день моешь посуду, вытираешь пыль, наводишь порядок у себя в комнате), как у нас в доме появилась оппозиция и Résistance. Еще немного, и партизаны уйдут с пластиковыми мечами в сельскую местность и будут корчить непримиримые рожицы из-за каждого фикуса.

Кстати, не зря Василисе так понравилась книга Дубровина «В ожидании козы». Она свой манифест почти слово в слово оттуда списала (с поправкой на братьев-сестер):

> *К свободным гражданам!*
>
> *Вчера произошел государственный переворот. Власть захватили Диктаторы. Во время езды в машине они публично изложили свою программу закабаления свободолюбивого народа. Они ввели строгую дисциплину и террор. Не выйдет! Народ не запугаешь! Создана партия «Сестры свободы», которая поведет с Диктаторами непримиримую борьбу.*
>
> *Долой диктатуру!*
>
> *Мы не работаем в таких условиях!*
>
> *Мы дети!*

Все-таки книги нас многому учат. Особенно хорошие.

Осталось выяснить, каким образом я-то под раздачу попал?

70. Я – радость

Злата (наши четыре года) смотрит видеоклип, который я когда-то смонтировал Василисе на десятилетие. Там фотографии Василисы – начиная с одного месяца до десяти лет под музыку. Слайд-шоу. Голос французской певицы Zaz жизнерадостно поет за кадром: «Je veux d'l'amour, d'la joie, de la bonne humeur!» Злата внимательно смотрит. Потом показывает на одну фотографию:

– Василиса здесь грустная. Почему?

– Э-э… – Старшая девица действительно взгрустнула, но фото очень выразительное. Василиса там печальная, но красивая.

– Это потому что я еще не родилась, да? – продолжает Злата.

Я смеюсь.

– Видимо, да.

Фотография сменяется. Злата уверенно:

– А здесь Василиса веселая. Здесь я уже родилась!

Все-таки, что ни говорите, приятно быть центром Вселенной.

71. Василиса и мечта

Речь старшей девицы на конкурс ораторского искусства.

Когда Василиса взялась за эту работу, я как папа-писатель дал дочери несколько советов:

1. Рассказывай о том, что тебе интересно.

2. Простыми словами.

3. Используй активные глаголы (не «она была арестована», а «ее арестовали»).

4. Закольцовывай рассказ, как хорошее музыкальное произведение.

Писала девица сама. Не знаю, благодаря моим наставлениям или вопреки, но речь готова. И кажется, теперь я немного больше знаю о дочери.

СИНЯЯ ПТИЦА

Здравствуйте!

Меня зовут Василиса Овчинникова. Мне 12 лет. Когда я была маленькой, то хотела стать дрессировщицей, потом решила, что обязательно буду ветеринаром. Сейчас я мечтаю стать журналистом. Но иногда я сомневаюсь, получится ли у меня осуществить свою мечту.

И тогда я вспоминаю эту историю. Я услышала ее в музее Наталии Сац.

Наталия Ильинична Сац родилась в музыкальной семье. Ее папа был композитором, а мама – известной оперной певицей. Когда Наталия была еще маленькой девочкой, она сидела в зале на премьере спектакля «Синяя птица». А когда Тильтиль и Митиль нечаянно выпустили Синюю птицу, Наталия расплакалась и сказала, что вырастет и обязательно поймает Синюю птицу.

Ей было всего 15 лет, а она уже руководила детской студией при Театре Моссовета. Позже она основала первый детский театр. Все шло хорошо, но однажды арестовали ее мужа, а затем и саму Наталию. В одну ночь ее красивые каштановые волосы полностью поседели. Пять лет она провела в лагере, но и там не опускала руки. Наталия Сац делала театральные постановки с заключенными.

Когда ее наконец освободили, то разрешили жить только в Казахстане. Но и там Наталия занималась делом. Она открыла первый детский театр в Казахстане. Всего за свою жизнь Наталия Сац открыла 6 детских театров.

Любимым ее детищем стал единственный в мире музыкальный театр для детей. Когда театр был построен, Наталия Ильинична заказала скульптуру Синей птицы, но ни один кран не мог поднять ее на крышу театра. Через всю страну ехал самый высокий кран Советского Союза, чтобы установить скульптуру. Когда Синяя птица оказалась на месте, Наталия встала рядом с ней и прокричала: «Папа, я поймала Синюю птицу!» Ее мечта сбылась.

Узнав о судьбе этой замечательной женщины, я поняла, что трудолюбие и вера в себя всегда помогут тебе в поисках твоей Синей птицы.

Василиса О.

72. Награда и легкий пафос

Злата соревнуется с папой в беге:

– Кто последний, тот убирается в моей комнате! Один!!

* * *

Едем на машине в другой город, в гости. Злате скучно, поэтому родители выдали ей альбом и карандаши. Работа в разгаре, и тут начинается плохая дорога. Машину трясет.

Злата искренне возмущена.

– Папа, ты слишком быстро едешь, ребенок не может рисовать глазки. – Злата переходит на патетику: – Ну дайте же ребенку порисовать!

73. Неприличная история

Читаем перед сном. Злата всегда выбирает книгу сама, и хоть ты тресни. Не сдвинуть. Я иногда в отчаянье впадаю, видя, сколько прекрасных детских книг у нас остаются нетронутыми – в то время как мы в сотый раз читаем «Как нарисовать смешарика» (я не шучу) и «Лепим из пластилина» (а там вообще нет текста!). В этот раз Злата выбрала книгу «День рождения Жирафика». Не самый плохой вариант. Черно-белая книга, где нужно раскрашивать рисунки и выполнять небольшие задания.

Читать там всего пару строчек, но задания отнимают время. И вот мы почти закончили книгу… На целый разворот изображено бурное застолье друзей Жирафика – Крокодила, Цыпленка, Свинки и Медведя (да ладно, ваши друзья не лучше). Стол ломится. Конфетти столбом. Звери ликуют. Деталей – море.

Задание – найти на этой странице определенный предмет. Когда Злата не справляется, я помогаю. Мы со Златой уже нашли кружку, вилку, чайный пакетик, бублик и грушу. Осталось найти ситечко для чая. Потом еще пару страниц – и спать.

– Злата, где ситечко?

– Папа, я называю это не ситечко, а сисечка!

Я поперхнулся. Злата хихикает, но совсем по другой причине, подозреваю. Она любит изобретать слова.

– Смешно, правда? Сисечка! Папа, ищи сисечку!

Жирафик, Крокодил, Свинка, Цыпленок и Медведь навострили нарисованные уши и ждут, что я отвечу. Морды у зверей ехидные. Они-то явно в контексте.

– Папа?

– Э-э… Злата, честно скажу. Я не готов искать на этом рисунке сисечку! Давай лучше поищем ситечко, а?

Пауза. Девица хохочет.

– Папа, ты такой смешной!

* * *

Пожалуй, я не буду включать эту историю в книгу «Как выжить среди принцесс»… Стоп. Уже включил.

74. Чувство и питание

Кошка Фифа пьет таблетки и сидит на диете. Месяц питалась гипоаллергенным кормом, сейчас перешла на обычный. Главное, кормить ее нужно понемногу, но часто. И тут началось… Мало того, что Фифа теперь меня шантажирует и задирает, чтобы я скорей насыпал ей новую порцию, так сегодня обнаружил, что кошка сидит на столе и жадно поедает вареный рис из Златиной тарелки.

Фифа, а как же происхождение, воспитание? Как же манеры?!

Женщины, женщины, до чего вас диеты доводят.

75. Директор детского сада

– Кажется, я самая главная в садике, – поделилась Злата на прогулке. И радостно засмеялась. Кажется, это и для нее стало откровением. Озарило вдруг, и глаза раскрылись. Родители переглядываются.

– Ты самая главная в садике? – уточняю я. – Среди всех детей?

– Да! – в голосе непоколебимая уверенность.

Вечером, когда укладываемся спать, я спрашиваю:

– Злата, ты самая главная в садике, правильно?

Пауза. Девица смущенно улыбается.

– Ага.

– И что, главнее директора?

– Что-о? – За такую актерскую оценку Мэрил Стрип дали «Оскара» в девяносто шестом.

– Я говорю: раз ты самая главная, значит, ты главнее директора детского сада?

Злата думает, затем пожимает плечами.

– Я не знаю.

Кажется, слово «директор» с детским садом у нее не ассоциируется. Стоп, правильно, в саду же заведующая! Вот папа дает.

– Хм-м, – говорю я. – Хорошо, попробуем по-другому. Ты главнее воспитательницы?

– Что?

– Ты главнее Натальи Николаевны?

Злата смущается. Наталья Николаевна – любимая воспитательница девицы. Так что тут вопрос серьезный. Ставки выросли, господа.

– Да. – Девица понижает голос, заговорщически: – Папа, только ты Наталье Николаевне не говори, хорошо?

76. Лекция для кошки

В гости приехал писатель Колодан с семейством. Две девицы постарше (одна товарищ ученый, другая балеринка) и товарищ Илья (три года), который знает все марки автомашин, кроме «Тойоты».

Марина (одиннадцать лет) – остроносая, в круглых очках, с невероятной копной волос. Она с легкостью бы вписалась в команду «Теории Большого взрыва». Общаемся. Пока я наливаю воду в чайник, Марина ведет ученую беседу:

– Дядя Дима, вы любите покемонов?

Интересный вопрос. Я их когда-то видел по телевизору, много лет назад. Желтенький Пикачу и другие.

– Э-э… не уверен, что люблю.

Но Марину не смутить:

– Хотите, я расскажу вам о них?

Прежде чем я успеваю ответить, Марина продолжает:

– Покемов существует восемьсот один… нет, восемьсот два вида.

– Так много? – Мой голос звучит воистину жалко.

– Да! А еще они могут эволюционировать. Вот смотрите, сейчас я вам нарисую…

Марина бежит, хватает листок и вдохновенно зарисовывает весь цикл эволюции японских животных.

– Итак, вы знали, что все покемоны вылупляются из яиц? Удивительно, но факт. А потом следующая стадия…

Марина говорит и показывает, а я где-то в процессе отключаюсь. Ее голос журчит, журчит… Усыпляет.

– Дядя Дима! Вы слушаете?

Я возвращаюсь. На счастье, тут входит с работы жена. Я говорю:

– А вот тетя Лариса очень хотела узнать побольше о покемонах!

Лариса замирает и распахивает глаза:

– Да? Я не…

Но уже поздно. Марина оживленно журчит ручьем. «Свидетели святого Пикачу» настигли вас и хотят поговорить о своем боге.

Наконец, Лариса не выдерживает и сбегает. Марина ее преследует. Колодан:

– Марина, оставь в покое тетю Ларису!

Юный покемоновед, не растерявшись, разворачивается ко мне. Очки зловеще сверкают. Я чувствую холодок по спине.

– И дядю Диму!!

Маринка поникает. Мне становится жаль ребенка. Я говорю:

– Ты вон Фифе расскажи. Она умеет слушать.

Кошка Фифа лежит у книжного шкафа и смотрит на всех желтыми глазами. Взгляд ее равнодушен и презрителен. Она уже когтями отбилась от средней Саши-балеринки и теперь думает, что она тут самая независимая.

Против удивления, Маринка воспаряет. Она садится перед кошкой на приличном расстоянии, глубоко вдыхает – и начинает говорить.

– Фифа, внимательно слушай. Покемонов существует 802 вида. Они все вылупляются из яиц…

Кошка бьет хвостом и слушает. Кажется, ей не нравится.

– …некоторые управляют электричеством, другие умеют летать… но не все… – говорит Марина.

Голос ее набирает силу.

Покемоны, покемоны, покемоны…

Фифа начинает выть.

77. Блюз синего тигра

В гостях у нас были Колоданы. Во множественном числе это звучит странно, но против истины не попрешь. Колоданы приехали к Врочекам – вообще как начало анекдота.

Вечер пятницы.

Дети уложены, жены уснули (или наоборот). Мы с Колоданом решили за бокалом сидра посмотреть фильм. «Мистера Спивета» мы оба видели, «Теорему Зеро» не видел я, но коктейль «Гиллиам + тоталитаризм» в этот раз не сработал, смотреть откровенно скучно. Может, настроение не то. Тогда я включаю фильм наугад – на одном из цифровых каналов.

Фильм назывался «Синий тигр». Производство Чехия.

Начиналось интересно. Странная девочка, старый ботанический сад посреди города, путь в школу, лицо мэра на плакатах (мэр ужасно похож на Навального, особенно когда улыбается), мультяшные видения девочки, Медуза Горгона в роли школьной смотрительницы… И вот новый современный мэр хочет снести старый город. И начнет, конечно, с ботанического сада…

– Что-то мне это напоминает, – говорит писатель Колодан.

– Ага. Такое ощущение, что они списывали у тебя.

Увы, дальше стало хуже. Сюжет начал рассыпаться и тормозить. Очарование исчезло, а ощущение легкой наркомании осталось. Хотя рыжая девочка в главной роли – чудесная и играет прекрасно.

– Зачем мы это смотрим? – задумчиво спрашивает Колодан. Я пожимаю плечами.

– Такое ощущение, что они выбросили все ключевые эпизоды и оставили только связки, – говорит Колодан.

– Точно.

Но мы все-таки досмотрели. Не знаю почему – может, сидр помог? И вот зло наказано, синий тигр на свободе, собаки спасены, сад тоже, а хорошие люди жили долго и счастливо.

После финала Колодан спрашивает (очень вежливо, как умеет один Колодан):

– Скажи мне, пожалуйста, откуда у них в финале взялся отель? У них был отель?

– Нет, – говорю я. – Там же сказали: они просто взяли первый попавшийся заброшенный отель. И восстановили.

– Что, так можно было?

Но самый цимес ждал нас на титрах. Бегут строчки на черном фоне, голос за кадром озвучивает чешские имена…

Мы переглядываемся.

– Ты тоже это слышал? – спрашивает Колодан. – Режиссер фильма – Петр Угробик.

– Круто! А ты слышал? Такой-то такой-то – Роман Мразик.

– Чудесно!

– Над фильмом работали Петр Угробик и Роман Мразик – какие отличные имена. Как раз для подручных главного злодея.

– Да! Именно!

Так что парочку «Петр Угробик и Роман Мразик» не занимать. Они пригодятся нам для совместной книги.

P.S. Проверил Гуглом – режиссера зовут Петр Оукропец, а у Романа фамилия – Мражик. Нормальные чешские фамилии.

78. Положительная мотивация

Злата выходит из машины и не может нахвалиться. Топает по тротуару и приговаривает:

– А я такая сегодня послушная. Без слез! А я такая сегодня умница. Не плакала! А, а, а! О, о, о! – и идет, напевая себе под нос и делая движения руками, как в индийском танце.

Злата впервые отзанималась все занятие на художественной гимнастике и даже шпагат сделала, не зарыдав в процессе. Как самая маленькая в группе, к финалу она уже обычно вялой кучкой лежит на полу. И плачет на всякий случай.

– Одна нога впереди, другая сзади. Шпагат! Я такая сегодня умница. А, а, а! О, о, о!

Кто ж спорит?

Я иду за Златой по пятам, тащу рюкзак и умираю от смеха. Вообще, похвалить себя девица умеет и любит. Как утверждают психологи, работает только положительная мотивация. Злата освоила это искусство в совершенстве:

– Папа, я, когда вырасту, буду артисткой!

Подумав:

– Нет, я буду звездой!

Ну, кто же спорит?

Когда девицы сделали клип, где на разные лады читали фразу «Я – звезда» плюс импровизированный текст (Златина версия: «Я – звезда! Я в шляпе, с очками и цветами, вот это да… о-о!»), то младшая с легкостью переплюнула старшую. Нет, не танцами. Василиса хорошо поет и танцует, к тому же занимается в театральной студии… А «подачей», как говорят пацаны в найке, читающие свой стаф под крутой бит, йо. У актеров это называется «посыл». Эмоциональная накачка текста. Только у актеров она бывает разной, а крутые рэп-люди советуют произносить слова так, словно выбиваешь из собеседника долги. Причем ногами.

– Папа, у нее лучше получается, – сказала Василиса.

Правильно, Злата произносит «я – звезда» с такой уверенностью, что Киркоров gently weeps (нежно плачет) от зависти. А Тимати – creepy cries, рыдает.

Неудачники.

Никогда у них не будет нормальной мотивации.

79. Три товарища

Когда Василиса была маленькой, она очень хотела собаку. Мы тогда ходили к детскому психологу, и та сказала:

– Начните с чего-нибудь попроще. С хомячка, например.

– Да, да! – закричала Василиса. – Мама, папа, можно мне хомячка? Я буду его кормить и с ним играть!

Видимо, психологов учат смягчать удар. Вместо того чтобы рубануть сплеча: «У тебя НИКОГДА не будет собаки. Можешь поверить, ха-ха-ха. В следующий раз придешь в понедельник», она начала издалека:

– Тебе нужно привыкать нести ответственность.

Родители (то есть мы) переглянулись. Фактически психолог сказала: «Теперь вы будете НАВСЕГДА прикованы к Москве, неудачники. Родственников у вас здесь нет, друзья далеко. Ха-ха-ха, забудьте об отпуске на море. Следующий сеанс в понедельник».

– Э-э… у нас же есть кошка. Фифа.

– Она со мной не играет!

– Она ни с кем не играет, – парировал я. Кажется, не очень удачно.

Мы попытались найти плюсы. Жена:

– С хомяком не нужно гулять.

– Зато они сбегают. У моего друга в детстве был хомяк, он прогрыз железную клетку, сбежал, а потом полгода партизанил. Полквартиры погрыз.

– Друг?

– Хомяк. И еще они пахнут.

– Морская свинка, – сказала жена, подумав. – Они хотя бы милые.

– Не вариант. Знаешь, какие они шумные? Колодан сказал, морские свинки любят свистеть.

– Свистеть?!

Писатель Колодан все знает о животных и экзотической кухне. Надеюсь, это никак не связано.

– Да! Зато свинку можно везде с собой возить. Раньше моряки морских свинок по всему свету возили.

– Зачем?

– Чтобы есть. Корабль плавает годами, а свинки свистят. И все тише, тише…

Представив себе хомяка, чайной ложкой роющего тоннель, как в «Побеге из Шоушенка», и морскую свинку, дающую рок-концерт (Энджел… о, Э-эээнджел), жена сдалась. Почти.

– Может, тогда собаку? – спросила она в отчаянии. – Раз уж все равно.

– Нет.

У меня фобия на собак. В детстве, когда мне было лет пять, меня укусила собака. В тот день я храбро решил не бояться больше собак (а я боялся, у нас в Старом Вартовске их были стаи) и вышел играть. Мы играли, играли. У соседнего балка была песчаная насыпь. Мы строили там города, лепили куличики, рыли котлованы. А маленькая собака соседей за нами наблюдала. Вернее, наблюдала за мной. Я чувствовал взгляд ее темных глаз. Но я решил не бояться и держался изо всех сил. Я смотрел страху в глаза. Я набил ведерко песком, наклонился перевернуть… Собачка бросилась. Резкая боль пронзила лицо.

Я пришел домой, рыдая и держась за щеку. Боль была невероятная.

С тех пор я собак вообще не люблю.

– Лучше тогда крысу. Говорят, они очень умные.

– Нет! – жену передернуло. У нее фобия на крыс. Возможно, она единственный человек, которого тошнит от мультика «Рататуй», а не от того факта, что крысы готовят еду.

– Шиншиллу?

– Они очень нежные. Их нельзя пугать, они от этого болеют и умирают.

– А ты откуда знаешь? – поразился я.

– Дочь нашего директора рассказывала. И ты знаешь, сколько они стоят?

– Ласку?

– Она хищник!

– Ладно, делать нечего, – я вздохнул. – Пойдем за хомяком.

Василиса запрыгала от счастья и села в машину. Мы поехали за бюджетным хомяком.

Зоомагазин был в торговом центре, отделен стеклянной стеной. За стеклом лежали котята и, обняв миску, счастливо спал щенок ротвейлера. Во сне он выглядел вполне безопасным. Маленькая Василиса, наморщив лоб, внимательно изучила каждого.

– Может, мы все-таки войдем?! – не выдержал наконец я.

Василиса вздохнула.

Внутри пахло сыростью, опилками и родительским отчаянием.

– Хомяки пахнут, – сообщила продавец первым делом. – Иногда кусаются.

– Я знаю, – мужественно ответил я. – Можно посмотреть всех?

Сирийский хомячок напоминал похмельного хипстера. Он

расслабленно возлежал в опилках, словно после лечебной марихуаны. В соседнем аквариуме мелкие, с пятачок, джунгарские хомячки вели активную жизнь. Их было с десяток, все серенькие и бойкие. По крайней мере, подумал я, места они займут немного. Уже хорошо. От клеток шел сильный животный запах. Я поморщился.

– Джунгары агрессивные, – сообщила продавец. – Но вы ведь знаете? В руки их не взять.

Василиса отстранилась от клетки и быстро замотала головой.

– Не хочу, – сказала она.

– А этот? – я показал на хипстера. – Этот-то нормальный? Василиса, может этого возьмем?

– А там кто? – спросила жена. Она показала на другую клетку, побольше. – Тушканчики?

– Это мышки-песчанки.

В большой клетке три разноцветных создания грациозно суетились. Они были меньше сирийца, но крупнее джунгаров, с длинными хвостами с кисточками. Одно из созданий – серое – прыгнуло и оказалось на домике. Ничего себе. Василиса смотрела как завороженная. Такие крошечные кенгуру. Мордочки симпатичные, как у мышек из мультика.

– Может, нам взять такую вместо хомяка?

– Прекрасная идея, – сказала продавец зоомагазина. – Песчанки чистоплотны, общительны, любят играть и приятно пахнут. Хотите подержать?

Василиса, конечно, хотела. Продавец поймала и посадила песчанку ей в ладони. Бежевая песчанка высунула голову и задвигала носом. Симпатичная.

– Видите в басейне песок? Они принимают тут ванну. Песчанки очень чистоплотны.

Действительно, от клетки совсем не пахло.

– Ничего себе, – сказала жена.

– Э, а что она делает? – спросил я. Мышь, похожая на бурундука, теперь быстро-быстро перебирала лапками на боку серого, словно делала ему «рельсы, рельсы, шпалы, шпалы».

– Массаж, – сказала продавец. – А вообще, они тут все мальчики.

– Хм-м.

– Родные братья, – подтвердила продавец. – Ну, что вы решили?

– Спасибо, мы сейчас подумаем.

Мы отошли в отдел к рыбам и устроили семейный совет. «Я хочу песчанку», – сказала Василиса. «А хомяка?» – «Хомяка не хочу». Рыбы медленно плыли вокруг нас – справа, слева и даже

немного сверху.

Ладно, решили мы. Песчанка всяко круче, чем хомяк. И практичнее. Продавец обрадовалась.

– Прекрасно! Сколько песчанок вы хотите взять?

И тут я что-то заподозрил.

– Э-э… вообще-то, одного.

Продавец покачала головой. Большая ошибка.

– Вы понимаете, это общественные животные. Им нужна компания. В одиночестве они чахнут и умирают.

– Черт.

Такого подвоха от песчанок я не ожидал.

– Тогда двух, – решил я.

– А третий останется один? Понимаете, – в голосе девушки прорезалась блюзовая хрипотца, – в одиночестве они чахнут и умирают…

Я против воли представил, как поседевший мышь в потертом плаще устало заходит в полутемный бар, садится у стойки. Залпом опрокинув двойной бурбон, говорит бармену: «Они все мертвы, эти старые пилоты». И, уронив голову на руки, задремывает на стойке под серый унылый блюз. Ему снятся аэропланы, небо в дымных росчерках, пулеметный огонь и лица друзей. Я встряхнулся:

– Ладно! Возьмем всех. И вон ту клетку…

Продавец покачала головой.

– Что не так?

– Это клетка для одной песчанки. А у вас их трое.

– Черт!

В итоге мы купили большую клетку, в два этажа – нижний стеклянный, верхний решетчатый. С нижнего на верхний вела съемная лестница. К клетке взяли поилку, кукурузный наполнитель, песок для бассейна, белый кальций для зубов, пачку корма и витамины, колесо, чтобы бегать, и мешок сена, чтобы песчанки строили из него гнездо. Я подумал, что на такие деньги можно завести в хозяйстве лошадь. Возможно, даже породистую.

Василиса, сидя в машине, крепко прижимала к груди банку с песчанками.

Мы вернулись домой, помыли и поставили клетку. Запустили песчанок. И сели всей семьей перед клеткой, вместо телевизора…

Песчанки были – один серый, другой бежевый, третий похож на бурундука, даже с полоской на спине. Они ели, копались в наполнителе, выискивая зернышки кукурузы, смешно пили воду, чистили в песке шкурки и делали друг другу массаж. Лихо запрыгивали с нижнего этажа на верхний, без всякой лестницы, крутили колесо. Потом зачем-то уронили лестницу и закопали ее

в опилки. Деловито начали строить гнездо. Они были смешные и дружные.

Василиса насыпала мышкам корма и дала им имена. Ее круглое личико светилось тройным счастьем. Видимо, дочь уже начала чувствовать ответственность, подумал я.

Несколько часов пролетело незаметно. Василису еле загнали спать. Перед сном она пожелала питомцам спокойной ночи и засопела, подложив ладошки под щеку.

Так в нашем доме появились песчанки. Три танкиста, три веселых брата.

Бублик, Джерри и Бурундучок.

В тот же вечер кто-то из них насрал в бассейн.

80. Улыбка Джипонды

Вечер, мы на пяти качелях. Тихо. Предгрозовое небо нависает над головой, но сейчас как раз наступил момент затишья. Воздух неподвижен. Наш дом стоит в ветреном месте, здесь всегда дует – так что этот момент удивителен. Такое редко бывает. Обычно перед грозой или ураганом.

Злата с Василисой отдыхают после трудового дня.

У одной дежурный детский сад, у другой – летний лагерь во Дворце пионеров.

Злата сосредоточенно качается, Василиса валяет дурака, лазает по разным тренажерам и болтает. Мол, их отряд играл на первенстве лагеря по футболу, но взяли только мальчиков. Шовинисты, думаю я. Вожатый Крис обещал Василисе, что она будет играть во второй игре, но в финале менять состав команды не разрешили, Василиса в пролете. Чертовы великомужские свиньи, думаю я. Хотя вожатый Крис у них хороший, Василисе он нравится. А еще завтра будет день военной песни, Василису выбрали в отряд певцов.

– О! – говорю я. Девица отлично поет. – Спой им «Тучи в голубом». Или «От героев былых времен».

– О-ооо! Ну, папа! Нельзя сольно петь! Нам уже выбрали песню!

– Какую?

– О-ооо! Я не знаю! Нам не сказали!

Вообще, у старшей девицы начинается подростковый возраст, поэтому голос звучит обиженно и агрессивно. На каждый мой вопрос Василиса закатывает глаза и издает этот характерный звук.

– О-ооо!

– Василиса! Еще раз – и я не буду вообще с тобой разговаривать. Так что там с выступлением?

И тут в разговор вступает Злата.

– Почему вы меня перебили?! – вопрошает младшая девица патетически. – А? Я же рассказывала!

Мы с Василисой переглядываемся.

– Ладно, – говорю я. – Рассказывай. Потом Василиса.

Старшая девица надувается, как мышь на крупу. Перемены ее настроения мгновенные, как вспышки фейерверка. Но Злату это не смущает:

– В моей школе, которая далеко, меня выбрали выступать!

– Школе? – я не понимаю. – Ты же в садике?

Василиса наклоняется ко мне и шепчет:

– Папа, это она воображает.

– А! – я понимаю. Кто-то мелкий позавидовал и сразу придумал свою историю. Ну, правильно. Кто тут звезда, в конце концов?

– Э! – возмущается Злата. – Я же рассказываю!

О боже. Как с вами трудно.

– Рассказывай. И что в далекой школе?

– Я буду выступать!

– И что ты будешь делать? Петь?

– Нет!

– Танцевать балет? – У папы все еще остались иллюзии.

– Нет, папа! Я буду… – Девица выдерживает паузу, затем совершенно обыденным тоном продолжает: – Ну, я же умею клоуном? Я буду клоуном выступать.

Вот это поворот. Я моргаю. В таких талантах я дочь еще не подозревал.

– И что делает клоун?

– Показывает фокусы. Берет шар и ногами крутит!

Прекрасно. Теперь у нас в семье еще и клоун. В придачу к стоматологу-балерине и поющему футбольному журналисту.

– Покажешь, как ты шар крутишь? – коварно спрашивает папа.

– Ну у меня же нету шара!

– Дома есть мячик.

– Он маленький! А мне нужен большой. И я еще не умею, меня научат.

Нормально отмазалась. Я вздыхаю. Уже поздно. Пора идти ужинать.

– Ладно, клоун и футболистка, пошли домой.

Девицы обе подскакивают как на пружинах, возмущенные:

– О-ооо!

– Э! Я же не договорила!..

Позже, как следует нагулявшись по площадкам, заходим в подъезд. Дождь скоро начнется, поднимается ветер. Темнеет. Пора ужинать и спать. Но у нас еще не все вопросы решены.

– Злата, а где твоя школа? – спрашиваю я, открывая дверь.

– Где-где. В Париже, конечно!

Где?! Но вообще, забавная фантазия.

– И как тебя там называют? У тебя там другое имя?

– Да, конечно, папа.

– И какое?

– Конелля!

– Э-э…

– Нет, не Конелля! А… – девица соображает. Щелчок. –

Джипонда! Правильно, меня зовут Джипонда! Я такая веселая. И еще я буду делать обручем, как обезьянка!

Ну, теперь хотя бы понятно, почему Париж. Картина Леонардо, как известно, находится в Лувре.

Друзья, если будете в Париже, обязательно загляните в дальнюю школу. Там выступают талантливые дети. Среди них вы увидите очень веселого клоуна с двумя хвостиками и лукавой улыбкой. Эта маленькая девочка на шаре покажет фокус с обручем, как обезьянка, и помашет вам рукой. Потом она спрыгнет с шара и скажет: «Та-дам!» Не забудьте поаплодировать. Клоуны это любят.

Дети тоже.

И вы никогда не забудете ее улыбку. Загадочную и прекрасную улыбку Джипонды.

81. Живая глина

Василиса (наши двенадцать лет) написала фантастический рассказ на конкурс «Школа будущего». Писала она его долго и трудно, с творческими кризисами и перепадами от «я бездарность, у меня ничего не получится» до «ух, как я придумала!» и обратно.

Я предлагал назвать рассказ «Живая глина», но Василиса настояла на авторском варианте…

Конкурс закончился. Однокласснику Мансуру пришло письмо с благодарностью за участие, а Василисе ничего не пришло. Так пусть у нее хотя бы будет слава.

УРОК БИОЛОГИИ

(рассказ)

Автор: Овчинникова Василиса, 5-й «О».

– Пройдемте в другой зал, – сказал экскурсовод школьникам. Как обычно, Петя и Вера отстали от ребят.

– Вау, какой интересный музей, – сказала Вера, оглядываясь. Это был зал старинных машин и механизмов. Почти все они были сделаны из дерева.

– Чего тут интересного?

– Смотри, какая странная машина.

В центре зала стояла блестящая машина, похожая на самоходную машину Леонардо да Винчи, только из железа. На боку у нее была красная кнопка.

– А что это за кнопка? – наконец заинтересовался Петя. – Давай ее нажмем!

– Нет, тут же написано «Руками не трогать».

– Ну и что? – с этими словами Петя нажал на кнопку.

Вдруг вокруг ребят все поменялось, и они оказались в темном помещении.

– Где мы?! – испуганно спросила Вера.

– Не знаю, – ответил Петя.

Они ощупали все в комнате.

– Я нашел дверь! – сказал Петя.

Он нажал на ручку, и всю комнату залил солнечный свет. Оказывается, в комнате, в которую попали Петя и Вера, были

разные машины. Ребята вышли.

Вокруг все было белым. Ходили какие-то люди в белых костюмах. Вдруг к ребятам подошла высокая женщина. Она была одета в голубой костюм с серыми вставками, волосы собраны в пучок, очки с желтыми стеклами, на груди значок «Директор».

– В каком вы классе? – спросила директор, с изумлением глядя на ребят.

– Мы из 5 «В» класса, – ответили Петя и Вера.

– Какой у вас урок? И почему вы не в школьной форме? – спросила директор.

– Мы не знаем, какой урок!

– Ах, вы новенькие! – воскликнула директор. – Сейчас вы получите форму и учебники с расписанием уроков.

Директор взяла светящийся экран и куда-то нажала. Вдруг на Пете и Вере появились белые костюмы с зелеными вставками, белые кеды, зеленые шлемы и белые рюкзаки. А самое главное, у ребят на груди появились значки с надписью «5 «В».

В руках у Пети и Веры появились светящиеся экраны с расписанием занятий.

– Хорошей вам учебы! – сказала директор, уходя в стеклянную дверь своего кабинета.

– Петя, ты понял, какой у нас шанс? – спросила Вера.

– Ну, и какой же?

– Мы можем поучиться в этой школе! – воскликнула Вера.

И ребята побежали в класс. По расписанию был урок биологии.

На столах везде лежали инструменты и коробочки. Прозвенел звонок. Ученики вошли в класс. Петя и Вера сели рядом. Вошел учитель и, поприветствовав класс, сел в свое кресло.

– Сегодня мы будем создавать животных, – сказал учитель. – Первым делом выберите, кого будете делать.

– Мы будем делать животных?! – воскликнул Петя. – Как?

– Да это же очень просто! – сказал мальчик с соседней парты.

– Они новенькие, – пояснил учитель мальчику. Он повернулся к ребятам: – Сейчас я вам все объясню. Вы берете биологический материал, мы называем его «живая глина», и лепите каркас животного, а потом, используя помощник, подбираете по своему вкусу шерсть, уши, глаза и что-нибудь еще. Понятно?

– Я буду делать кошку! Она будет белой, с рыжими и черными пятнами! – обрадовалась Вера.

– Что же ты мелочишься? Лучше сделай лошадь или пони, – сказал мальчик с соседней парты. – Я люблю лошадей.

– О! Я буду делать огромную охотничью собаку с бурым мехом и черным носом! – сказал Петя.

– А я все-таки сделаю пони, – сказал мальчик.

И они принялись за работу. Сделать каркас будущего животного было легко, а вот выбрать детали – очень трудно. В помощнике оказались миллионы вариантов усов, глаз, носов, ушей и хвостов. У Веры получилась кошка с оранжевыми глазами, с вислыми ушами, длинными усами и с большим серым носиком. Девочка назвала ее Анфиской. А у Пети получился пес с голубыми глазами и огромнейшими ушами. Мальчик с соседней парты сделал пони. У пони были маленькие уши, длинная челка и грива, огромные глаза и очень красивые блестящие копыта. У ребят получились отличные зверюшки.

– А теперь возьмите из шкафа поводки, ошейники и переноски, чтобы ваши звери не разбежались, – сказал учитель.

– А как мне привязать мамонта? На него ни один ошейник не надевается! – сказал толстый мальчик.

– Зачем же вы сделали слона? Здесь совсем мало места? Нельзя делать слона в школе, – сказал учитель.

– Это мамонт! И вы же не сказали, какого размера можно делать животное.

– У меня убежала мышь! Ловите ее! – закричал кто-то.

Что тут началось! Все бегали за мышью, а бедный мамонт так испугался, что носился по классу как угорелый. Вера тоже очень испугалась мыши и, встав на стул, сильно закричала. Петя не боялся мышей, поэтому стал помогать в поимке хвостатой.

Мышь так испугалась шума, что бегала от одной парты к другой. Вдруг мышь забежала под парту Пети. Он не растерялся и схватил грызуна. Ура! Мышь поймана! Когда Петя вылезал из-под парты, на полу он увидел знакомую красную кнопку.

Урок продолжался, теперь ребята украшали своих зверюшек. Вера прицепила бантик своей кошке и помогала заплести пони косички. А Петя все никак не мог отвлечься от мыслей о кнопке. Нажать или нет? Он решил спросить Веру.

– Вера! Смотри, на полу кнопка, как в той машине из музея!

– Не мешай! Ты срываешь такой интересный урок! Если ты не видишь, я делаю бантик Анфиске, – сказала Вера.

Что будет, если он нажмет кнопку? Петя не знал. Но любопытство не давало ему покоя. Он осторожно залез под стол и, держась за свою собаку, нажал на кнопку.

Пум! Вдруг Петя и Вера очутились у той же машины из музея. Они вернулись в свое время. Ребята снова были в старой школьной форме, но кошка и собака остались с ними, и значки на груди оказались, как в школе будущего.

Конец

82. Гроссмейстер Злата

Злата (наши четыре года) научилась играть в шашки. Ну, как научилась… Вторая игра в жизни. Темно-синие Микки-Маусы против светло-голубых, это детские шашки. С полей доски смотрят на игроков Алладин, рыбка Немо и Белоснежка.

Злата срубила мамину шашку. Радуется:

– Я выигрываю! Правда, мама?

Лариса с подковыркой:

– А если я сейчас постараюсь и выиграю у тебя, тогда что?

Злата:

– Тогда я буду плакать.

Занавес. Честность в игре – главное, я считаю.

83. Под железной пятой

Злата знает, как похвалить родителей. В матери она ценит внешность и железную волю…

– Мама, – говорит Злата с восхищением, – у тебя такая крутая попа!

Жена, смущенная, но радостная, быстро поворачивается к дочери. Смеется. Она сидит на диете и знает, что похудела и хорошо выглядит. Приятно, когда это признают другие.

– Правда? – женщинам всегда нужно подтверждение. – У меня крутая попа?

– Да! – Злата раскидывает руки, показывая свое восхищение. – Такая больша-ая крутая попа!

– Что?!

– Просто огромная! – ребенок не жалеет красок. Для мамы ничего не жалко.

– Злата!!

Как говорится, почувствуйте себя Ким Кардашьян.

Жена на радостях съела вечером две диеты. Ребенок похвалил, а как же.

…в отце – ум и исполнительность:

– Папа, следи за Фифой!

– Папа, включи мне «Черный квадрат», мама не может.

– Папа, другую серию!

– Нет, не эту!

– Папа, где мой замок? Ты же обещал!

Буду строить, что уж. Я же специалист по лего. И собрать 230 кусочков пазла в картину «Тролли на отдыхе» для меня не проблема.

– Папа, давай обниматься. Я так тебя люблю! Сильно! И маму! И Василису!

Что поделаешь. Иду обниматься. Тирания – это серьезно.

84. Отравленная туника

Только папа отправился с книжкой в туалет, отдохнуть душой, сразу стук в дверь. Требовательный. «И нет нам покоя… гори, но живи…» Песня неуловимых мстителей.

– Папа! Папа! – голос младшей девицы через дверь.

Я вздыхаю.

– Что, Злата?

– А хлеб укушенный можно есть?

– Какой еще хлеб? – Папа становится подозрительным. Папе представляется каменная горбушка, покрытая грибами и ядовитой синей плесенью, этот кусок кошка заиграла лет десять назад. А сейчас ребенок взял и нашел. И собирается продегустировать.

– На столике лежал который.

А! Это тот кусок лаваша, что я ей выдал получасом раньше – с соком. Видимо, не доела.

– Можно, конечно.

– Шпашибо.

85. Танцор диско

Злата роется в старых DVD. Вывалила из коробки на пол и перебирает. Потом кричит мне:

– Папа, помоги мне собрать диска!

Именно так, через А.

– Злата, чуть попозже. Начинай, я сейчас приду.

Когда я возвращаюсь из кухни, девица протягивает мне DVD:

– Папа, я хочу посмотреть этот диска!

– Злата! – папа наконец не выдерживает. – Надо говорить не «диска», а «диско»… тьфу. «Диск», конечно.

Я замираю.

Откуда выскочило это «диско»? Нет, я вспомнил не Траволту в «Лихорадке субботнего вечера». А что-то более древнее…

Более индийское.

Точно! Я прикрываю глаза и слышу, как девичий голос поет: «Джимми, джимми, джимми. Ача, ача, ача». Смуглый красавец Митхун Чакраборти в повязке на буйной голове выпрыгивает на сцену. А потом начинает подергиваться, словно пораженный электрическим током. Падает на пол и продолжает дергаться. У него костюм с блестками и белые ботинки на высоких каблуках. Его движения никак не совпадают с ритмом музыки. Он танцует.

Он лучше всех.

«Танцор диско» вышел в Советском Союзе в 1984 году и стал легендой. Его видели миллионы. Это сейчас на поклонников индийского кино смотрят примерно как на «Свидетелей Иеговы», а тогда это было модно и современно. Мейнстрим и зарубеж.

Мой друг Пашка обожал индийские фильмы.

Пашка жил в деревяшке за магазином «Тысяча мелочей», с мамой, старшим братом и квартирантом. А еще у него был белый хомяк-партизан, сбежавший, кажется, уже в третий раз. По ночам хомяк проводил лихие ковпаковские рейды на кухню, прицельно бил по гречке и макаронам, опрокидывал банки с сахаром и оставлял отпечатки крошечных лап в пакетах с мукой. Возможно, хомяк боролся с системой.

Пашкина мама ругалась на Пашку. Они с братом ставили ловушки (гуманные, Пашка настаивал), но хомяк был неуловим. Ночью партизан бродил между стен, шуршал обоями и громко перекатывал гильзы от охотничьих патронов и шарики дроби.

Этого добра у Пашки было завались, его настоящий отец работал охотником. В общем, Пашка и тут оказался крайним.

Когда хомяка чудом поймали (он случайно провалился в пустую трехлитровую банку и не смог вылезти), выяснилось, что

это белое красноглазое чудо – еще и девочка.

Ну, это как раз логично.

Только женщина может так долго и последовательно портить кому-то жизнь…

Но узнали мы это потому, что хомяк оказался беременным, с пузом. Откуда? Мы ехидно спрашивали у Пашки, не терял ли он до этого еще хомячков? Только уже самцов? Пашка вяло огрызался. Тогда мы с Андрюхой начали зубоскалить по поводу дерзкого серого мыша. Мол, тот устроил белой даме свидание за стенкой.

Ну что сказать? Дураки мы были.

Пашка вспылил и обиделся.

У него и без нас хватало проблем. Ему нужно было придумать хомяку имя и починить клетку. Вместо клетки у него была закрытая полка со сдвижным стеклом. У меня в такой на стене стояли книги. Пашкина полка была прогрызена во многих местах и залатана фанерой и кусками жести, словно простреленный танк. В такой стимпанк-обстановке Машке (так назвали хомяка) предстояло рожать потомство.

В тот год наш «Б» класс превратили в математический, а остальных перевели в «В» и «Г». Пашка попал в «В», и мы стали реже видеться. Наша троица мушкетеров почувствовала первые удары судьбы.

У нас с Андрюхой были телефоны, а в деревяшках телефоны не ставили. Мол, это временное жилье, скоро под снос (многие из деревяшек стоят до сих пор, и там живут люди). Поэтому когда Пашка хотел нам позвонить, он просто приходил в гости.

Наступила осень, золото, бронза, медь под ногами, и запах прелой листвы вокруг. Бабье лето. Приходит Пашка – родной, но все-таки немного другой. Непривычный.

– Пойдем в кино, а? – сказал Пашка. – В «Самотлоре» сейчас «Танцор диско-2» показывают.

– Ну не знаю, – я пожал плечами. После «Одиночного плавания» и «В зоне особого внимания» я охладел к Индии. – Чего-то мне не хочется.

– Пошли! Я уже видел, клево.

В общем, он меня убедил. Хотя я пошел туда скорее из-за Пашки, чем из-за фильма. Когда фильм начался, первые пятнадцать минут я пытался сообразить, как связан первый «Танцор диско» со вторым… Оказалось, никак. Даже название другое – «Танцуй, танцуй». Впрочем, я уже увлекся сюжетом. Через два с лишним часа, слегка ошалев от песен, страданий, драк и подергиваний Митхуна, мы вышли на воздух.

– Ух! Крутое кино, – сказал я. Фильм мне понравился. – Ты

сколько раз его видел?

– Четыре, – сказал Пашка.

– Сколько?! – я удивился.

– Или пять.

На следующий день Пашка уболтал Андрея сходить в шестой раз. Я уже ничему не удивлялся.

Квартирант был крепкий, здоровый, весь такой налитой наглостью – молодой жлобина. Он был намного моложе Пашкиной мамы. Кажется, он нигде не работал, зато старательно питался и стрелял у нее деньги. Он или дрых в своей комнате, или торчал на кухне с голым торсом, пялясь в телевизор. Пашка с братом его терпеть не могли, но молчали – ради матери. Я помню, что у них в холодильнике были разные полки – своя и отдельная для квартиранта.

Но тот частенько залезал в чужие запасы.

– Витька, ты опять сожрал нашу тушенку! – орал Пашка.

– Ничего я не трогал, – бурчал квартирант, вытирая сальные губы. И улыбка скользила – «а ничего ты не докажешь». Глаза мелкие и хитрые. – Своего хватает.

Пашка его ненавидел. Но сделать ничего не мог.

Наверное, многие встречались с ситуацией, когда родной тебе человек попадает во власть мелкого, жадного, глупого, недалекого человечка. Вся фальшь которого как на ладони для всех… кроме самого родного тебе человека.

Настоящее зло – не умно. Но почти всесильно.

Я думаю, поэтому Пашке нравились индийские фильмы. Там была надежда.

Возможно, в определенный момент времени нам просто нужны истории, где просто добро побеждает просто зло. И никаких полутонов.

Советские фильмы для этого слишком рефлексивны. На этот случай у детей были чешские сказки про девочку Майку и пластилиновых осьминогов, а у Пашки – индийские фильмы, Митхун Чакраборти, сверкание огней и танец диско.

«Су-па дэн-са!» Давай, давай танцуй.

Интересно, сидя в темноте кинотеатра, глядя на экран, что Пашка представлял?

Вот он, в широких брюках, на высоких каблуках, танцует на сцене, как ударенный током.

Вот лицо злодея крупным планом – у него толстые самодовольные щеки и сальные губы. Глаза подведены черной краской. Он запрокидывает голову и хохочет, как хохочут злодеи в индийском кино… Злодей задумал нечто чудовищное.

Вот седенькая, но красивая мать героя в скромном сари. Она

переживает за сына, ведь ему грозит опасность.

Вот приспешники злодея… Они уродливы и модно одеты. Они бьют Пашку кулаками и ногами и все время смеются. Командует ими высокий мужчина со шрамом на красивом лице. Пашка падает на землю. Еще раз падет. И еще. Это мучительно, как в спагетти-вестернах (за кадром звучит мелодия Эннио Морриконе). По красивому смуглому лицу Пашки течет кровь…

Вот избитого Пашку в последний момент спасает команда мальчишек-бродяг. Они забрасывают приспешников камнями. В мальчишках смутно угадывается нечто знакомое… Это банда «Хомяки», которой боятся все соседи и полиция… Командует бандой лихая атаманша по имени Mash-ka, это ее дети. Она выхаживает израненного Пашку.

Пашка с трудом может ходить. Он поправился, но теперь много пьет. И еще, кажется, он потерял память.

Однажды он хромает мимо бара и слышит знакомую музыку. Пашку пробивает ударом тока. Он заглядывает через решетку окна – и видит в телевизоре свое выступление на сцене. Это словно удар грома.

В одно мгновение он вспоминает все.

И маму, и себя, и диско на сцене, и смеющуюся рожу злодея.

«Я снова буду танцевать, мама», – говорит Пашка.

Пашка занимается день и ночь. Он кричит от боли, но продолжает тренироваться. Он бросает пить.

И приходит день, когда он снова может выйти на сцену.

Мелькание огней. Зрители в зале волнуются. Долгая пауза. И вдруг…

Звучит музыка, выбегают мелкие танцовщицы в купальниках и что-то поют. А потом выходит он…

Нет, не выходит. Выпрыгивает откуда-то сверху, в замедленном движении.

И приземляется на сцену.

– Пока во мне теплится жизнь, я буду танцевать! – кричит Пашка. – А вы будете танцевать со мной?!

И зрители отвечают: «ДА-А-А-А-А!!!»

И он начинает танцевать.

Зрители беснуются, они в экстазе. В зале модные бандиты и неизвестно откуда взявшиеся «Хомяки». Танцуют все, и только Злодей не танцует. По его сальным губам скользит улыбка ненависти. Он ненавидит Пашку, и диско, и все хорошее, что есть на земле.

«Убить его!» – кричит злодей. Бандиты пытаются пробиться к сцене, но зрители их не пускают. Сегодня Пашка король всех сердец. Зрители вместе с «Хомяками» бьют приспешников и

выкидывают их через черный ход на улицу…

Вот появляется седенькая, но красивая мама Пашки и протягивает к нему руки. Злодей приставляет пистолет к ее виску.

Пашка бросается на помощь.

Злодей целится в Пашку и стреляет.

Мама закрывает Пашку собой.

Злодей трусливо убегает. Пашка держит маму за руку. «Ты поправишься, мама». – «Сынок, – говорит мама. – Я всегда любила только тебя». Пашка плачет. «Тебя и твоего брата», – добавляет мама. Пашка вскидывает голову: «У меня есть брат?»

Вот мужчина со шрамом – Пашкин старший брат. Пашка узнал его по шраму. Старший брат раскаивается и переходит на сторону добра. Они с Пашкой догоняют злодея. А потом Пашка и злодей дерутся на кувалдах. Удары звучат в чудовищной реверберации. Пашка проигрывает, но в последний момент собирается с силами. И высказывает злодею все обиды между взмахами кувалды…

Злодей умирает.

Финал фильма. Пашка в костюме с блестками танцует на сцене. Зрители ликуют.

Цветные огни. Музыка. Высокий Пашкин голос.

В центре толпы стоит брат Пашки, он выкатил кресло, на котором сидит седенькая, но красивая мать и улыбается от счастья.

Вокруг них стоят «Хомяки» в диско-одеждах, все из себя. Атаманша Mash-ka показывает ему издалека: ты крут, друг.

И Пашка крут.

Титры. «Роли дублировали… Фильм озвучен на киностудии «Ленфильм» при участии творческого объединения…»

Загорается свет. Добро победило.

Мы вышли из кинотеатра, щурясь от солнца.

Осень, Нижневартовск. В Вартовске осень всегда была моим любимым временем года.

– Как тебе? – спросил Пашка.

– Ух, крутое кино, – сказал я.

И это было правдой.

В скором времени Пашка переехал в Уфу. И до сих пор живет там. У него своя автомастерская, дом, красавица жена, дети.

Мы встречались несколько лет назад в Нижневартовске, он приходил в гости. И я удивился, насколько Пашка спокойный и уверенный в себе. И какие хорошие у него ребята – мальчишка и старшая девчонка.

Мы гуляли по парку, где бегали еще детьми, и катались на

колесе обозрения.

Пашка выглядел счастливым.

Потому что добро всегда побеждает зло. Я в это верю.

Возможно, поэтому любители индийского кино – это секта.

«Есть у вас время поговорить о господе нашем, Митхуне Чакраборти?»

– Папа, – сказала Злата.

Я вернулся обратно, в Москву.

– Поставь диска!

86. Причина распрей

Воскресенье. Девицы играют вдвоем.

Вдруг слышу: началось – крики, вопли, взаимные обвинения. Я подождал. Нет, не успокаиваются. Потом – Златин плач. Подождал еще. Ладно, придется идти.

Злата сидит на кушетке и самозабвенно рыдает. В руке – плюшевая собачка. Я вздыхаю.

– Злата, что на этот раз? – спрашиваю спокойно.

– Василиса-а!

– Что Василиса?

– Василиса-а… не хочет со мной игра-ать!

Поворачиваюсь к старшей:

– Василиса, почему ты не хочешь с ней играть?

– Ага, – когда Василиса нервничает или обижена, она начинает говорить очень высоким надорванным голосом: – Это ее щенок самый лучший и все умеет делать, все должны им восхищаться. А мои щенки самые отстойные!

– Ты жадина! – кричит Злата в ответ, забыв про плач.

– Сама ты жадина!

– Нет, это ты жадина!!

– Нет, ты!!

Обожаю женщин. Они всегда могут договориться, не то что эти агрессивные злобные мужики, от которых на земле все конфликты.

87. Нота в ноту

– Сердце пое-от… над разливо-о-ом поле-е-е-ей!

На самом деле это ария Риголетто «Смейся, паяц!».

Злата орет ее от души.

Во всю мощь творческой натуры.

– Сердце пое-от… над разбитой любовью! моей!

– Сердце пое-от… и не может люби-и-ить! ничего!

Слова на ходу меняются. Злата импровизирует. И только «сердце поет» остается неизменным. Это ничего. Я в детстве считал, что вместо «яблоки на снегу» на самом деле поется «яблогимнастику». И думал: что это вообще, блин, такое – яблогимнастика?! Совсем обнаглели эти артисты!

Я нашел и включил Злате оригинал – из старого советского фильма.

– Смейся, пая-аац! Над разбитой любо-овью! – выводит прекрасный баритон. Хорошее исполнение.

Жена:

– Ты слышала, Злата? Тебе понравилось?

Злата слушает, потом говорит серьезно и снисходительно:

– Немножечко не так, мама. Маша делает по-другому…

И тут же начинает орать:

– Сердце пое-от… над разливо-о-ом поле-е-е-ей!

Спасибо мультфильму «Маша и Медведь», теперь мы немного больше знаем об опере.

88. Не все качели одинаково полезны

Василиса (наши двенадцать) смолоду мечтает о профессии журналиста. Пока в ее представлении журналист мечты – тот, кто ездит по разным странам и ходит на выставки картин (и прочего). Черт, дайте мне эту работу!

Недавно мы обнаружили исторический документ: Василиса, когда ей было девять с половиной, гостила у бабушки под Уфой и делала заметки в блокноте. Чтобы приблизиться к профессии мечты. В то лето мы ей сказали: представь, что ты *уже* журналист. И пиши.

Написав две заметки, юный журналист выдохся и остаток лета всячески расслаблялся.

Но один из этих репортажей чудом дошел до наших дней (орфография автора сохранена):

> *17 августа 2014*
>
> *Крашеные качели, мальчики измазалис в краске. Крашеные футболки это не самое страшное, самое страшное измазать руки и ноги, потомучто у некоторых людей алергия на краску. Иза этого люди чешутся и чехают. У ковоже нет алергии у того остаются следы. Врачи не рекомендуют садится на крашеные качели.*

Главное, вывод верный.

89. Логика и все-вся-всё

Мужчины последовательны, женщины параллельны.

– А я вижу Рому, – говорит мне девица (наши четыре года). – Привет, Ромка! А я иду на паутинку, у меня ногти накрашены![2]

Кажется, все важное о себе Злата сообщила. Пусть Ромка живет теперь с этим знанием.

90. ЗОЖ [3]

В Башкирии девица перешла на диетическое питание.

– Что-то у меня пропал аппетит, – грустно поделилась Злата. Вздохнула. – Просто мне так хочется сосиску… Папа, свари мне сосиску. Три!

91. Клуб анонимных страхоголиков

Федоро́вка – считается районом Уфы, но на самом деле это деревня в нескольких километрах от города. Тихо, спокойно.

И когда темно, то темно по-настоящему. В небе миллиард звезд.

Ночь. Взрослые в доме пьют пиво и расслабляются.

Мелкие сидят в палатке во дворе и слушают страшные истории с телефона. Ну как мелкие…

Лиане семнадцать, Артуру пятнадцать, нашей Василисе двенадцать. И Злата с ними.

В одной истории рассказывается о девочке, которой пять лет. И что-то там с ней случилось. Гроб на колесиках, черная рука и тому подобное. Злата слушает. Девица сидит, прижавшись к Лиане и обхватив ее за руку.

Артур спрашивает с ехидцей (в этом возрасте подростки – короли ехидства):

– Злата! Зла-ата! Тебе сколько лет?

Злата поднимает круглые глаза:

– Мне четыре с половиной года, и я боюсь.

92. «Оскара»! «Оскара»!

– Папа, поиграй со мной в Свинку Пепу!

Это наша старая игра. Злата играет фигурками Свинки Пепы и Джорджа, они живут в доме из лего, а Папа Свин (это моя роль) укладывает детей спать, заставляет их чистить зубы, кормит обедом, водит на пляж купаться и иногда ездит на работу на лего-поезде.

А главное, Папа Свин говорит свое «хо-хо-хо». Это «хо-хо-хо» мне лучше всего удается. Почти безупречно. Как говорится, не зря папа учился в ГИТИСе и «Щуке». Если бы де Ниро играл Папу Свина, он произносил бы «хо-хо-хо» именно так. Только немного хуже.

– Папа Свин, мы хотим купаться! – кричат Пепа и Джордж. – Можно нам купаться? Пожалуйста!

– Хо-хо-хо, – говорит Папа Свин. Станиславский на небесах тихо плачет от счастья. – Конечно, можно! Купайтесь, Пепа и Джордж.

Злата наклоняется и громко шепчет мне:

– Вода холодная.

– Вода холодная! – резко вспоминает Папа Свин. – Нельзя купаться, вы простудитесь. Хо-хо-хо. Лучше поиграйте в интересную игру!

– Папа, но мы хотим купаться! – говорит Злата голосом Пепы.

– Да, папа, мы хотим купаться, – пищит Злата голосом Джорджа. И добавляет: – Хрю.

– Нельзя, я сказал!

– Ну, па-аапа! – ноют Пепа и Джордж.

– Хо-хо-хо.

Отец суров, но это отец.

93. Режиссер Злата

– Василиса, иди со Златой поиграй, пока есть время.

Василиса буркает:

– Не хочу. Злата опять будет меня режиссировать.

Мы с женой переглядываемся. Злата у нас любитель покомандовать, это точно.

– Тогда ты ее режиссируй, – говорит Лариса. – Ты же старше. Говори ей: Злата, делай так.

Василиса, возмущенно:

– Ага. Я так сделаю, а она закричит «ты жадина»!

Вообще, Злату хлебом не корми, дай порежиссировать. Это правда.

Злата и Василиса играют с папой в «Зомби». Эта игра вошла в нашу жизнь с подачи крестного Василисы. Я должен сначала отыскать девиц, спрятавшихся где-то в квартире (обычно в одном и том же месте), затем попытаться их съесть – своими мерзкими кривыми зубами. Я выключаю свет, чтобы было страшнее, и утробно рычу – как тираннозавр в тумане. Девицы отбиваются, убегают, хохочут и визжат так, что уши закладывает. А в финале они устраивают охоту на зомби.

И этот момент как раз наступил. Василиса с воплем повисает у меня на плечах, дни зомби сочтены, но тут… Злата кричит: «Подождите! Подождите!» – и все должны замереть. Тишина, режиссер на площадке.

Злата командует:

– Василиса, ты кричи: «попался, некрасивый». А я буду кричать: «попался, шароной».

Шароной – так Злата произносит «шароноид», это в одной из серий «Смешариков» было. Поверьте, я тоже не сразу догадался. Так и ходил «шароноем», пока не увидел ту серию.

– Зомби!! – радостно вопит Злата.

Это значит – камера, мотор. Поехали.

Василиса тянет меня за одну руку, кричит:

– Попался, некрасивый!

Злата за другую:

– Попался, шароной!

Зомби-папу чуть не порвали. С хрустом суставов папа вырывается и хромает на кухню, под защиту жены. Кухня – нейтральная территория. «Я больше не играю», – кричит зомби оттуда.

– Э, так нечестно! – возмущается Злата вдогонку. – Бе!

Стоп, снято. Всем спасибо.

94. Необходимое зло

– Злата, это что?

– А-а-а-а! Меня женщины покусали!

– Э-э…

Папа в глубокой задумчивости. На себя я эту ситуацию еще могу переложить, но – на Злату?

– Какие еще женщины? – с опаской спрашивает папа. В Федоро́вке что, завелись вампиры?

– Женщины! Всякие! – нагнетает Злата. – Больно!

– Да комарихи это, – устало объясняет жена. – Я Злате рассказала, что кусаются только комарихи. Самки комаров.

– Женщины!!

95. Мастерство репортажа

Настоящий журналист, как известно, должен быть беспристрастен. Стивен Кинг рассказывал, что, когда школьником подрабатывал в спортивной газете и принес свою первую заметку, опытный редактор вырезал из его текста все лишнее, в том числе эмоциональные оценки. «Я прослушал приличный курс английской литературы, потом приличный курс композиции, литературы и поэтики в колледже, но Джон Гульд научил меня большему, чем все они, и всего за десять минут», – пишет Кинг в своей книге «On Writing».

К чему это я?

Ниже вторая из репортажных заметок Василисы (тогда ей было девять с половиной лет). Я знаю эту историю в красочных и эмоциональных подробностях (как-нибудь расскажу), но хоть убейте, не нахожу в заметке Василисы ничего лишнего. Все так и было.

Единственное, я бы добавил несколько запятых и указал возраст девочки Маши Артамоновой. Маше тогда было семь лет. Итак…

17 августа 2014
Погода: Уфа +30, солнечно, без осадков.

Вчера потерялась девочка Маша Артамонова. Она нашлась в маршрутке. Потерявшаяся девочка шла за женщиной, которая была похожа на ее бабушку Расиму. Девочка опомнилась, только когда обнаружила, что едет без бабушки. Водитель маршрутки позвонил диспетчеру и сказал, что в маршрутке едет девочка, она едет одна. Бабушка девочки тотчас позвонила водителю и сказала, чтобы он посадил ее рядом с собой. Девочку отдали бабушке.

96. Время путешествий

Едем со Златой из детского сада.

– Папа, знаешь? Рядом со мной сидит мой невидимый друг Вова, – сообщает Злата из детского кресла.

– Что? – Я чуть руль не выпустил. Только я привык к одному воображаемому другу, а тут такие новости. – А где Лиза?

Злата вздыхает.

– Лиза уехала. Она в отпуске.

Что ни говорите, а мы живем в тяжелое и нервное время. В наше время даже воображаемым друзьям нужен отпуск.

97. Выше головы

Колоданы гостили у нас давно, в начале лета, а их благотворное влияние мы испытываем до сих пор.

Злата невероятно легко сошлась с Сашей-балеринкой, средней девицей Колодана (Саша старше на несколько лет). Они целыми днями играли вдвоем, и мы их не видели, не слышали. У них были свои, очень интересные дела.

Жена сказала, что Саша напоминает ей Василису – но тех времен, когда Василиса еще не вошла в возраст «меня никто не понимает! О-ооо!», «родители – замшелые пни исторического процесса», «жизнь – это черная пустыня, в которой все бесцельно» и была спокойная и веселая.

Саша – тоненькая, светлая, занимается хореографией. Это легко понять по осанке и длинным изящным ногам. Они с Василисой даже внешне чем-то похожи.

Саша и помогла Злате определиться с будущей профессией.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – спросила Саша.

Злата поделилась планами: балериной, стоматологом, продавцом в зоомагазине (своем собственном).

– Нет, – сказала Саша. – Надо выбрать одну профессию. И к ней готовиться.

Злата задумалась. Потом сказала:

– Тогда я буду… – драматическая пауза. – Стоматологом!

Саша кивнула: хорошо.

Так и решили.

Недавно жена позвонила нашему стоматологу тете Тане, чтобы записать Злату на прием (зуб откололся). И рассказала о выборе дочери. Тетя Таня страшно обрадовалась и сказала: приходите скорее, я ей новые инструменты подарю!

Жена говорит Злате:

– Зайдем завтра к тете Тане-стоматологу? Она тебе новые инструменты подарит.

– Ура! – закричала Злата. – Новые инструменты! Я буду играть в стоматолога!

– Так пойдем?

– Нет, – Злата помотала головой.

Жена засмеялась.

– Почему?

– У меня много дел, – сказала Злата озабоченно. Потом показала на маму пальцем, радостно: – Мама, ты сходи! Принесешь инструменты…

В общем, еле уговорили. На следующий день Злата три раза

сбегала из кабинета доктора, в финале ее еле отловили у входной двери. Потом сидела, открыв рот, и плакала. Но рот не закрывала. Пришла и показывала мне белую пломбочку: «Смотри, какая красивая». – «Очень красивая», – говорю я.

Кто-то боится высоты, а потом прыгает с парашютом или лезет в горы. Ставит рекорды. Кто-то боится сцены, заикается, дрожит и теряет память – но идет в актеры. И каждый раз перед выходом на сцену умирает сто тысяч раз. А потом выходит на сцену и рвет зал в клочки. Кто-то дрыщом ходит по австрийским улицам, над ним все смеются, затем начинает качаться и становится Арнольдом Шварценеггером.

Гиперкомпенсация.

А Злата вот страшно боится стоматологов… и хочет стать одним из них. Что ж, посмотрим, что из этого получится.

Всего лишь и надо – прыгнуть выше головы.

98. Любители

Утром АА и ОИ вызвал к себе руководитель ансамбля, недавно назначенный Редькин. Не родственник, как он говорил о себе. «А жаль», – подумала АА. Таланта знаменитого тезки там бы немного не помешало.

Редькин привычно забегал по кабинету, блестя галстуком.

– Вы не работали у Светлова! – он хотел сказать «мне донесли», но в последний момент передумал: – Мне сообщили. Вы все врете!

АА семьдесят пять, ОИ шестьдесят с лишним, Редькину – за пятьдесят. Самое время бросаться детскими обидами.

Анна Алексеевна онемела. Как интеллигентный человек, она всегда терялась при столкновении с откровенным хамством.

– Да, не работала, – спокойно сказала Ольга Ивановна за нее. – А все почему?

ОИ – боевая единица этого дуэта. Если на ОИ наедут на рынке дагестанцы, то уйдут раскаявшись и с проверенным диапазоном голоса.

И Ольга Ивановна рассказала, что действительно, АА не работала лично со Светловым, но тот ее прекрасно знал. Дело было так. У Светлова в ансамбле занимались дети, которые в свободные дни пели в школьном хоре. И Светлов обратил внимание, насколько эти хористы быстрее развиваются и лучше схватывают материал. Он спросил у детей, в чем причина. Дети рассказали. В той школе хор вела молодая еще совсем, двадцатилетняя Анна Алексеевна.

И «старик Светлов нас заметил». Светлов лично отправился на занятие. И высоко оценил талант молодой преподавательницы. Когда он умирал, то завещал ученикам найти АА и привести в ансамбль. «Только ей могу передать свое дело», – сказал Светлов.

Так Анна Алексеевна оказалась в ансамбле, закончила рассказ ОИ.

Редькин побагровел и надулся. Синьор Помидор в костюме от Юдашкина. АА всегда опасалась, что однажды Редькин надуется так, что взорвется. Лопнет, как передутый красный шарик. И стекла в кабинете повылетают. Жалко, человек все-таки. Так уж пусть лучше орет, пар спускает.

– Мы на самом деле любители, – разоткровенничалась АА позже, среди своих. Она пила чай, чтобы справиться с нервным потрясением. Вокруг родители и дети, все, кто остался с «Пионером». – Так не преподают в консерваториях. Вот вы думаете, мы все знаем и умеем. А у нас с ОИ таланта бы не

хватило попасть в консерваторию. Не те данные. Единственное, что мы умеем, это учить. По-своему, иногда на ощупь. Прежний директор ансамбля мне говорил: «Аня, ну что ты возишься с каждой нотой? Что ты одну песню месяцами делаешь? Сделай начало и конец, а середина так пройдет. Так даже в профессиональных оркестрах делают». А я так не могу. Нам с Олей надо идеально.

Сказала и почувствовала себя беспомощной. Кому нужен этот идеал? Сейчас в ходу «американская» система. Ребенок черточку провел, сказал «а!», и все хвалят и хлопают. Вон на концерте «Юность» сфальшивила, стыдно слушать, а все в зале аплодировали и кричали: «Браво!» Куда это годится? Куда?

Пасхальный фестиваль во Владимире. Зал Дворянского собрания, великолепная акустика.

Торжественное открытие. Камерные хоры со всей России. Камерный хор Большого театра, камерный хор храма Христа Спасителя…

Профессионалы.

Перед самой поездкой АА и ОИ вызвал к себе Редькин. Бегал по кабинету в костюме от Юдашкина.

– Куда вы едете? – кричал Редькин в запале. – Вы… позорите хор! Это Пасхальный фестиваль! Там только профессионалы, куда вы-то лезете?! Любители!!

Анна Алексеевна молчала. ОИ тоже молчала, но с вызовом – она решила игнорировать Редькина.

Хор «Пионер» готовится. Белые юбочки, синие жилетки, косички. АА вздохнула. Десять девочек, все, что осталось от огромного хора «Юность», которым она руководила раньше. Главный хормейстер ансамбля. Сейчас смешно звучит, а раньше звучало гордо и красиво. Сейчас у «Юности» новая хормейстер – ее бывшая ученица. А ее, старуху, прогнали прочь, как короля Лира. Сплошной Шекспир в нашем ансамбле.

Перед самым выступлением организаторам фестиваля позвонил Редькин. И наговорил много всего.

И организаторы резко охладели к хору. Отношение стало, как к самозванцам и выскочкам.

Все стерпели.

– Спокойно, – сказала АА девочкам, хотя на сердце точно камень лег. – Выступаем как обычно. Танечка, выводи их.

Время начинать.

Да не тут-то было.

Даже рояль им не открыли. Девочки выстроились на сцене – белые юбочки плиссе, синие жилетки. Косички и испуганные глаза.

И зал перед ними – огромный. В зале профессионалы. Некоторые даже переглядываются – почему этих так шпыняют? Словно приблудных собак. Словно чужих.

Ольге Ивановне не открыли рояль. Хорошо, она всегда возит с собой синтезатор для репетиций. Вот и пригодился.

А чтобы задать тон девочкам, пришлось ей подуть в маленькую дудочку.

«Ничего, ничего», – пробормотала АА.

Настроились. Взяли «ля».

Недоброжелательность сгустилась над ними, словно туча. Это профи. Сейчас эти, приблудные, выступят, и освистаем. Нет, просто промолчим – и пусть едут себе. Дети все-таки. Любителям здесь не место. Нет ничего хуже, чем выступать перед профи, если ты – не профи. Словно перед тобой каменная стена.

И вот взмах руки…

И вдруг – чисто, как серебряная нить, как туманная дымка на рассвете:

– Выйду ночью в поле с конем, ночкой темной тихо пойдем…

И многоголосица. Когда-то светловцы выступали с Александровским ансамблем, так александровцы говорили: ну вы даете, мы так не можем. А теперь они мертвы, эти профи. «Эх, мальчики, – подумала АА с горечью. – Сколько вас погибло в том самолете…»

И зал замер.

Притих.

– Мы пойдем с конем по полю вдвоем… – выводили юные голоса, – мы пойдем с конем по полю, пойдем…

Последняя нота затихла. Пауза. Тишина.

Анна Алексеевна повернулась. Девочки ждут, что будет.

И вдруг – зал встал. Профи встали. И начали аплодировать.

У Анны Алексеевны на мгновение подкосились ноги.

Надо петь следующую песню, а аплодисменты все не стихают.

Так и начали «Веники» под аплодисменты.

* * *

Редькин позвонил еще раз. Неизвестно, что сказал ему директор Пасхального фестиваля, но стекла в кабинете Редькина внезапно дрогнули, как от воздушной волны, задрожали… А кто-то даже слышал хлопок. Но это слухи, конечно. Люди не могут взрываться, как шарики. Особенно от стыда.

Стекла выдержали.

На следующий день на выступлении хора – аншлаг. АА вывел

на сцену лично худрук фестиваля. Поцеловал ей руку и сбежал по ступенькам, как молодой. ОИ, сидя за открытым роялем, сияла. Девочки, окрыленные, перешептывались…

Наступила тишина.

– Спокойно, – сказала АА. – Выступаем как обычно.

99. Очень Важный Вопрос

Злата залезает на диван, обнимает папу за шею. Я думаю, у меня сейчас голова оторвется. У нее крепкие руки.

– Папа, а когда я вырасту, ты меня… – и запинается.

Пауза.

– Злата, что?

– Ну-у.

– Что ты хотела сказать? Говори, я слушаю. Когда ты вырастешь, то что?..

– Когда я вырасту, ты меня… – Девица долго подбирает слова, затем продолжает: – Зафотографируешь?

– Э-э… конечно.

– И сделаешь, чтобы смотреть?

– Клип? Конечно, сделаю.

На прошлый день рождения Василисы я смонтировал небольшое видео из фотографий – от месяца до двенадцати лет, под музыку. Злата много раз его видела.

– И Василиса будет смотреть, да?

– Да.

– И мама?

– И мама будет смотреть. А что?

– И баба Люда? И нанэйка?

– Конечно, да.

– И дядя Наиль?

– И дядя Наиль, и тетя Гуля, и Лиана, и Артур, – начинаю я перечислять, – и даже маленький Тимурик. И тетя Таня, и дядя Андрей, и Ника, и Вова будут смотреть. Все будут смотреть.

– И ты будешь?

– И я, конечно.

Злата выдыхает.

– Хорошо.

100. Принцесса ночи

Иногда я думаю, что Фифу мы усыновили из фильма ужасов. Ночью, когда все спят, кошка ходит по дому так, что поседеть можно.

Иду я на кухню налить кофе, квартира погружена в темноту, горит только крошечная лампа над ноутбуком и ночник в кухне (там, где кофемашина), бледно мерцает синяя подсветка холодильника. Тишина. Покой. Просыпается мафия…

Делаю кофе. Машина противно ревет, поэтому я прикрыл дверь, чтобы не разбудить весь дом. Чашка наполнилась, доливаю молоко. В полной тишине делаю первый глоток, думая о вечном.

И тут…

Скри-и-и-и-и… скри-и-ип…

У меня волосы на затылке шевелятся. Мороз бежит по спине.

Дверь на кухню мучительно медленно, как в страшном сне, открывается. И цок, цок, цок… у меня в животе провал… входит наша изящная британка. Останавливается и смотрит на меня мерцающими в темноте глазами – с интересом. «Ну как твой сердечный приступ?» – словно спрашивает она.

Спасибо… на месте!

– Фифа, блин, – говорю я в сердцах. – Ты издеваешься?

Морда у кошки невозмутимая. Но внутри себя Фифа улыбается, точно.

Забавно, что в обычное время дверь не скрипит.

101. Мастер планирования-2

Злата любит планировать.

Приношу ей плов в тарелке, ставлю на столик. Кладу ложку.

– Злата, ешь, пока не остыло. Садись давай.

– Папа, у меня идея!

Идея – это всегда подозрительно. Особенно с такой радостной круглой рожицей.

– Какая?

– Сейчас я немножко посмотрю мультик… А потом сяду кушать – и еще немножко посмотрю!

– Гениальный план!

– Что? – Злата не оценила папину иронию.

– Хорошая идея, – говорю. – Начинай.

102. Миру мир

– Соня сказала, что будет со мной дружить, только когда пойдет в первый класс, – говорит Злата грустно.

То есть через несколько лет. Лучшие подруги опять поссорились, а теперь одна ставит условие другой.

Папа – за непримиримость и возмездие:

– А ты скажи Соне, что будешь с ней дружить, только когда пойдешь в институт!

Злата качает головой:

– Нет уж, пугать я не буду никого.

Хм-м. Кажется, некоторым политикам стоит поучиться у одной маленькой девочки.

103. Мастер планирования-3

Жена мечтательно:

– Когда Злата вырастет, то будет учиться в Университете нефти и газа имени Губкина. Там, где наш папа учился. Злата, ты ведь хочешь учиться в университете?

У мамы всегда далеко идущие планы. Как у Бене Гессерит в «Дюне». Папа обычно дальше «выдать всех наконец замуж. И кошку Фифу тоже» не заглядывает.

Злата категорично:

– Ну уж нет! Ни за что!

У мамы вытягивается лицо. Дождавшись, пока папа отсмеется (оторжется, если быть точным), девица поясняет:

– Потому что в университете монстров всех пугают! А я не хочу.

Оказывается, вот она про что подумала.

104. Небо в кристаллах

Моя сестра Татьяна, мама Вовы и Ники, живет в Петербурге.

Утро началось с того, что Татьяна неожиданно для себя вступила в родительский комитет школы. И теперь ей нужно ехать куда-то и покупать какие-то мячики… И обязательно красного цвета. Это не считая основной работы, где Татьяна замещает начальника валютных операций, Никиных бальных танцев, куда девицу нужно регулярно возить (три раза в неделю плюс индивы), Вовиного садика и занятий (бабушка тоже не железная, а папа успевает не всегда), плюс по вечерам Татьяна в качестве хобби шьет купальники для художественной гимнастики и уже набрала заказов на два месяца вперед. В общем, в ближайшее время Тане предстоит прекрасное бессонное будущее в тысячах кристаллов Сваровски (их клеят на купальники).

– Просто, когда спросили, никто не хотел, – оправдывается Татьяна передо мной. – Раз спросили, два спросили – все родители молчат. Ну я тогда говорю: если что, я могу посчитать затраты… и вот.

– Посчитать ладно, – говорю я. – А мячики?

– Ну-у-у… так получилось.

И это не сказать, что у Тани мягкий характер. Ее характером можно по граниту выпиливать. Фигурно.

Вечер трудового дня. Мячики найдены и доставлены по месту. Валютные счета приведены в порядок. Девица отвезена на танцы, привезена с танцев, накормлена, делает уроки. Вова, сидя на диване, смотрит мультики про машинки. Папа готовит ужин.

Татьяна одевается в прихожей.

– Никочка, я поехала, – говорит дочери. «Никочка» – это ласково. В дисциплинарные моменты девица становится «Так, Вероника Андреевна». Девица выходит в прихожую, зевает.

– А ты куда? – спрашивает Ника.

Татьяна вздыхает. За окном – темнота и холод. И черное питерское небо в кристаллах Сваровски. Но надо.

– А сейчас я поеду на твое собрание по танцам.

Ника внимательно смотрит на маму.

– Мамочка, ты только там никуда не вступай, ладно?

Мудрый ребенок.

105. Бэтмен

Кроме театра и хора, Василиса фанатка футбола и лошадей. Вчера, например, ей снилось, что черный голландец фриз по кличке Черчилль, в которого она влюбилась летом в Уфе, стал ее личной собственностью… Ах, эти сладкие девичьи грезы! Василису хлебом не корми (но лучше, конечно, предварительно покормить), дай убежать на улицу, гонять в футбол с мальчишками. Играет девица быстро, резко, не хуже пацанов, с такой самоотдачей, что потом ее выжимать можно.

Василиса убежала играть.

Вечером рассказывает: меня мальчишка ударил. Из другой команды.

– Я его случайно ногой задела, когда играла, – говорит Василиса. – Он разозлился. Подбежал ко мне, схватил за плечи и начал бить коленкой. Потом еще раз. Вот, – она демонстрирует синяк на ноге. Здоровый.

У меня кровь вскипела. По дворовым меркам – это грязный прием, даже когда дерутся злейшие враги. За такое бьют мерзавца без пощады. А тут – девчонку! В игре! Ни за что!

Я чувствую, что готов порвать обидчика голыми руками. Сейчас побегу на поле, искать недомерка. Но потом соображаю, что уже вечер, Василиса давно пришла с футбола. То есть она совершенно спокойно рассказывает о том, что случилось раньше. Ситуация разрешилась? Так. Я ставлю праведный гнев на паузу. Спрашиваю с затаенной надеждой:

– Ты дала ему сдачи?

– Я его ударила, но промахнулась, – говорит Василиса.

Ну елки. Все-таки надо было ее на тхеквондо подольше поводить.

– И что дальше?

– А потом мы перестали играть в футбол.

Неожиданный поворот, угу.

– Этот мальчишка – капитан другой команды. Просто, – у Василисы загораются глаза, – В.П. увидел, как тот меня бьет, подбежал и вступился за меня. Ударил его изо всей силы. А потом еще раз.[4]

В.П. – мальчишка из Василисиного класса, считается дерзким и практически «плохим парнем». Вот молодец, думаю я. Настоящий пацан. «Пусть хоть завтра присылает сватов» (вычеркнуто женой).

– У того даже из десны кровь пошла, – говорит Василиса с застенчивой гордостью.

– Молодец В.П.! – Я восхищен. – Так и надо.

Василиса вдруг заминается.

– Что-то еще? – Я насторожился.

– Папа…

– Что?

Василиса поднимает взгляд.

– В.П. потом подошел ко мне…

– И?

«Поцеловал? Попросил руки и сердца?»

– …и попросил никому не рассказывать, что он за меня дрался.

Некоторое время я молчу. Ну понятно. У парня репутация, все дела. Днем он рок-н-ролльщик и шаляй-валяй, а по ночам – симфоническая музыка, прожектор в небо и силуэт футбольного мяча на темных облаках. «Этот город боится меня, – звучит чудовищно низкий голос, искаженный реверберацией. – Я видел его истинное лицо». И справедливость всем и каждому, и никто не уйдет обиженным. Бэтмен и его стальные кулаки…

– Обещаешь? – говорит Василиса.

– Ага.

Ладно, обещал так обещал.

И вы тоже никому не рассказывайте. Это тайна.

106. Разум и чувство

Злата с гимнастики переквалифицировалась в управдомы… в смысле, пошла на танцы, подготовительная хореография при Ансамбле Локтева.

Второе занятие, уже без мамы.

Лариса:

– Злата, ты сегодня хорошо занималась?

Девица задумалась на мгновение.

– Не очень, – призналась честно. – Конечно! Мама, когда ты смотришь, я лучше занимаюсь…

Злата подумала и добавила со вздохом:

– Но ты лучше не смотри.

107. Сбыча мечт

Злата:

– Папа, а ты в детстве мечтал о приставке?

Хороший вопрос. Приставка «Денди» или «Нинтендо» – в моем детстве это было круто. Каждый мальчишка о такой мечтал. Плюс много-много картриджей с играми. Я даже, помню, представлял, что у меня есть отдельная комната, полная ярко-желтых картриджей – я захожу и выбираю, выбираю… Но Злата под приставкой понимает другое – что-то вроде старого «Ну, погоди!», только с глицерином внутри. Никакой электроники. Нажимаешь на кнопочки, и взлетают крошечные пластиковые колечки. Их нужно надеть на два штырька.

Злата три дня мечтала о «приставке». Мы ходили в магазин «Канцтовары», как на работу. И вот наконец они с мамой ее купили.

– Да, мечтал. А ты?

Злата кивает.

– Я очень мечтала. И моя мечта исполнилась! – она взмахивает розовой «приставкой».

– Здорово, – говорю я. – Очень красивая приставка.

– А твоя, папа? Исполнилась?

– Ну почти. – Я улыбаюсь. – Я вырос, и там появились другие мечты.

«Девушки, девушки, девушки, еще больше девушек!» Хм-м.

– А какие, папа? Какие мечты?

Девица смотрит серьезно. Придется отвечать.

– Хм-м. Написать книгу… встретить хорошую девушку… завести двух симпатичных дочек…

– А еще о чем ты мечтал? – Злата не отстает.

– Ну, хорошо. Еще… Стать всемирно известным писателем.

Снять кино, сыграть главную роль, поставить спектакль «Сирано де Бержерак» – по-настоящему, а не как его обычно ставят, написать великую книгу и получить Нобелевскую премию за вклад в литературу… Слетать в космос и опуститься под воду на несколько километров. Путешествовать по миру и… Боже, о чем я только не мечтал!

– И твоя мечта исполнилась?

– Э… – с мировой славой пока заминка, надо признать.

Девица смотрит на меня серьезно. Кажется, ей становится жалко отца. Злата берет свои детские часы, протягивает мне.

– А о таких часах ты мечтал, папа?

– Ну… – Я запинаюсь. Действительно, как я жил без часов с

желтым котиком? – А ты что, хочешь мне их подарить?

– Да!

Злата надевает мне часы на руку, там пружинный браслет. Щелк. Готово. Красота.

– Теперь твоя мечта исполнилась! – объявляет Злата торжественно. – Та-дам!

– Спасибо, Злата.

Дорогие родители. Пусть дети исполняют ваши мечты.

Теперь у меня нет всемирной славы писателя, зато есть желтенькие часы с котиком.

Ну что, неудачники, завидуете?

108. Василиса и Необыкновенная встреча

Дорогой дневник, сегодня был замечательный день! Сегодня я ходила в конный лагерь и познакомилась с одной очень интересной личностью.

Утром я поехала на конюшню. Конюшня называется «Любимая конюшня», и на самом деле она стала для меня любимой.

Когда я приехала, все уже снаряжали лошадей на 1-ю тренировку. Я занималась на коне по имени Сильвер. После тренировки мы катали детей. Тут-то произошло мое первое знакомство с этим красавцем. Его зовут Черчилль, он наполовину голландец, брюнет с очень красивыми глазами. На первый взгляд это не самый приметный конь, но если разглядеть, это спокойный красавец с длинной шеей. Он очень сильный. Все говорили, что Чили может выдержать на себе десять человек, но он один из самых ленивых коней на конюшне.

Больше всего на свете я хочу, чтобы Черчилль был моим конем.

Василиса, 6-й «О» класс

* * *

Это Василиса домашнее задание сделала. По мотивам своего летнего отдыха под Уфой. Хотя что-то мне подсказывает, что учительница под «необыкновенной встречей» имела в виду совсем не знакомство с конем всей жизни…

109. Моя семья и другие чудовища

Свершилось. Писателю-фантасту нужно приехать к динозаврам, чтобы его узнали на улице.

То есть человек идет, смотрит: трицератопс, тираннозавр, амурозавр… о, Шимун Врочек! Вы мой любимый писатель!

Еще бы. Среди динозавров я вообще вне конкуренции.

У Василисы в четверг занятие театральной студии перенесли в Дарвиновский музей – педагоги Театра Сац решили, что юным актерам нужен определенный, лучше высокий, интеллектуальный уровень. Как бывший актер и почти режиссер, могу сказать, что тут они, конечно, правы. Примеры Дольфа Лундгрена (три высших образования и научная степень по химии) и Эштона Катчера (Университет Айовы) это подтверждают. А потом Шекспира играют Шон Бин (средняя школа) и Аль Пачино (бросил школу). Но педагогам виднее.

Я привез Василису к трем часам и – быстрее! быстрее! – мы бежим к музею. Экскурсия вот-вот начнется…

Не тут-то было. У ворот толпа народу, пожарные, полиция. Бомба! Музей эвакуировали по анонимному звонку.

– Черт, – говорю я. Полдня потеряно. Когда в моей студенческой юности в Москве началась эпидемия ложных звонков, «Керосинку» эвакуировали раз двадцать. И всегда это было надолго. – Ладно, подождем.

Василиса тусуется среди студийцев, время идет. В музей не пускают. И вдруг я слышу знакомые интонации:

– Это? – говорит голос. Я сразу опознал выпускника питерского биофака. – Это я спас самый ценный экспонат.

Если бы не громкость – а говорил человек громко, – я бы подумал, что это писатель Дима Колодан.

– Это рыба-игла, – продолжает голос. Я поворачиваюсь и вижу рыжую шевелюру, возвышающуюся над толпой детей, как башня. – Очень древнее животное, – говорит рыжий человек. Он и внешне похож на Колодана, только выше ростом. – Представьте себе морского конька… все видели морского конька?.. которого вытянули в струнку. Получилась рыба-игла, вот такая. Можете потрогать. Только осторожно, не сломайте. Чувствуете, какой у нее твердый панцирь?

– Да-а-а! – говорят дети. Детям интересно. Я прямо вижу, как над макушками зажглись маленькие шарики – и сияют.

– Вот такая интересная рыба, – говорит рыжий. – Понравилась? Мне она тоже нравится.

Он складывает рыбу-иглу в коробку, коробку в сумку… Сумка

в точности как у Колодана. Ну елки.

– Вы здесь работаете? – спрашивают дети.

– Совершенно верно, – говорит человек.

– Расскажите еще что-нибудь! Да!

– Ну что вам еще рассказать… – Рыжий поворачивается к забору, показывает через него. – Видите вон того динозавра? Это амурозавр.

Там четвероногий динозавр, стоит, повернув голову с гребнем, – словно тоже прислушивается.

– Амурозавр? – дети открывают рты.

– Помните, был такой Амур? Бог любви? – Рыжий показывает, как бьются маленькие крылышки. Очень смешно. И опять вылитый Колодан.

– Да-а-а!

– Так вот, этого ящера назвали не в честь бога, а по названию реки. Знаете, есть такая сибирская река, Амур? Когда-то около нее нашли окаменелые останки этого ящера и назвали его амурозавром. Вы когда-нибудь думали, что в России были динозавры? Представляете? Бродили сто миллионов лет назад и жевали траву. Так что этот амурозавр – настоящий русский динозавр.

Дальше рыжий рассказывает о том, как устроены зубы у слонов (а теперь смотрите на амурозавра… у него такие же) и какая это тяжелая работа – целый день жевать траву.

– Интересно! – кричат дети. – А еще! Еще!

– Ну… – говорит рыжий. Но дети его уговаривают. И тогда рыжий ведет толпу влево от входа и там начинает рассказывать об огромной доисторической синей лягушке, которая сидела в доисторическом болоте и работала доисторическим «капканом». Рыжий показывает в лицах процесс охоты, как захлопывается огромная пасть и какое удивление в этот момент возникает на лице жертвы… При этом рыжий умудряется сочетать в рассказе нежность и снисходительную иронию, словно эта лягушка-«капкан» живет у него дома, вместо кошки. Где-то рядом с амурозавром, занявшим гостиную. Домашние любимцы.

И я опять же узнаю в этом Колодана. Судя по тому, что я читал, примерно таким же был и Джеральд Даррелл, знаменитый писатель и защитник животных.

Я отрываюсь от толпы и иду к главному входу. Может, полиция уже закончила?

И встречаюсь взглядом с девушкой. Темные глаза, симпатичная. Очень стильная.

Она смотрит на меня так, словно мы знакомы. Пока я пытаюсь вспомнить ее имя, девушка говорит:

– Шимун Врочек? Писатель? Это вы?

Динозавр, динозавр… Врочек! Я же говорил, меня легко узнать.

– Да, это я.

– Мне так нравится ваша книга! А вы на экскурсию приехали?

Оказывается, девушку зовут Марина, она в Дарвиновском музее работает художником-оформителем. Я говорю, что привез дочку в музей, но вот такое дело… Василиса сейчас слушает лекцию. Я издалека слышу голос рыжего и ответ детей: «Да-а!» Похоже, он их кумир.

– Это Ярослав, – поясняет Марина. – Он у нас энтузиаст… О, кажется, закончили.

И точно. Из музея выходят полицейские, туда начинают впускать посетителей. Значит, и нашим студийцам пора.

– Пойду скажу своим, – говорю я.

Через два часа. Пока Василиса на лекции, я успел сходить в супермаркет за продуктами, отнести в машину, вернуться к музею и порядком заскучать. Василисы все нет и нет, хотя говорили, что лекция будет всего час. Где дочь? Звоню – девица не берет трубку, но наконец скидывает эсэмэску: «У нас еще лекция». Хм-м. Ну ладно.

Я рассматриваю «архангельскую баню по-черному», что стоит у главного входа музея. Говорят, это часть экспозиции современных шведских художников. Баня настоящая, старинная, серое дерево. Из бани «по-черному» почему-то торчит железная ржавая дымовая труба. Ну, может, шведы именно так понимают современное искусство. Хотя баня, согласен, – это вещь.

Звонит жена.

– Вы где?

– В музее.

– Не поняла?

Через минуту перезванивает.

– Василиса с подружкой решили, что их лектор им не нравится, скучный, и остались на лекцию со следующей группой (студийцев около сотни, так что групп несколько). Еще минут двадцать.

– Что-о? А почему она мне не сообщила?!

– Только не ругай ее.

Ладно. Но сообщить-то можно было? Жду, от нечего делать начинаю набирать на телефоне текст (как еще заставить писателя работать?), звонит телефон. Это моя мама, для девиц баба Люда.

– Алло, мам? – говорю. – Как у тебя дела?

Рассказываем друг другу новости. Я делюсь. Приехали, тут бомба, рыжий лектор, похожий на Колодана, а тут – девица пошла

на вторую лекцию и ничего мне не сообщила. Втемную. Ладно, осталась на лекцию, я не против (хотя и время), но почему не сказала?! В процессе рассказа я начинаю заводиться. Праведный гнев вскипает. Темперамент – это у нас семейное.

– Она так замуж выйдет, а я ничего знать не буду! – бушую я.

– Ну это-то она сообщит, – неуверенно говорит мама.

Спасибо.

Через сорок минут из музея выбегает радостная Василиса. Я набрал уже страницу текста и с надеждой жду, что телефон разрядится… Писатели очень любят работать.

– Василиса! Почему не сказала, что идешь на вторую лекцию?! Я же жду!

– А у нас другой лектор был, – говорит Василиса. – Очень интересно рассказывал. Очень, очень!

Ага. И тут я понимаю. «Динозавры – мои домашние животные». Интеллект, ирония и затаенная нежность.

– Рыжий? Ярослав?

– Да.

Ну, понятно.

110. Песни о главном

На кухне хожу и рычу блюзовым вокалом:

– Нинка как картинка, с фраером гребет. Дай мне, керя, финку, я пойду вперед. А поинтересуюсь, а шо это за кент? Ноги пусть рисует, Нинка, это ж мент… я знаю.

Василиса, задумчиво:

– Какая странная песня. Картинка гребет флаером… Что это?

Боже, мы теряем культуру.

111. Старик Джонс

«Они все мертвы, эти старые пилоты». (с) Уильям Фолкнер

Годы проходят, а пустыня не меняется. Бублик Джонс стоит на краю и смотрит.

Барханы до самого горизонта. Барханам нет числа.

Парни не дотянули. Когда, в какой момент пустыня победила их, затянула в себя? – думает Бублик. Когда исчезла белозубая улыбка Джерри? Когда он забыл про свое колесо – а ведь он так его любил? Когда угольно-черные усы Буруна, которыми тот гордился, обвисли и побелели? Неужели в тот момент, когда друзьям стало лень даже подниматься на второй этаж, чтобы перекусить и выпить свежей воды? Или нет… Бублик помедлил, прищурился. Наверное, все началось с того дня, когда братья перестали купаться в бассейне… Бублик Джонс закрывает глаза и видит растолстевшие, безвольные лица друзей. Нет, еще раньше. Когда пустыня забрала их волю к жизни. Тела изветшали позже.

После смерти Джерри и Бурундучелло он сбросил лестницу и закопал в песок. Теперь, чтобы забраться наверх, нужно сделать прыжок.

Настоящий прыжок.

Надо создавать себе трудности. Иначе окончательно превратишься в овощ, в никуда не годного старика. Пока ты борешься, ты жив. Мозг работает, сердце качает кровь, мышцы напряжены.

Бублик Джонс выпрямился.

Пустыня не знает ни конца, ни края. Пустыня не знает жалости. Пустыня – это время.

Рано или поздно каждого из нас занесет песком. «Но я буду торчать из него, как хренов Сфинкс, до последнего».

Иногда он вспоминал гигантский силуэт Мурзиллы, его страшный черный облик в грозовых облаках. Там, где начинается ничто. Раскаты грома и чудовищный смех монстра.

И аэроплан «Альбатрос», планирующий против штормового ветра.

Вода заливала лицо. Даже в очках мало что видно. Штурвал выворачивался из рук. Бублик до сих пор помнил вытягивающую боль в предплечьях – когда он пытался удержать биплан на курсе.

Вспышки ослепляли. Бурундучелло, брат, сидел за пулеметом. Джерри устроился на месте штурмана, вцепившись в рукояти, и хохотал при каждой вспышке молнии. Они все были молоды. Они сражались за правое дело и не собирались отступать… Они выдержали тысячи испытаний, они победили

чудовищного Мурзиллу, они вернулись домой…

Чтобы превратиться в слабоумных стариков и умереть.

Бублик Джонс примерился. Прыжок – к еде, к воде. Его каждодневное испытание. Каждый день нужно ставить себе препятствия.

Он рывком распрямил ноги, выбрасывая тело вверх и вперед… Воздух засвистел в ушах… Край площадки все ближе. Нет, нет… Толчок был слишком слабым, понял он вдруг. Он промахнулся! Удар.

Бублик ударился бедром о край площадки.

Ногу пронзила острая боль. В бедре что-то сухо, едва слышно, треснуло. И Бублик вдруг понял, что заваливается назад. Падает. «Эх, ты, старик, – подумал он в одно мгновение. – Никуда ты уже не годишься».

Бублик Джонс упал на песок. Удар был настолько силен, что несколько мгновений он не мог дышать.

«Пить», – подумал он, когда дыхание вернулось. В горле пересохло. Он вспомнил, что вода там, наверху… Боль пульсировала в ноге жарко, часто. В глазах плыли черные пятна. Он попытался подняться, но тут же снова упал. Эх ты, старик. Отбегался, да? Он заставил себя отогнать дурацкие мысли. Он – Бублик Джонс. Он – победитель Мурзиллы. Он никогда не сдается.

Рот наполнился кровью. Бублик стиснул зубы, подтянул себя на руках и начал подниматься. Плевать на боль… Он сможет. Он должен.

Нога подломилась.

Кажется, он задремал.

Сквозь сон он услышал знакомый рокот мотора. Роторный, касторовое масло, автоматически определил Бублик. Он даже чувствовал характерный запах горящих газолиновых паров. Этот запах всегда напоминал ему молодость.

– Эй, старик! – услышал он молодой насмешливый голос. – Тебя подвезти?

Звук этого голоса прошил его насквозь, словно разряд электричества.

Бублик открыл глаза и резко повернулся.

«Альбатрос» катился по песку, пропеллер все еще вращался. В кабине биплана сидел молодой пилот.

– Джерри?!

– А ты кого ждал, старик? – Джерри засмеялся. Белые молодые зубы его сверкали, как жемчужины.

– Ты забыл свой шарф, старина, – сказал Бурундучелло. Он был молод и красив со своими черными густыми усами. Бурун

легко выпрыгнул из самолета и пошел по песку. Он протянул Бублику белый шелковый шарф. – Настоящие пилоты никогда не забывают свой шарф.

– Я не могу встать, – сказал Бублик.

Джерри засмеялся.

– Глупости, старина, – сказал Бурундучелло. – Конечно, можешь.

У меня нога сломана, хотел сказать Бублик, но вместо этого подтянул ноги под себя и… встал. Ничего не болело. Тело слушалось с легкостью, точно он снова был здоров.

Прохлада шелка окутала шею. Словно глоток чистой свежей воды – пил бы и пил, не отрываясь. Бублик зажмурился, открыл глаза.

И снова почувствовал себя молодым. Кровь бурлила в жилах. Руки рвались к штурвалу.

– Быстрее! – закричал им Джерри. – Что вы там копаетесь?

– Полетели, старина, – сказал Бурундучелло. Улыбнулся. – У нас тысячи дел. Я даже не представляю, как мы все успеем!

Бублик Джонс кивнул. Он тоже не представлял. Но жаждал попробовать.

…«Альбатрос» разогнался по песку, гудя двигателем, и взмыл в огромное, безоблачное голубое небо… Исчез вдали…

* * *

– Он умер, – сказала девочка и заплакала.

– Да, – сказал папа.

– Надо его похоронить.

– Да, – сказал папа. – Давай найдем ему хорошую коробку.

На минуту девочка перестала плакать.

– Самую красивую?

– Можно и так, – сказал папа. – Но лучше крепкую и надежную.

Девочка задумалась. Ей хотелось найти для Бублика самую лучшую коробку.

– Я спрошу у мамы.

– Хорошо.

Когда девочка ушла, папа подошел к клетке. Мыш лежал на песке, вытянувшись. Исхудавший и совершенно седой. Папа поискал в груди ощущение дыры, что всегда бывает, когда от тебя кто-то уходит. В папе все еще зияла огромная дыра после того, как ушел его дедушка. И в эту дыру иногда были видны звезды. Но сейчас дыры не было, даже самой маленькой. Была только

печаль. Небольшая и светлая. Конечно, подумал папа. Мы же знали, что старик скоро умрет. Ему лет сто пятьдесят по человеческим меркам. Вообще удивительно, что он столько протянул.

Вернулась девочка и принесла коробку. Это была хорошая коробка – простая и надежная. Раньше в ней хранились папины ботинки, поэтому она до сих пор пахла старой кожей, дубом и кремом для обуви.

Папа кивнул. Хорошо. Что может быть лучше, чем спать вечным сном в запахах кожи и гуталина.

– Ну что, старик. Пора.

Они положили мыша в коробку, закрыли крышку. Девочка написала на листке:

«Бублик (2009–2015). Мы тебя никогда не забудем».

Папа приклеил листок скотчем. Затем подумал и обмотал коробку два раза. Так было надежнее.

Они оделись и вышли из дома. Девочка несла коробку в руках.

На улице было темно и холодно. Недавно наступила весна, снег подтаял, но все еще местами лежал – плотный и почерневший, точно в слое пепла. Девочка и папа перешли дорогу. На стоянке стояла папина машина. Когда они прошли мимо, папа остановился.

Иллюстрация: «Песчанки в раю», автор – Василиса.

– Я сейчас, – сказал папа. Он вернулся к машине, открыл багажник и достал большую красную лопату. Этой лопатой он выгребал снег из-под колес.

– Пошли, – сказал папа.

Они пришли. Полоса деревьев отделяла дом от шоссе.

– Здесь, – сказал папа. – Здесь хорошее место.

Летом тут будут зелень и трава, и тень от деревьев. А сейчас здесь только голая земля, раскисшая от грязи. Несколько желтых травинок. Узкими клиньями лежит снег – как серые ледяные штыки.

Папа взял лопату и начал копать. Лопата легко снимала раскисший слой земли и скрежетала по замерзшему. Папа взмок, пока копал. Наконец, яма была готова. Они опустили коробку в яму.

– Хочешь что-то сказать? – спросил папа.

Девочка кивнула.

– Прощай, Бублик. Ты был мой самый лучший мыш.

Девочка хотела сказать «песчанка», но «песчанка» очень неудобное слово. Его не скажешь про мальчика.

– Передавай привет Джерри и Бурундуку.

– Прощай, старик, – сказал папа.

Девочка искоса посмотрела на него. Она удивилась, какие у него темные глаза. С мерцающими огоньками. Словно он смотрит далеко в глубину и видит звезды.

За деревьями с ревом промчалась машина, и папа точно проснулся.

Папа закинул лопату на плечо, и они пошли. Грязь чавкала под ногами.

– Пап, – сказала девочка.

– Что?

– Как думаешь, Бублику понравилась коробка?

Папа остановился и посмотрел на девочку.

– Думаю, да, – сказал он. – Думаю, да.

112. Занимательная генетика

Вечер. Едем с девицей в лифте.

– Злата, что ты сегодня в садике делала?

Девица:

– Потом! Не спрашивай меня, я так устала!

Занавес.

Может, это действительно генетика?

* * *

Девица посмотрела мультик, отдохнула, можно продолжать диалог.

– Злата, с кем ты вчера играла?

– Ни с кем!

– Почему? А Ромка твой любимый? Динозаврик?

– Он теперь с Лией дружит!

Это, конечно, причина.

– Ну дружит и дружит. И что?

– А Лия со мной не играет.

Так, все усложняется.

– А Ромка что говорит? – спрашиваю я осторожно.

– Ромка говорит… Ромка говорит… – Девица вдруг сокрушенно поднимает руки: – Я не понимаю, что он говорит!

Так. Это что, тоже генетика? Только теперь мужская?

113. Искусство рассказа

Василиса приходит и протягивает тетрадь.

– Папа, проверь сочинение, пожалуйста.

– По картине?

– Да.

– А где картина?

– Сейчас принесу учебник.

Пока она бегает, я читаю. Девица возвращается с учебником.

– Василиса… – говорю я.

– Что?

– У тебя тут написано «На картине художник очень хорошо изображает мокрую террасу».

– И что?

– Ну, то есть сам художник встал и изображает собой террасу? Вот смотри…

Встаю и показываю руками:

– Я – мокрая терраса. Похоже?

Василиса смеется. Ох уж эти дети, все бы им поржать над родителями.

– Тогда как лучше написать? – говорю я. – Скажем: «На картине художник очень хорошо нарисовал мокрую террасу». Уже понятней. Но все равно какая-то бестолковая фраза. Как картина называется?

– «Мокрая терраса», – говорит дочь.

– Хм-м.

«На картине «Мокрая терраса» художник замечательно изобразил мокрую террасу». Угу. Неожиданно.

– А что?

– Как тебе объяснить. Вот смотри, на примере. – Начинаю говорить голосом советского диктора: – На картине «Бурлаки на Волге» художник очень хорошо нарисовал бурлаков на Волге.

Василиса хмыкает.

– На картине «Мишки в лесу» художник замечательно изобразил мишек в лесу.

Василиса улыбается. Поняла.

– На картине «Яблоко» художник очень хорошо нарисовал… арбуз!

Василиса начинает хохотать. Сгибается от смеха.

– Арбуз! – повторяет и хохочет. – Нарисовал арбуз!

– Вот видишь, уже интересно. Это уже рассказ. Найти то, что видишь только ты, и рассказать… Это стоит усилий.

Девица все никак не может остановиться:

– На картине «Мокрая терраса» художник очень хорошо изобразил мокрый арбуз!

– Василиса!!

А вы говорите, что сочинение – это скучно.

114. Взгляд сверху

Мой рост 170. Рост жены 164. Но долгое время она считала, что выше меня ростом. Нет, на полном серьезе.

Даже британские ученые не смогли объяснить феномен женского внимания.

Надеюсь, Лариса догадывается (хотя бы по нашим детям), какого цвета мои кожа и волосы.

Может, пора сказать ей, что я рептилоид?

115. Любовь зла

Летом под Уфой Василиса неделю ходила в конный лагерь.

Ферма называется «Любимая конюшня», при ней еще молочно-мясное хозяйство и контактный зоопарк. Покупаешь мешок сухарей и идешь кормить банду енотов. И всех, кто рядом. И лошадок.

Зоопарк платный, но раз мы приехали устраивать Василису в лагерь, то нас пустили просто так.

Жена с Василисой убежали вперед, а мы со Златой следом.

Злата поглазела на енотов, кинула в них сухарем. Потом немного посмотрела на верблюда и северного оленя. К кроликам осталась холодна, даже к гигантским калифорнийским; милых пушистых крольчат вообще проигнорировала. Мы зашли в конюшню. Злата немного посмотрела на лошадей. Великолепные черные фризы с пушистыми челками, белый орловский рысак, изящный американец. Карликовый пони Владик, высовывающий морду из-под таблички «Великолепный» (пони временно перевели). Василиса и жена ходят в лошадиной нирване. Мне интересно, но Злата уже тянет меня на выход.

– Папа, пошли быстрее к свинкам!

– Э-э… подожди, может, еще посмотрим?

– Нет!

Ладно, Василиса с женой остались в конюшне, мы со Златой двинулись к ферме. Чуть ли не бегом.

Заходим. Коровы – причем не обычные деревенские, а мощные, фактурные, как на картинке про какое-нибудь Колорадо. Видимо, породистые.

– Злата, смотри, какие коровки!

Но девица тянет меня дальше.

– Злата, подожди, посмотрим…

– Нет!

Ладно, заходим в свиноферму. Огромный ангар, свиней штук сто, самых разных – от мелких поросят до развалившихся в грязи уродливых пятнистых хряков. И запах… нет, не вонь, а такой мощный влажный дух, словно тебя с размаху чем-то приложили. Например, погребом. И они громкие! И что-то в атмосфере тяжелое, мне аж не по себе стало. Как будто Рабле помогал Данте выписать один из кругов Ада, а потом это экранизировал ранний Верховен. В самом дальнем загоне один свин встал на задние ноги, передние положил на ограждение и через весь ангар мне прямо в глаза смотрит (я не шучу!). Взгляд у него пристальный и недобрый, как у Рутгера Хауэра в «Бегущем по лезвию». Я

поежился.

– Злата, может, пойдем отсюда?

Злата восхищенно:

– Они такие красивые!

116. Старик и девочка

– Папа, папа! А ты уже дедушка! – объявляет Злата.

Вух. Нельзя же так пугать!

– Это почему я дедушка?

– Потому что ты давно живешь, – уличает меня Злата, потом начинает хихикать. – А мама у нас старая бабушка!

– Только маме такого не говори. Она у нас молодая и бодрая…

– Ладно, не скажу.

Златина доброта точно войдет в легенды, отвечаю.

А началось с чего? Зашли мы со Златой в аптеку. Пока суть да дело, девица углядела интересное:

– Папа, давай купим мне новую щетку! Вот эту, с девочкой! Зеленую!

– Ну давай.

Расплатились, спускаемся по лестнице.

Злата, держа в руках щетку с девочкой, размышляет вслух:

– Хорошо, что мы купили новую щетку. А то моя с акулой уже старая, лохматая. Она как старый дедушка. – Новая мысль озаряет ее чело. – Папа, папа! А ты уже дедушка!..

Здравствуй, племя младое, незнакомое.

117. Пижамный дипломат

Злата так любит вести переговоры, что иногда, кажется, специально создает переговорные ситуации.

– Папа, а можно я сегодня у вас посплю? В спальне?

– Зачем это? – я насторожился.

– Ну один разочек, можно?

Я вздыхаю. Началось.

– Злата, у тебя прекрасная кроватка. У вас с Василисой прекрасная комната. Так что нет, ты не можешь спать на нашей кровати. Ты будешь спать у себя в кроватке. Где, кстати, твоя пижама?

– Да вот же она! – Злата показывает и снова делает умильную рожицу. – Всего один раз! Можно, папа? Если я сегодня посплю у вас в спальне, то больше никогда не попрошу… Никогда-преникогда!

– Нет, Злата. На прошлой неделе ты маме то же самое говорила.

Как ребенок четырех лет умудряется занять 99,9 процента огромной двухспальной кровати? Не понимаю. Но проснувшись в прошлый раз, я почти левитировал над полом. А все потому, что жена проиграла переговоры.

– А если ты мне сейчас не разрешишь… – Злата не сдается. Зловещая пауза. – Тогда я не нарисую тебе рисунок на день рождения! Маме нарисую, Василисе нарисую, а тебе нет.

– Это еще что за шантаж?

– Даже Фифе нарисую!

Наконец, после долгих изматывающих переговоров, папино терпение лопнуло. Злата дуется. Я встаю.

– Все, закончили разговоры. Надевай пижаму! А, нет, стоп, – я вспоминаю, что пижама цельная, так что снимать ее проблематично. – Сначала иди пописай перед сном.

И тут Злата воспряла духом. Глаза загорелись:

– А если я пописаю, – начинает Злата, – тогда…

– Злата, нет!!

118. Рецепт счастья

– Меня сегодня Тема в первый раз пригласил! – делится Злата.

В смысле, у Темы день рождения, и в хороводе Тема первой выбрал Злату. Каравай, каравай, кого хочешь выбирай.

Злата все никак не может успокоиться, прыгает по кровати в пижаме.

– Тема исполнил мое обещание. Представляешь, папа?! Ура!

Я моргаю. Пытаюсь осмыслить.

– Подожди… Тема исполнил СВОЕ обещание?

– Нет, мое!

Кажется, Холмс, мы зашли в тупик.

– Твое?

– Да! Я обещала Юстине и Сонечке!

Теперь на горизонте появились лучшие подруги. Дело запутывается, Ватсон.

– Э… а что ты им обещала?

– Что Тема меня первую пригласит в хороводе!

Меня озаряет:

– И он пригласил, получается? Какой молодец!

Злата, скромно:

– Да. Я сама его попросила.

Помни, женщина. Ты сама Мориарти своего счастья.

119. Дневник коня Черчилля

Интересная особенность Василисиного творчества – она предпочитает дневниковую форму. Василиса пишет от имени кошки, тени, девочки, кого-то еще, теперь вот от имени черного коня голландской породы. Исповедальная проза.

И все ее дневники начинаются с понедельника.

«Им бы понедельники взять и отменить». (с) к/ф «Бриллиантовая рука»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОНЯ ЧЕРЧИЛЛЯ

Всем и-го-го! Я конь по имени Черчилль. Однажды я услышал от соседа из крайнего денника, что лошади выходят из моды. Я ужасно перепугался: неужели скоро мы не будем никому нужны? Я задался этим вопросом. Фрр-р-р. От двуногих я узнал, что раньше все ездили на лошадях, а теперь вместо нас они предпочитают странных животных со светящимися глазами и рычащими на всех без остановки. Так не пойдет! Я буду бороться! Мне помнится, что кто-то говорил про какой-то блог?!! В этом блоге рассказывается, что интересно двуногим.

И я решил не отставать от жизни и вести свой этот… как его?.. А, блог!

В нем я буду записывать мою жизнь и как проходят мои скучные дни на конюшне. Пусть все заинтересуются и придут сюда!

4 января 2018

Всем иго-го! Сегодня я расскажу, как познакомился с Ней. Это был обычный зимний день. Я гулял в «бочке» и вдруг увидел эту кобылу.

Она цвета солнца на заре, со светлыми шерстинками на ногах, с красивой желтой гривой. Ее глаза смотрели прямо на меня. Я обомлел от стыда. Я же был весь в грязи, измазанный землей! О, Лошадиные Боги! Я спрятался за маленьким столбиком.

В этот день я был сам не свой. На каждом повороте я надеялся встретить Ее. Но все мои надежды обрывались: меня забирали на тренировку, на ковку, на водные процедуры. Во вторую половину дня меня вывели на седловку, и тут я увидел, что Она тоже готовилась к тренировке. Я не мог отвести от нее взгляд. Она светилась рыжим светом.

– И-го-го! Как тебя зовут? Я новенькая! Меня зовут Зорька! Мне надо познакомиться со всеми! Потому что я останусь тут надолго!

Я не мог выговорить ни слова.

– Все нормально? – спросила Зорька. – Ты просто выглядишь, будто ты заболел.

– Да нет, все нормально! Я Черчилль! Твое имя очень тебе подходит!

– Спасибо!

Так мы провели весь оставшийся день. Вечером оказалось, что наши денники расположены рядом, и я всю ночь рассказывал ей о своих героических подвигах.

* * *

К сожалению, пока все. Буду надеяться, конь Черчилль продолжит вести свой блог. Надо же узнать, чем все закончилось?

А вообще, прекрасно понимаю Черчилля. Я тоже такой. Как увижу симпатичную кобы… девушку с красивой желтой гривой, так сам не свой. Так и тянет остаться с ней в соседнем деннике и подробно рассказать о своих героических подвигах. Но я держусь, хотя это порой чертовски сложно.

Может, нам, жере… мужчинам, что-то в комбикорм подсыпают?

120. В кругу пираний

Дворец пионеров, вечер. Злата после танцев собирается домой. Рядом мама одевает какого-то мальчика.

На Злату натянули розовый свитер. Злата, задумчиво:

– Наверное, все-таки надо мне завести жениха.

Мама мальчика поперхнулась.

Лариса в смущении:

– А зачем он тебе?

– Ну как? Я буду с ним обниматься, целоваться…

Теперь поперхнулась уже Лариса. Мама мальчика резко ускорила одевание. Злата шепотом:

– Мама, ну я же шучу.

Дома жена пересказала мне этот случай, я посмеялся. А потом решил уточнить у девицы, к чему вдруг такая срочность в женихах. С чего она вообще завела об этом разговор?

– Злата…

Девица лежит в кроватке, выглядывает из-под одеяла.

– Злата, а зачем тебе жених?

– Папа, ну же я шутила! – И смеется наигранно. Интересно.

– Хм-м. А с чего ты вообще заговорила о женихах?

– Просто Лиза завела себе жениха.

По последним сведениям, воображаемая Лиза уехала, а вместо нее появился воображаемый Вова. С Вовой все в целом проще, Вова невидимый. Но кажется, плохая девчонка вернулась, йе!

В смысле, это не самая лучшая новость.

– А как зовут жениха Лизы?

Злата напряженно думает.

– Не знаю. Лиза мне еще не говорила.

– А зачем Лизе жених?

– Ну как же, папа! Лиза будет с ним обниматься, целоваться и даже… – Злата романтично откидывает голову так, что волосы рассыпаются по плечам, и замирает: – …влюбляться!

– Спи уже! «Влюбляться».

А на месте танцевального мальчика я бы бежал на край света. Если женщина озвучила свои мысли – это опасно. Все равно, что древнерусский князь Святослав сказал «Иду на вы».

Хотя, думаю, после случая в раздевалке мама мальчика будет настороже. Теперь она знает, что привела свое наивное хмурое сокровище в логово безжалостных хищниц в крошечных белых купальниках. Йе-йе!

121. Стальная воля

Злата вырабатывает характер.

– Папа, я всю шоколадку съела, – говорит Злата гордо. – Всю-всю.

– Молодец.

На самом деле это не шоколад, а скорее бисквит – молочные слои, между ними слой с добавлением какао. Злата выцыганила бисквит сразу после танцев (вместо положенного по штатному расписанию наградного зефира). Я спрашиваю:

– Вкусно?

– На самом деле мне черные штучки не очень понравились, – признается Злата. Это как раз какао и шоколад. – Но я справилась!

122. Перепутали

По случаю холодов Злата пошла в садик в зимней фиолетовой шапке, доставшейся ей по наследству от Василисы. Шапка-шлем, очень удобная, теплая, закрывает шею от ветра. И красивая – с двумя помпонами, на лбу вышита крошечная корона. Злате шапка очень нравится. Забираю девицу из детского сада. Выходим.

– До свиданья, Злата! – кричит девочка вслед. Но Злата идет, не реагируя.

– Злата, а ты почему девочке не ответила? – спрашиваю я.

– Они все смеются над моими помпонами!

– Правда?

Злата возмущенно:

– Они говорят, что я зайчик… А я – королева!

123. Утро во дворце

Злата продолжает гнуть королевскую линию.

Утро. Девице пора вставать на завтрак. Жена гладит ее по животику. Нежно:

– Просыпайся, зайчик. Просыпайся, котенок.

Злата, не открывая глаз, сонно:

– Я королева.

– А ты королева зайчиков или котят?

Ребенок почти просыпается:

– Я просто королева! Мама, возьми меня на ручки и отнеси на кухню.

На кухне мы обычно завтракаем.

Лариса смеется.

– Ну нет. Вставай давай.

– Тогда возьми меня за ножки и тяни, – великодушно предлагает Злата.

Что ни говорите, хорошо быть королевой.

124. Королева-сладкоежка

Злата:

– Папа, папа, дай мне, пожалуйста, зефирку!

– Сейчас закончу и дам.

– Давай я тогда сама возьму, – предлагает добрая девочка.

Конечно, папа же не должен перетруждаться. Даже чтобы достать секретное лакомство из секретного шкафчика.

– Нет уж, – говорю. – Подожди немного.

Даю зефир девице.

– Это уже сегодня четвертая! – радуется Злата и убегает в комнату.

– Э… – я даже среагировать не успеваю. Только задумчиво смотрю вслед.

Итак, условие задачи. В день Злате положено три зефирки. Если папа знает, что ребенку можно дать три зефирки, если мама знает, что три… Если каждый из родителей строго ведет учет выданным зефиркам.

Итого ребенок съест сколько? Правильно! Шесть зефирок.

Двойная арифметика в действии.

– Злата, ты королева? – спрашиваю девицу.

– Да!

– А какая ты королева? Добрая, злая? Красная, белая? Может, королева котиков?

– Папа, я королева-сладкоежка!

125. Неровный счет

Поехали со Златой на занятия во Дворец пионеров. И как-то рано пришли.

Игровая закрыта. Отправились в раздевалку. Злата надела белый купальничек, балетки. Мы сделали прическу, сеточку специальную натянули на волосы… И вроде не торопились, а времени остался вагон. Девица схватила коврик и говорит:

– Все, я побежала!

– Подожди, еще полчаса. Посидим, поиграем. Успеется.

– Нет, я хочу быть первой!

Ну ладно. Побежали.

У дверей танцзала пусто. Злата встала. Стоит себе, ждет.

Я говорю:

– Может, в раздевалке побудем? Видишь, пусто.

– Нет, я хочу быть первой!

Девица постояла, соскучилась. Положила коврик, посидела. Никого нет. Я говорю:

– Давай на телефоне поиграешь?

Злата: ладно. Забралась на подоконник. Сидит, играет в «Хэлло, Китти». Там все розовое, белое и мяукающее. Эту игру я на своем брутальном черном телефоне специально для Златы держу. Смотрю – подходит мальчик из танцевальных, тоже с ковриком. Становится у двери.

– Злата, видишь… ты хотела быть первой? Вот мальчик первый, ты вторая, иди становись.

Злата оторвала взгляд от телефона, посмотрела.

– Нет, я хочу быть третьей! – и играет дальше.

Подходит девочка, становится за мальчиком. Я говорю:

– Злата, ты хотела быть первой… Теперь ты третья.

Злата поднимает голову:

– Я хочу быть четвертой!

Так, ясно.

– Ну все, завязывай. Давай сюда телефон.

Забрал телефон, девица пошла танцевать. Я стою, жду. А перед занятием жена мне сказала: когда все выйдут, ты у преподавательницы обязательно спроси, как Злата занималась. Потому что в прошлый раз девица баловалась. И обещала больше так не делать… Я говорю: ну хорошо.

Закончилось занятие. Девица выбегает радостная, обнимает меня. И такая: пошли, папа, пошли быстрее.

– Подожди, Злата. Ты как занималась?

– Хорошо.

– Ты баловалась?

Злата замялась.

– Ну… один раз.

– Один? Ладно. Давай я сейчас с преподавательницей поговорю и пойдем в раздевалку.

– Нет! – Хватает меня за руку, тянет за собой. Чуть ли не плачет.

И тут, как говорится, старик Державин что-то заподозрил…

– Злата, ты точно один раз баловалась?

– Да, один раз!

Хм-м.

– А почему мне тогда не спросить?..

– Нет, нет!!

Ладно, утянула меня в раздевалку. Одевается.

Я говорю:

– Злата, давай ты пообещаешь… ты точно один раз баловалась?.. в следующий раз не баловаться, а хорошо заниматься.

Злата возмущенно:

– Э! Ты меня уже об этом спрашивал!

Я говорю: ну ясно. Женщины. Я же еще и виноват.

В общем, так и не поговорил я с преподавательницей.

Мне все-таки интересно: один раз девица баловалась? Или не один?

…И кто такой старик Державин?

126. Суровая профессия

Вышли со Златой гулять на детскую площадку и встретили Тему из ее группы. Дети гуляют и ведут светскую беседу. Как в хороших ситкомах, разговор идет на повышение ставок.

– А мой папа ночью работает, а днем спит, – говорит Тема. Это старая проверенная карта, но тут он промахнулся.

– Мой папа тоже ночью работает и днем спит, – отвечает Злата. И тут же повышает ставку: – И утром тоже спит!

Это трудно перекрыть, поэтому Тема заходит с туза.

– А мой дядя Паша и днем и ночью работает.

– Ничего себе! – В глазах у Златы неподдельное изумление. Покерфэйс сломан. – И даже вечером не гуляет? А как он дышит свежим воздухом?

Тема уже победил, поэтому снисходителен:

– Никак. Мой дядя Паша – врач.

127. Так устроен мир

Вечер. Злата почистила зубы, стоит в ванной комнате, надевает пижаму. Обычно она это делает в спальне, но тут хрюша-повторюша за старшей сестрой. Злата кричит мне из ванной:

– Папа, можно я сниму носки?! Папа!

– Сними! – кричу я в ответ.

– Ну хорошо! – кричит Злата. – Я не буду снимать!

Занавес.

Все-таки женщины, даже самые маленькие, живут в каком-то параллельном мире. Там совершенно другие законы акустики.

…и еще им носки мешают надевать пижаму. Я НЕ шучу.

128. В черном-черном городе

Злата укладывается спать и рассказывает страшную историю:

– В одном черном-черном городе, – зловеще начинает Злата, – жила маленькая девочка. И она боялась НЕ ТОЛЬКО инопланетян, но и… привидений!

– Круто!

– Папа, почему ты не боишься? – спрашивает Злата.

– Да боюсь я, боюсь. А это вся история?

– Да! Сейчас я расскажу тебе еще одну историю. В одном черном-черном городе жила маленькая девочка. И она боялась не только инопланетян, но и… – Злата понижает голос, – Черной Руки! Ва-аа!

Пытается схватить меня, я смеюсь. Злата продолжает нагнетать:

– Девочка шла по черному-черному городу, и тут ее как схватит Черная-Черная Рука! А потом девочка увидела, как из-за угла торчит… – Пауза, полная саспенса. – Черная-Черная Нога!

Тут, конечно, и Хичкок бы поседел.

– Ничего себе!

– Страшно, папа? Да? – с надеждой спрашивает Злата. Глаза горят.

– Страшно, – говорю я. – А девочка не мылась, что ли? Почему у нее черная нога? Все, спи давай.

– Ну-у… – девица ложится.

– Сейчас мама придет, – говорю, – расскажешь ей свою страшную историю. Все, спокойной ночи…

Я выхожу, выключаю свет.

Из темноты голос вдогонку:

– Она мылась!

129. Секретный жираф

– Папа, папа, отгадай загадку!

– Ну, хорошо. Какую?

– Сидит девица, а коса на улице! Кто это?

Им в садике задавали. Похоже, Злата открыла для себя удивительный мир «Что? Где? Когда?». И адреналин, с этим связанный.

Понятное дело, я знаю ответ. Но сразу отгадывать – это скучно.

– Рапунцель? – говорю я.

– Нет!

– Девочка Злата?

Злата хохочет.

– Нет! Сдаешься, папа?

– Сдаюсь.

– Это морковка! Отгадай еще загадку! Зимой и летом одним цветом?

– Рояль?

– Нет!

– Телевизор?

– Нет! Это елочка! Папа, ты что, не знаешь? – Злата убегает на кухню, там мама вяжет шапку. – Мама, мама! – доносится оттуда. – Представляешь? Папа не знает, что зимой и летом одним цветом елочка!

Жена что-то отвечает. Подозреваю, острит в мой адрес. Женщины!

Злата возвращается. Бегом.

– Папа, отгадай еще загадку! Панда не панда, змея не змея. Что это?

Вот это действительно сложно. Я чешу в затылке:

– Ну… не знаю.

– Сдаешься, папа?! – В глазах девицы горит нешуточный азарт.

– Сдаюсь. Что это?

– Летучая мышь!

– Неожиданно, – признаю я. – Это ты сама придумала?

– Да, конечно! Отгадай еще загадку! Папа!

– Ну, давай.

– Летит, но не самолет. Летит, но не вертолет.

– Хм-м. Это что, птица?

– Нет! – Злата на мгновение заминается. – То есть ты отгадай какая!

– Воробей.

– Нет!

– Ворона?

– Нет!

– Ладно… Синичка?

– Нет, папа! – Злата радостно смеется. – Сдаешься? Это соловьи!

Теперь уже я смеюсь. Соловьи точно не вертолеты. Я представляю стаю соловьев, летящих под «Полет валькирий» Вагнера. Внушает, однако. Они летят над зелеными просторами Вьетнама…

– Отгадай еще одну загадку! – Злата прыгает вокруг меня. Ее распирает от эмоций. – Папа!

– Хорошо.

– Ура! Что такое – оранжевое, чуть-чуть белое, чуть-чуть черное?

Я смотрю на девицу. Круглая рожица Златы полна лукавства.

Тут я подвисаю серьезно. Кажется, Эйзенштейн в своей книге «Метод» называл подобные загадки «еврейскими загадками». Это когда некий предмет определяют не по его основным (и довольно банальным, очевидным) признакам, а по второстепенным. На этом построены многие литературные и киноприемы. Эйзенштейн упоминает, что «еврейские» – одни из самых древних видов загадок.

– Не знаю, – говорю я. – Хм-м… это игрушка?

– Нет!

– Еда?

– Нет!

– Животное?

Пауза.

– Нет, ты отгадай какое!

«Оранжевое, белое, черное». Меня осеняет:

– Лиса?

– Э! – Злата заглядывает мне в глаза. – А давай ты не знаешь? Давай?

Я смеюсь.

– Ну, хорошо. Сдаюсь. Кто это?

Злата вытаскивает из-за спины мягкую игрушку.

– Лисичка!

У лисички грустный вид опытного домашнего животного. «Просто притворись мертвым, и тебя рано или поздно забудут».

Злате так нравится игра в загадки, что она выдумывает следующую на ходу. Причем едва успевает спрятать от меня ответ.

– Что такое бежевое, чуть-чуть белое, чуть-чуть черное? Папа, отгадывай!

Конечно, мне интересней, откуда ребенок знает слово «бежевый», но нужно продолжать игру. Тут у меня вариантов немного:

– Заяц?

– Нет!

– Ну, я не знаю… Бежевое? Слон?

– Нет! – радуется Злата.

– Ладно, сдаюсь.

Злата победно вытаскивает маленького плюшевого зверька. Действительно, он бежевый-белый-черный.

– Это кенгуру!

– Злата, ну так нечестно. Ты бы хоть сказала, что он умеет прыгать… не знаю… у него карман на животе. А то так попробуй догадайся…

– Папа, отгадай еще загадку!

– Ну, хорошо. Только после идем зубы чистить и спать.

– Ладно! Что такое – у него длинная шея…

– Жираф?

– Э! Подожди, папа! У него длинная шея, оранжевые пятна…

– Жираф.

– Нет, папа! Я не договорила! Длинная шея, оранжевые пятна, он вытягивает шею, чтобы достать на деревьях траву…

– Листочки.

– …листочки! Он их ест! Кто это, папа?

Я беру паузу на размышление. Потом говорю серьезно:

– Думаю, это жираф.

– Э! – Злата возмущена. – А давай ты не знаешь?

130. Зов крови

Уговариваю Василису пойти в кино.

– Василиса, пошли на «Легенду о Коловрате».

– Это мультик?

– Нет, исторический фильм. То есть легенда, конечно. Но о реальной истории. Пойдем?

Василиса фыркает.

– Не хочу.

– Ты чего? Пошли, фильм о нашествии татаро-монголов и как русичи ему противостояли. И говорят, хороший. Давай, будет интересно! Такое надо знать. Это же фильм о том, как твои предки сражались…

Тут до меня доходит. Моя жена, Василисина мама, – башкирка, а башкиры вовсю участвовали в походе Батыя.

– …с обеих сторон.

131. Логика

Сидим на кухне, смотрим «Последний богатырь» (кстати, вопрос вопросов, почему мы делаем это на кухне, а не в гостиной, где телевизор больше и диван. Подозреваю, что на гостиную нам просто не хватает времени. Гостиная требует серьезного подхода). На экране герой хватает корягу, чтобы бросить в колдуна, но не может. Коряга превращается в ветку огромного дуба.

Герой, с сомнением:

– Не, наверное, этому есть логическое объяснение?

Злата радостно:

– Да! – воздевает руки. – Это волшебство!

132. Практическая магия

– Я фея Злата Снежная Бабочка, – объявляет девица. – Я буду колдовать! Папа, смотри, какие у меня крылышки!

– Замечательные крылышки.

– А палочка?

– Замечательная палочка!

– А ободок?..

…Это жена со старшей дочерью съездили в супермаркет за покупками и привезли Злате набор феи из трех предметов. Теперь дом полон волшебства.

– Очень красивый ободок, – говорю я.

– Раз, два, три! – Злата взмахивает палочкой, затем дует на нее, чтобы блестяшки разлетелись. – Хочу, чтобы все магазины открылись и никогда не закрывались! Это для тебя, мама.

Лариса героическим усилием сдерживает смех:

– Спасибо, доченька. Только ты обо мне думаешь.

Злата подходит ближе и шепчет:

– Потом и мне что-нибудь купишь, да?

Эфирное создание взмахивает палочкой и убегает в другую комнату. Крылышки за ее спиной трепещут.

– Добрая фея, – говорю я. – Деньги-то она забыла наколдовать.

Лариса ржет.

Злата сидит в детской на полу, изучает огромную книгу. Я подхожу:

– Злата, пошли зубы чистить.

– Папа, не мешай. Я учу колдовство.

– Хм-м. А почему ты колдовство учишь по книге «Океанология»?

Пытаюсь жене рассказать историю. Как по волшебству, появляется фея Злата Снежная Бабочка. При параде. Крылышки, ободок, палочка в руках. Фея возмущена:

– Э! Папа, зачем ты про меня рассказываешь?

– Ну…

Злата направляет на меня волшебную палочку.

– Абра-кададбра, швабра, пабра! Папа, замолчи! Ш-ш-ш. – Злата ждет результата, потом резюмирует: – Не получилось. Мама, давай папе заклеим рот пластырем?

Злата точно добрая фея?

133. Тайный эстет

Дети играли в Тайного Санту. И не в подвале, а в классе, конечно.

Василиса (наши двенадцать лет) со своими репетициями пропустила жеребьевку, кто кому тайно дарит подарки, и решила сделать подарок сама. И подарить кому захочет, без жребия. В открытое забрало. Василиса – девочка-пионер.

Дочь ушла в школу. Утром приготовила дерзкому Вове П. в подарок литровую бутылку колы (сама купила) и самодельные наклейки (сама рисовала), завернула подарок в красивую бумагу (сама выбрала в канцтоварах), аккуратно подклеила скотчем в десяти-пятнадцати местах, что-то там еще сделала вроде икебаны, используя еловые веточки, цветные шарики и искусственный снег (сама сделала по рецепту из интернета). Красота. Понятно, если бы спросили меня, я бы сказал, что тут вся эстетика не в коня корм, но у девочек еще есть некоторые иллюзии. И неважно, сколько девочкам лет – двенадцать или семьдесят.

Вова очень обрадовался. В две секунды разорвал бумагу, радостно обнял бутылку, спрятал колу в рюкзак, чтобы выпить дома, затем приступил к эстетической части подарка…

Василиса в ужасе:

– Вова, ты что?! Зачем ты ешь искусственный снег?! Это же соль, смешанная с пеной для бритья!

Вова П. разводит руками, с превосходством в голосе:

– Ну я же мужчина.

134. Сметана и призвание

Злата готовится к новогоднему утреннику. Мы с ней повторяем стихотворение для Деда Мороза. Автор Петр Синявский. Стихотворение короткое (это требование воспитателей) и забавное. Заканчивается оно так:

А ужасно важный кот
Уплетал сметанское.

Злата читает стихотворение с удовольствием. Но слишком хорошо его выучила и теперь отбарабанивает, как скороговорку.

– Бу-бу-бу… сметанское, – заканчивает Злата.

Папа, ушибленный Станиславским и недобитый режиссурой «Щуки», не может этого вынести.

– Сметанское! – Я раскидываю руки и всем своим существом выражаю, какое это потрясающее «сметанское». В этом «сметанском» весь «Гамлет», Розов с Володиным, Ростан, Жан Ануй, Коляда, Брехт от корки до корки и даже немного Теннесси Уильямса. Это ухмылка де Ниро, профиль Марлона Брандо и пятидесятое хмыканье Тома Харди. Это не слово, а кошачий космос.

Злата смотрит на меня скептически.

– Папа, ты что, на утреннике тоже так будешь делать? – спрашивает Злата.

Я смутился.

– Э-э… нет, конечно.

– Будешь, – уверенно заключает дочь. – Ты же артист.

135. Множественность

Злата радостно:
– Я сейчас побегу на кухню, съем что-нибудь вкусненькое.
Девица убегает, возвращается недовольная.
– Папа! Там нет моего любимого печенья!
– Как нет? На столе же лежало?
Злата вздыхает.
– Просто я его нечаянно съела.

136. Маленькая новогодняя голодная девочка

Новогодняя суета.

Злата выходит в роскошном платье, волосы красиво заплетены. Родители что-то замешкались в коридоре.

– Пропустите красотку! – командует Злата.

* * *

Стол накрыт, салаты, бокалы, фрукты, нарезка. Двадцать минут до полуночи. Горячее доходит в духовке – по квартире плывет запах жареной картошки и курицы (самый новогодний запах, я считаю. У меня даже в животе заурчало). Ледяное взрослое шампанское и теплая детская газировка, все на своем месте. Самое время фотографироваться. Я принес фотоаппарат, штатив, настроил автоспуск. Командую: все за стол. Расселись, улыбаемся. Щелк. Иду смотреть. Не получилось, кто-то моргнул. Еще раз. Все по местам! Раз-два-три, огонек на камере мигает. Злату на колени, Василису рядом, улыбаемся и машем.

Злата вдруг плачет. Навзрыд. Щелк! Ну, елки…

– Злата, что случилось? – спрашивает Лариса.

– Я не хочу фотографироваться!

– Почему?

– Я голодная!

* * *

Когда пробило двенадцать, я достал хлопушки, раздал девицам. Злата тянет за веревочку, но сил не хватает, я ей помогаю. Хлоп! Весело. Цветные конфетти взлетают под потолок. Следом стреляет Василиса. Злата прыгает от радости.

Проснулись. 1 января. Комнаты засыпаны серпантином.

– Надо бы убрать, – говорит мама со вздохом.

Злата:

– Пусть папа убирает! Он первый выстрелил!

137. Небо в голове

Мы выбираем, нас выбирают…

И ни фига не совпадает.

Жена решила помочь Василисе (наши тринадцать) разобраться с личной жизнью. Зная целеустремленность Ларисы, на месте личной жизни я бы лег и притворился мертвым.

Жена:

– Василиса, тебе нравятся мальчики Икс и Игрек, а им нравятся другие девочки. Печально, но ничего не поделаешь. Тогда, может, тебе стоит посмотреть на других? Вот Зет например? Хороший же мальчик, симпатичный, хорошо учится, ты ему очень нравишься…

– Мама, ты что? Он же странный!

– Странный – что тут плохого? – толерантно говорит жена. – Все мы немного…

– Он называет себя Иисус.

Вообще, жену, как ракету с тепловым наведением, практически невозможно сбить с намеченной цели. Но тут даже она выказывает некоторые признаки колебания. «Мальчик по имени Иисус» – это серьезно.

– Ну, он так шутит, – неуверенно говорит жена.

– Два года?!

138. Причини мне добро

Январские праздники. Девять утра. За окном вымершая безмятежная бесснежность. В квартире сонное царство. Город засыпает.

Просыпается Злата…

В спальне родителей появляется бодрая дочь и первым делом видит папины беззащитные пятки, торчащие из-под одеяла. Ребенка озаряет: добро можно нести в мир разными способами.

– Папа! Папа! Я тебе, наверное, ноги пощекочу… – Тут Злата вспоминает о вежливости: – Если ты не против.

– Э-э… я против.

– Против? – искренне удивляется Злата. – Но я все равно пощекочу!

– Злата, нет!!

Папа судорожно пытается отползти (робко прячет тело сонное в одьяле), а ребенок атакует, заливаясь радостным смехом.

Жена, сквозь сон:

– Видимо, это женское.

139. Вкус детства

Злата кричит:
– Папа, дай мне, пожалуйста, печенье! Зверушек!
– Зачем?
– Я забыла вкус фигурок печенья!
Почти стихи. Хокку.
А заканчивает прозой:
– Сейчас поем и вспомню.

140. Судьба писателя

Злата (наши пять лет) возвращается из детского сада:

– Папа, я так хочу полететь на самолете, все вместе! Я никогда не летала на самолете!

– Никогда?

– Никогда-преникогда!

– А в Болгарию с Вовой? Два раза. И к бабе Люде еще.

– Это давно было. Я не помню, – сокрушенно говорит девица. Потом начинает планировать:

– Скоро мама получит на работе денежки, и мы полетим на самолете.

– Почему это мама? – я чувствую себя задетым. – Папа тоже получает денежки.

– Тоже?

– Да, мне, например, платят за мои книги.

– А это не смешные денежки?

– Э-э… мне трудно возразить. Но ты меня ранила.

141. Ульяновский мыслитель

Забираю Злату из детского сада. Дети тусуются в раздевалке, скоро на выход. Пока Злата показывает мне свой рисунок «Чаепитие» (розовая скатерть, две чашки, вазочка с печеньем, вазочка с клубникой, пирог и многослойный торт, как на свадьбу), вокруг разворачиваются маленькие трагедии.

Мама девочки, устало:

– Ульяна! Ульяна! Ульяна! Ты меня слышишь? Ульяна! Что ты делаешь?!

Девочка поворачивает голову:

– На жениха смотрю, чо.

Там сидит пацан в одних трусах и задумчиво размышляет о жизни. Вокруг, как в эпицентре взрыва, разбросаны носки, штаны, шарфы и куртки.

Вот эта характерная мужская задумчивость, она уже в пять лет видна. Вот так сел, нормально подумал.

И вообще не в курсе, чей ты там жених.

142. Игры престолов

Когда мама уезжает на концерт к Василисе, папа берет управление домом в свои руки.

То есть я не просто пью пиво перед телевизором, а – осушаю хмельной кубок, каждое мгновение ощущая леденящий холод железного трона под своим царственным седалищем. Ответственность, долг. Судьбы мира. Впрочем, нет такой проблемы, что я не мог бы решить своей королевской волей…

Злата:

– Папа, покорми меня! Я голодная!

Или есть.

– Хорошо, что ты хочешь?

– Сосиску!

– Сосиску? – Я вздыхаю. – Ну ладно, сейчас сварю. А с чем? С макаронами?

– Нет!

– С гречкой?

– Нет!

– Нет? – Кажется, у меня закончились варианты. – А с чем тогда?

– Сосиску с котлеткой!

Родная кровь. Зима близко.

143. Маленькая разница

Злата приходит из детского сада:

– Папа, представляешь, Мила сказала, что она мой друг! Ура!

Потом добавляет задумчиво:

– Только она забыла со мной поиграть.

Мужики, не будем как женщины. Не забываем поиграть с друзьями!

144. Практика вуду

Злата:

– Папа, Масленица же сгорела, да?

– Да. Мы с тобой ходили посмотреть. Во Дворце пионеров, помнишь?

– А где же весна?

Справедливый вопрос. Я оглядываюсь. Двор не по-московски, а по-северному засыпан снегом. Машины торчат из сугробов, словно их втыкали наугад, неверной рукой. Снегогеддон.

– Скоро будет, – говорю я. – Потихонечку придет.

– В какой день недели? – строго спрашивает дочь.

Я смеюсь.

– Скоро, Злата, скоро. Просто немного задержалась. Придет твоя весна. Станет теплее, солнышко выйдет, дни станут длиннее…

– Мы будем еще раз Масленницу сжигать? – У Златы чисто практический подход. Сказано: сожгли чучело, на следующий день пришла весна. Если не подействовало – значит, надо повторить.

– Э-э… пожалуй, не стоит.

Вырастет – отдам в инженеры.

145. Пластилиновая лошадка

– Папа, слепи мне окно!

Злата делает домик из пластилина. Четыре стены уже готовы, крышу (розовую и треугольную, как заказывали) слепил я. Теперь очередь за окном.

– Окно какое будет? – спрашиваю. – Голубое?

– Конечно, папа, – в голосе Златы бесконечное терпение и легкая снисходительность.

Я леплю окно. Вытянутое, в готическом стиле. Готово. Показываю Злате.

– Нет, папа. Не такое!

– А какое?

– Другое! Сейчас я тебе нарисую.

Злата берет фломастер и рисует. Классическое окно, разделенное на четыре части, как мы изображали в советском детстве.

– Понял. Сейчас, – я переделываю. Готическое окно превращается в простой квадрат, стеком я вывожу перекладины.

– Такое?

– Да! Теперь еще окно! И дверь!

Через несколько минут у домика появляются по окну на каждой стене (одно из них золотое. Простите, это концепт), дверь и два окна на крыше. Не спрашивайте, зачем. Ну, во-первых, это красиво…

– Красивый у тебя домик. Молодец, – говорю я. – Теперь все?

– Папа!

– Да?

– Слепи мне лошадку!

Я вздыхаю. Это она по адресу.

Мою личность создали книги и пластилин. Тысячи книг и тонна пластилина.

Поэтому крошечную лошадь я леплю на автомате. Сам поражаюсь, насколько быстро и легко я это делаю. Раз-два, и готово. С той же виртуозностью, с какой мой дед Гоша лепил пельмени, по сотне за раз, я создаю лошадь размером с двухрублевую монету. Когда-то на огромном поле, склеенном из нескольких разворотов газеты, где карандашами и засыхающим фломастером рисовалась река, сражались армии из сотен крошечных бойцов. Русские витязи и монгольская дикая орда. Иногда третьей стороной выступали викинги или ливонские рыцари. Это был настоящий пластилиновый мир.

Мы сами придумали правила и играли по ним. Мы с Юркой

Рюминым, Андрюхой Башкирцевым, Димкой Ждановым или Симонычем бросали кубик и ходили, вымеряя путь полков спичечным коробком (тяжелая пехота на один, легкая пехота ходит на два коробка, конница на три). В боевом столкновении бросали кубики, вычисляя потери. Удар с фланга добавлял очков. Обход полка с тыла давал право на дополнительный бросок кубика. Еще был алгоритм расчета стрельбы лучников (с учетом направления и силы ветра) и боевой катапульты. Фактически мы изобретали велосипед – настольные варгеймы. Эх, дорого бы я в то время дал за свод правил какого-нибудь Вархаммера! Или хотя бы за концепцию «гексогонального поля». Удивительно, в советское время массово выпускали книги «Юный командир», «Юный адмирал», готовили будущих солдат и командиров, но никто не догадался дать советским детям военно-стратегические настольные игры. Даже не сами игры, черт с ними. Мы все сделали бы сами, от игровых полей до фигурок, нам только нужны были обкатанные, четкие правила. Эх.

Наши правила были далеки от идеала, но это были правила.

Прежде чем играть, нужно было все слепить.

Для монгольской конницы требовалось полторы-две сотни лошадей (я не шучу). Для русичей – полсотни, у викингов вообще всадников не было, зато были драккары. Крошечные пластилиновые воины отличались только формой щитов и головы. Острая голова – русич в остроконечном шлеме. Голова с ободком – монгол в меховой шапке. Викинг носил рога (трудоемкий, гад), а кнехт-пехотинец (рыцарей было мало и все конные) – с круглой головой, его было сделать проще всего. У рыцаря – голова-ведро и щит с крестом.

Мы лепили свои воинства за час-полтора. Нам не терпелось начать игру. Причем большинство лошадей делал я, как специалист по скоростной лепке. Еще у нас был пластилиновый русский город с церковью, мосты через реку, татарский «сарай-бату» с юртами и лагерь рыцарей. Викинги просто приплывали по реке. Они же бандиты.

Мы выстраивали полки по родам войск, и начиналась битва.

К чему это я? В общем, я сделал для Златы лошадку.

– Красивая лошадка?

– Да! – радуется Злата. – Очень красивая! Теперь свинку! И жирафа!

Теперь у нас есть лошадка, жираф, свинка, барашек, олень, верблюд и единорог (с золотым рогом и крыльями. Простите, это концепт).

– Папа, теперь лягушку! – требует Злата.

– Хватит, пошли зубы чистить.

– Ну последнюю!

– Злата, – подыскиваю я аргумент, – я не умею лепить лягушку. И вообще, уже пора спать.

Действительно, не умею. В военных играх редко используют лягушек.

– Ничего, – терпение Златы бесконечно. – Я тебе покажу.

И действительно, показывает. Если бы я уже не сидел на полу, я бы сполз на пол. И тихо лежал бы там, ослабев от смеха. Злата садится передо мной в позе лягушки и делает соответствующее выражение лица.

– Видишь, папа? – говорит лягушка Злата. – Теперь лепи!

И я леплю с натуры. Лягушка у меня выходит так себе, но Злата старательно позирует. И, что удивительно, это помогает.

– Готово, Злата. Красивая лягушка? – Я показываю. Лягушка сидит в той же позе, что и Злата. И даже выражение лица один в один.

– Да!

– Пошли тогда зубы чистить.

Я ставлю лягушку к остальным зверям. Теперь целый зоопарк.

– Все, зови маму, показывай ей своих зверей. И пойдем зубы чистить.

– Э! – возмущается Злата. – А я? Я еще лисичку не слепила!

– Злата! Хватит уже.

– Ну, папа! Одну лисичку! Маленькую! Пожалуйста! – она делает умильную рожицу. – Ну, пожалуйста! Или я буду тебя обнимать!

Это у нее такая угроза. Обнимается Злата с таким энтузиазмом, что кажется, вот-вот оторвет тебе голову.

– Ладно, только давай быстрее. Одна минута.

– Хорошо.

Я встаю. Потягиваюсь… Сейчас бы пивка.

– Папа!

– Что, Злата?

– Я не знаю, как лепить лисичку.

– И что делать?

Злата смотрит на меня:

– Ты же не знал, как лепить лягушку, и я тебе помогла. Теперь ты!

Пауза.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю осторожно.

Я стою и изображаю лисичку. В смысле, лиса. На четвереньках, с прямой спиной и гордым профилем. А Злата старательно лепит с натуры. Через некоторое время у меня начинают дрожать руки и колени. Когда я пытаюсь пошевелиться,

Злата возмущается:

– Э! Я же делаю!

…Хороший вышел лис, кстати. Думаю, это все гены.

146. Бланманже

Сижу перед компьютером. Появляется Злата с пупсом в руках. На пупсе игрушечный памперс.

– Папа! – возвещает Злата. – Пойдем-ка лучше поиграем в куклы!

Заманчивое предложение, я считаю. Надо брать.

– Э-э… а я тут при чем?

– Нам просто нужен повар!

– Повар?

– Да, повар! Готовить кушанья для малышки!

– Хм-м. Разве не мама обычно готовит для своего ребенка? Ты же мама?

Но Злату не так легко смутить.

– Э! Мама занята!

Ладно. Я вздыхаю.

– И что делать?

– Готовить какую я скажу еду.

– Какую? Жаркое из кенгуру? Суп-фрикасе? Китайскую утку в яблоках? Бланманже с укропом и свежими каперсами? – Мы, повара, такие затейники. – Выбирай.

Злата задумывается. С сомнением смотрит на пупса. На личике у пупса написано: «А че сразу Гитлер-то?».

– Злата?

– Никакую, – говорит Злата. – Малышка уже позавтракала.

– То есть тебе не нужен повар?

– Конечно, да! Не нужен! – Девица гордо удаляется.

Поворачиваюсь к экрану. Минут через десять возвращается Злата с пупсом. Памперс на нем надет как-то по-особому решительно.

– Папа, малышка хочет завтракать. Пожалуйста! Приготовь ей еду!

– Какую?

– Она любит брокколи и апельсины, – сообщает Злата доверительно. – Сделай из них кашу!

147. Контекст жизни

– …У меня ничего не получается, а жизнь заканчивается, – грустно говорит жена.

– Что-о?! – Я круто поворачиваюсь.

– Дурак! Это Злата сказала, она на айпаде в игру играет.

148. Непобежденная

Жена утром играла со Златой в шахматы.

Лариса:

– Злата, сдавайся.

Злата:

– Нет!

– Сдавайся, ты же проиграла.

– Папа сказал, проигрывает тот, кто согласился сдаться. – Ребенок гордо выпрямляется. – А я не сдаюсь!

Наш человек.

Русско-башкирские не сдаются.

С Василисой, правда, этот фокус не прокатывает. Василиса просто рубит златиного короля и объявляет, что выиграла. Современные методы войны, что ж вы хотите.

149. Хроники 8 Марта

Поздравляю свою бабушку Галю с праздником. По телефону, правда, – она за три тысячи километров от Москвы, в Нижневартовске. «Как дети, как здоровье, как погода, как что?» Общаемся.

Бабушка:

– Как дела-то? Все пишешь?

– Пишу, баб. Вот новая книга вышла.

– Уже, чо ли? – бабушка всегда так искренне удивляется. Только недавно мне удалось убедить ее, что не я плачу издательству за издание книг, а оно мне. Но, кажется, бабушка до сих пор в сомнениях.

– Уже, баб. Недавно в книжных появилась.

– А сейчас новую пишешь?

– Да, баб, новую.

– Ну ты посмотри, все пишет и пишет. И опять роман, ли чо ли?

Я уже смеюсь.

– Да, баб. Опять роман.

– Совсем ты уже зароманился.

150. Супергерой

У меня, как у героя голливудского фильма, есть две суперспособности. Одна, как водится, в плюс, другая в минус. Я безошибочно выбираю десерт и всегда встаю в самую медленную очередь.

– Сколько тебя можно ждать?! – возмущается жена. – М-м-м. Но десерт шикарный!

Играю со Златой и Василисой в настольную игру. Она совсем простенькая, от игроков почти ничего не зависит, нужно только кидать кубик и передвигать свою фишку. Есть зеленые стрелки – они переносят игрока вперед на несколько клеток. И есть красные – они переносят назад.

И девицам не везет.

А я иду вперед и вперед. Кубик слушается меня, словно заколдованный. Зовите меня Фандорин. Мне бы в казино такое везение. За всю жизнь я, кажется, только один раз выиграл – в мгновенной лотерее, где нужно распечатывать бумажку. Целых десять рублей! Деньжищи! При цене билетика пятьдесят. Но все равно приятно.

А тут как с цепи сорвался.

Как ни брошу кубик, то «шесть» или попадание на зеленую стрелку. А если не «шесть» и не зеленая, то всяко мимо красной.

И я выигрываю уже четвертый раз подряд.

Василиса сидит надутая и мрачная, как подросток (черт, она и есть подросток!). Глаза Златы полны слез, она сдерживается усилием воли.

Девицы бросают кубики – бесполезно. Я мысленно вздыхаю: «Ну давай же, давай, выпади удачно». Одна девица выбрасывает «единицу», вторая попадает на красную стрелку и летит назад.

Несмотря на мои мысленные усилия, я все равно достигаю финиша первым.

– Да! Я выиграл!

– Нечестно! – кричит Злата и вскакивает. – Нечестно!

– Я больше не буду играть! – Василиса срывается и убегает в детскую. За ней бежит Злата. Останавливается на пороге.

– Все, кто обиделся, сюда! – кричит Злата. – Это комната неудачников!

– Злата, подо…

Девица с грохотом захлопывает дверь перед моим носом. Я стучу, мне не открывают.

– Злата! Василиса! Ну давайте еще сыграем, может, в этот раз мне не повезет, – взываю я.

И вдруг понимаю, что тщетно. Если девицы согласятся и выйдут, я все равно выиграю.

Казалось бы, при чем тут моя суперспособность?

А все очень просто. В игре болеть нужно было за себя, а не за девиц. Эх.

Ладно, пойду съем десерт. М-м-м. Как всегда, шикарно!

151. Свинский бизнес

Пока Василиса проматывает состояние почтенных родителей, покупая малознакомым мальчикам колу и печенье (не спрашивайте), Злата налаживает бизнес.

Вечер воскресенья, пора ложиться спать.

– Злата! – громогласно объявляю я. – Зубы чистить! Быстро! Злата, где ты?! Злата!

Через полчаса криков дочь появляется в пижаме и с розовой свинкой-копилкой в руках. Деловая.

– Злата, зубы чистить! Сколько можно?!

– Папа, сначала положи денежку.

Папа впадает в ступор (отцам это свойственно).

– Э-э… подожди. Денежку?

– Да! Положи денежку, и я пойду чистить!

– Ты хочешь сказать, – отец с трудом ворочает мыслями. – Если я хочу, чтобы ты почистила зубы перед сном, я должен заплатить?

– Да! Конечно!

Интересный поворот. Я, конечно, подозревал, что у нас в семье растет бизнес-гений, но чтобы до такой степени…

Тут я вспоминаю, что свинку-копилку я уже раньше видел. Причем в похожих обстоятельствах. Постойте, постойте…

– Злата, – говорю я. – А ты же уже собирала денежки. На песню, помнишь?

Год назад примерно девица явилась на кухню, когда родители пили чай. В руках у Златы была розовая свинка-копилка.

– Папа! Мама! Я придумала песню! – заявила тогда девица.

– Здорово! Спой нам.

– Ладно, – скромно согласилась Злата. – Только сначала нужно положить денежку!

Родители отсмеялись, мол, ребенок устроил тут краудфандинг, но скинулись по пять рублей. Василиса тоже закинула монетку. Свинка позвенела розовым брюшком и…

– Злата, ты куда? – удивился папа. – А как же песня?

Злата повернулась на пороге.

– Потом! Я ее еще не придумала! – И удалилась вместе с заработанным капиталом. Мы с женой переглянулись.

Немая сцена. Родители думали, что ребенок – Шопен, а он оказался Мавроди.

– Вспомнила? – говорю я Злате. – Ты нам еще ту песню не спела. Так что или возвращай денежки, или пой песню. Что

выбираешь?

По рожице Златы видно, что вспомнила.

– Нет! – говорит девица.

– Давай, давай.

Злата тяжело вздыхает и уходит в детскую. Возвращается с пачкой игрушечных денег из кассы, вручает мне.

– Это что значит? – смотрю на девицу.

– Денежки!

– За песню?

– Да!

А рожица хитрая и наглая. Получала, значит, железными, а отдавать так деревянными. Но смешно. Я говорю:

– Злата, иди сама вручи маме денежки. И объясни, за что.

– Ну, папа!

– Давай, давай.

Злата вздыхает и уходит.

И вдруг слышу с кухни ор. Да что такое! Бегу туда, представляя худшее.

Жена пытается вязать, плакать и одновременно смеяться. Злата стоит посреди кухни и голосит так, что потолки чуть не падают. Аааааа! Децибелы зашкаливают, ушам больно. Кажется, даже люстра под потолком качается, хотя прикручена четырьмя болтами в бетон.

– Злата, я сейчас оглохну!! – кричу я. – Стоп!

Девица замолкает, смотрит на меня.

– Зла-та. Ты чего орешь?

– Это песня!

– Песня? Обещанная? – Я смотрю на жену.

– Просто я отказалась брать деньги, – говорит Лариса и пожимает плечами. Перед ней на столе лежит пухлая пачка игрушечных денег.

Краудфандинг вообще опасная штука. Может зашибить ненароком.

– Ясно, – говорю я. В ушах у меня до сих пор звенит. – Так, с песней разобрались. – Я смотрю на часы. Черт, уже полдесятого. – Злата, зубы чистить!

Девица с готовностью протягивает свинку-копилку.

– Злата, нет!!

152. Сказка о зависти

Идем со Златой из детского сада.

Злата рассказывает:

– Папа, нам в садике читали сказку… а там Василиса Васильевна Премудрая! Представляешь? Это потому что она была умная! Как наша Василиса, да?!

Злате смешно. Но, кажется, совсем по другой причине, чем мне.

– А откуда взялось «Васильевна»? – говорю я. – Просто Василиса Премудрая… Кстати, еще есть сказка про Василису Прекрасную. Хочешь, дома почитаем?

Пауза.

– Нет.

153. Семейное дело

Голос – это у нас семейное.

Дед Гоша разговаривал голосом и интонациями Крючкова из фильма «Трактористы». Помните знаменитый момент: «Так вот ты какая, Марьяна Бажан»? Я когда смотрю старые фильмы с Крючковым, всегда вспоминаю деда. Стоит закрыть глаза, как дед рядом со мной ходит и подшучивает по своему обыкновению. «Эх ты, – говорит мне дед. – Разве так пляшут? Вот как надо!» Дед был отличный плясун. Главное, неутомимый. «Стулья гостям, кресло мне», «Мы, друзья, перелетные птицы…»

И конечно, «танки могут прыгать». Дед в молодости был танкистом, так что сами понимаете. Плюс уральский говор с характерными напевными интонациями. Словно кто-то собирается дать вам в морду, а в конце ласково спрашивает «да?».

У моего отца был высокий чистый тенор, он в молодости пел в группе. Отец жены отлично пел сам и руководил хором на предприятии.

Жена когда-то занималась в кружке народного пения.

Я самостоятельно освоил каталог караоке.

Когда родилась Василиса, ей достался голос. Не тонкий грудничковый тенор, а мощный техно-бас, как у солиста «Раммштайн». Когда она вопила, а вопила она часто, весь подъезд был в курсе. Она могла кричать так минуту, десять минут, полчаса, час… Великолепная дыхалка.

– Оперная певица будет, – сказала бабушка Люда. Моя мама очень сдержанная.

– Уфалла, – сказала бабушка Насима и зевнула, чтобы снизить давление на уши. Она так говорит в сердцах.

Сначала я думал, что это означает «За что мне это наказание?!», но оказалось, что это расшифровывается как «На все воля Аллаха».

Василиса родилась в Нижневартовске. В 2004 году Вартовск был гораздо более благодатным местом для рожениц, чем Москва. Когда мы улетали, в Москве была серость, мрак и слякоть, а в Вартовске – бело и чисто, и с темного неба падал мягкий красивый снег, как в сказке.

Зима на Севере – солнечное время. Минус тридцать – и воздух звонкий и радостный, словно красный резиновый мяч. Снег бодро хрустит под ногами.

Лариса ушла в женскую консультацию в «Мать и дитя» и вернулась через несколько часов в восхищении. «Здесь все для людей, – сказала она. – Представляешь?» Оказалось, то, что в

Москве роженицы выбивали у хмурой усталой медсестры или делали за деньги, в Вартовске давали бесплатно и с улыбкой. Занятия, тренинги, массажи, дыхательные гимнастики, кислородные коктейли и прочее, прочее, прочее. «И многие беременные отказываются, – удивлялась жена. – Что-то мне не хочется, говорят они». Жена была в шоке. Лариса за год стала почти московским человеком, а московский человек не переносит не взятой халявы. Ему это хуже чесотки.

Жена записалась везде. Три дня она ходила в консультацию, как на работу. С утра до вечера. Возвращалась усталая, умиротворенная и наговоренная.

«Ля-ля-ля» – важнейший элемент женской терапии.

На четвертый день я удивился, обнаружив жену дома.

– А тебе разве не надо на гимнастику? – спросил я осторожно.

Жена расслабленно потянулась.

– Что-то не хочется, – с ленцой произнесла она.

Я вздохнул. Северный человек вернулся.

Вартовск, особенно в то время, гораздо более расслабленное место, чем Москва.

Через месяц после рождения Василисы мы отправились в поликлинику на обязательный осмотр. Вес, рост, рефлексы.

И тут я обнаружил, что в Нижневартовске демографический бум. То есть я и раньше подозревал, что с рождаемостью в нефтяном городе неплохо, но тут увидел воочию. У поликлиники яблоку некуда было упасть. Столько машин я видел только в пробке на МКАД или в кино про Токио и Годзиллу. И все пытались припарковаться, на улице минус сорок. С трудом протолкавшись до входа, я высадил жену с маленькой Василисой в переноске.

– Заходите, я вас догоню, – легкомысленно сказал я.

И поехал искать парковочное место.

Прошло двадцать минут. Когда я забежал в поликлинику, жена с Василисой уже поднялись наверх. Я разделся в гардеробе, растер ладонями пластилиновое от мороза лицо и пошел искать своих.

Младенцы были везде. И повсюду. Разноголосый ор-плач-тихо-тихо-маленький-чмоканье звучал настолько плотно, что я не слышал собственных мыслей. Видимо, примерно так выглядит грудничковый день в аду. Или в опере. Фальцеты, теноры, контр-теноры, первые сопрано. И приглушенное агуканье мамочек. Иногда мне попадались одинокие отцы, растерянные, оглушенные, словно солдаты Первой мировой, потерявшие родную часть во время ночного отступления…

Я ткнулся в одну сторону, в другую… Моих не было. У двери

каждого кабинета были мамочки с младенцами. В какой кабинет вошли мои? Загадка.

Я стоял посреди коридора и моргал. Все было бесполезно.

И вдруг…

В пространство высоких голосов врезался мощный низкий «Раммштайн» – и рассек их, словно ледокол. Я узнал бы этот тембр из тысячи…

Моя!

Звук шел сверху. Я пробежался на третий этаж, пошел на звук… Звук вдруг оказался за спиной. Я повернулся на сто восемьдесят, решительно открыл дверь кабинета (мамочки у дверей смотрели на меня как на инопланетянина) и…

Не ошибся.

В кабинете на руках жены голосила крошечная Василиса. Жена увидела меня и замученно обрадовалась. Василиса вдруг замолчала и только смотрела вокруг внимательными голубыми глазами. Тишина казалась оглушительной.

– Как ты нас нашел? – спросила жена. – Это наш папа, – пояснила она зачем-то доктору.

– Легко.

Пожилая врач в белом халате поморщилась, с трудом зевнула, чтобы снять заложенность с ушей.

– Ну и ну. Певицей будет, – сказала врач.

– Алла бирса, – сказала жена.

– Что?

– Дай бог, – сказала жена. У нее тысячи примет. – Скажите: дай бог.

– Дай бог, – послушно сказала врач и постучала по столу. Видимо, она уже привыкла к таким просьбам.

Я кивнул. Василиса широко зевнула и нахмурилась…

Сейчас девице тринадцать лет, она играет в музыкальном театре, поет в хоре и собирается стать журналисткой. У нее первое сопрано. А еще она любит лошадей. Что из этого выйдет? Не знаю. «На все воля Аллаха», как говорит теща.

Уфалла!

154. Письма издалека

«У хомяка же задача в духе Иисуса – показать детям смерть». (с) Линор Горалик

Смешно и грустно.

Василиса была еще совсем маленькая, когда умер наш кот Фунтик. Мы ей сказали, что Фунтик уехал очень далеко, к своей маме в гости. Ему там хорошо, и вернется он не скоро. Зря мы так сделали. И Василиса его много лет ждала обратно, писала ему письма, ждала ответного письма от него. «Фунтик, приезжай, я по тебе сильно соскучилась. Почему ты не приезжаешь? Ты на меня обиделся? Я нарисовала тебе рисунок». Это был нам урок. Мне урок. Похороны нужны не мертвым, они нужны живым – чтобы попрощаться и отпустить своих любимых. Они все равно будут жить в нашем сердце. Как Василисины песчанки Бублик, Джерри и Бурундук. Как мой отец. Как Ларисин папа. Как мой дед Гоша. Как Фунтик.

Это был мой любимый кот.

155. Имя для кошки

У нашей кошки настоящее имя жутко длинное и благородное, что-то там Александра Серафина Вирджиния Медичи Бурбон Лукашенко Гогенцоллер. Надо посмотреть в паспорте, забыл уже. Породистая, красивая. Но как мы ее привезли, в тот же день она стала Фифой. Ее так окрестила Василиса, когда холеная кошачья аристократия сидела за холодильником и орала, что не любит нас всех и верните меня в питомник, мизерабли. Ничего, поорала, поорала и смирилась. Всего-то два дня прошло. Жрать захочешь, выйдешь. Чай, не Букингемский дворец.

Фифа у нас недотрога, отбивается сразу, причем когтями – а иначе давно бы затискали. Британцы плюшевые, с круглыми щечками. Только отвратительный характер спасает их от человеческой нежности.

А это дневник кошки Фифы, который от ее имени пишет Василиса. День первый (вы помните про понедельники?):

ДНЕВНИК ФИФЫ / КОШАЧИЙ ДОЗОР

Понедельник

Темно. Что-то шуршит в комнате. Хорошо, кормильцы уже спят, не тискают, не обнимают. Пора осмотреть свои владения. Прохожу мимо своего трона (коробки). Все спокойно. Комната. Кормилец не спит, работает. А я тоже на работе. Хожу проверяю все. Интересно, а все кошки тоже работают? Ну это еще ничего. Вот когда кормильцы уезжают куда-то, тут глаз нельзя сомкнуть. Все ходишь да смотришь, на месте ли все. Захожу. Прилягу на ковер. Зеваю! Пора спать.

Светло. Все проснулись. Скоро буду есть. Потягушки! Пойду потребую. Ну, а как же? Надо мне, королеве, самой выбирать себе еду. А то только сухой корм без добавок. Ем. Пора посмотреть, что в комнате младших. Прохожу стекло… Подождите. Там еще одна кошка! Серая с медовыми глазами – прямо как у меня. Надо познакомиться. А то вдруг она подумает, что тут нет правителя. И решит им стать! О, кошки! Я должна показать, что я тут королева. Но если она захочет, я могу сделать ее своей помощницей. Подхожу. А где запах? Вот это да! У нее нет запаха! Может, я угадаю на вкус… Подождите, она тоже хочет познакомиться. Лизь! Лизь! Лизь! Фу, стекло! Так это же не кошка. Но почему она так похожа на меня? А может, это… Не может быть! Она меня отражает! Мяу! Все делает, как я. Вот же кормильцы!

Напридумывали!

156. Волшебное окно

Весна. Как много в этом звуке…

А вокруг снег. На улице зато почти весеннее солнце.

Март. Воскресенье.

Злата с Василисой взяли «ватрушку», это так у нас называется тюбинг для катания с горки, и ушли гулять. За детским садом крутой снежный склон, но невысокий. Там дети со всего квартала катаются.

Возвращаются через полтора часа, мокрые с головы до ног и радостные.

– Как покатались? – спрашиваю. – Хорошо?

– Папа, папа! – кричит Злата. – Мы нашли окно!

– Окно? Какое окно?

Что-то у меня никак горка с окном не стыкуется.

– Да! – теперь Василиса. – Настоящее окно!

– Рассказывайте.

Оказалось, сначала Василиса со Златой весело и с криками катались вдвоем на одной ватрушке, затем им надоело. И они начали строить то ли снеговика, то ли дом из снега. А может, все вместе.

Представляю. Зная целеустремленность Василисы и темперамент Златы, скорее всего, там поработал маленький взбесившийся желтый экскаватор.

И вдруг они натолкнулись на что-то твердое.

– Сначала мы решили, что это клад. – Глаза Василисы горят.

– Да, папа, клад! – подтверждает Злата. Округляет глаза: – Огромный!

– И мы уже решили, на что его потратим, – говорит Василиса деловито. – А это оказалось окно.

Я моргаю.

– В смысле?

– По-настоящему. Как у нас на кухне.

– Пластиковое?

– Да!

– Под снегом? – Что-то я никак не соображу. Картинка получается слишком сюрреалистическая. Как писатель-фантаст, я невероятно недоверчивый человек.

– Да! – кричит Злата. – Целое окно!

– Серьезно?

Прямо окно в Нарнию, думаю я. Вместо волшебного шкафа – окно под снегом.

– И куда оно ведет? В волшебную страну?

– Никуда, – говорит Василиса и озадаченно смотрит на меня. – Это просто окно.

– Да! – подтверждает Злата. – Ничего там нет! Просто окно!

Девицы раздеваются и идут мыть руки. Вернее, Злата идет…

– Василиса, руки!

– О-ооо!

– Не «о-ооо», а вперед. Василиса!

– Ну сейчас!! – Девица разворачивается на ходу.

Девицы моют руки. Шум воды.

А я все никак не забуду это окно. Черт, да это же сюжет! Окно в снегу, за которым видна иная необыкновенная страна. И там лето сейчас и светит солнце. И вот дети из нашего мира находят это окно и наблюдают за тем, что происходит с той стороны. А потом они открывают окно, потому что видят, как там происходит что-то плохое. И, скажем, дети спасают раненого черной зачарованной стрелой единорога… Но это еще не все… Тьма нависает над волшебной страной, и только дети, две сестры из другого мира, могут ее спасти. Приключения начинаются. Писатели-фантасты вообще романтики. Хотя и очень недоверчивые. Профдеформация, да.

Девицы выходят из ванной. Я стою у них на пути.

– Представьте, – говорю я. – А что, если это настоящее окно в волшебную страну? А вы его нашли. Что вы сделаете?

Василиса пожимает плечами.

– Э! Папа! – возмущается Злата, обходит меня. – Не надо спрашивать! Я устала!

– Мы его зарыли обратно, – отвечает Василиса.

– Зачем?!

– Чтобы никто не нашел.

– Да! – поддакивает мелкий хвостик старшей сестры Злата. – Чтобы никто не нашел!

И убегает в комнату.

– Папа, включи мне мультик! – звучит оттуда. – Пожалуйста! Про единорога!

– Сейчас.

– В садике недавно окна меняли, я видела. Может, кто-то спрятал, – говорит Василиса между делом и уходит в детскую.

А я стою, открыв рот. Однако.

Дети прагматичны. При этом у Златы есть воображаемые друзья Лиза и Вова, целый мир, в котором они живут, у Василисы фантастические истории о конях и кошках, тени, песчанках и машине времени. Но только папа фантазирует о волшебных окнах. А детей вполне устроил бы реальный клад – даже на сто рублей. Подозреваю, в их жизни и так хватает волшебства…

А мне бы не помешала «дверь в лето».

Я задумываюсь.

Может, действительно, окно спрятал кто-нибудь из строителей?

– Папа!! Мультик! Ты же обещал!

157. Коротко о жизни

Рубрика «Наши любимые животные».

Пока завтракаю, краем глаза смотрю передачу про крокодилов. Диктор рассказывает:

– Чтобы не дать мозгу перегреться, они открывают рот.

Кажется, не только крокодилы.

* * *

Прокалываются всегда на мелочах.

Как-то трехлетний племянник моей жены, Артурик, заподозрил в Деде Морозе, пришедшем к ним домой, подставное лицо:

– Мама, мам, – шептал он, – у Деда Мороза ботинки как у папы!

А все потому, что папа у него – ценитель хорошей обуви. И таких красивых, элегантных и сверкающих ботинок больше ни у кого нет. Даже у Деда Мороза.

Это был провал.

Племяннику сказали, что Дед Мороз промочил валенки, и папа одолжил ему свои ботинки.

Но, кажется, племянник не поверил. Вера – дело тонкое.

158. Ответные действия

После детского сада идем с девицей в магазин. Папе нужно кофе, Злате – «киндер», маме – обезжиренный творог. У всех свои стимуляторы.

– Злата, как в садике? – спрашиваю.

– София взяла моего щеночка! Без спроса! А это мой любимый щеночек! И не отдавала!

Щеночек – это пластиковая фигурка.

– Ничего себе. Вернула обратно?

Злата вздыхает на ходу.

– Конечно, да.

Вот откуда у женщин, даже самых маленьких, эта снисходительность к мужчинам?

– Ну, хорошо, что вернула, – говорю. – Значит, все в порядке.

Ситуация разрешилась. «Все друг друга любят, никто никого не кидает», как говорилось в старом добром «От заката до рассвета» Тарантино-Родригеса. Правда, там после этих слов началась настоящая мясорубка… Хм-м.

– Когда я сказала, что верну ее помаду, – добавляет Злата.

– Помаду?

Сначала я не понимаю связи. А потом меня озаряет.

– Подожди. Ты взяла ее помаду ПОСЛЕ того, как София забрала щеночка? Или до?

– Конечно, да!

– После?

– Да!

Щелк. С таким звуком мои мозги встают на место.

– То есть она взяла твоего щеночка без спроса, а ты в ответ забрала ее помаду и не отдавала, пока София не вернула тебе щеночка?

– Да, папа! Я же сказала!

– Молодец, – говорю я. А что тут скажешь?

Все-таки трудно свыкнуться с мыслью, что самый эффективный современный дипломат живет у меня в доме. И через два часа у нас очередной тур изматывающих переговоров по чистке зубов. Я вздыхаю. О, боже.

– Папа, – начинает Злата, – а давай мы сегодня купим не один «киндер», а два?

– Злата, нет!!

159. Конкурент

Я убедился. Ребенок меня подсиживает. Скоро она сдаст меня в утиль истории.

Вот ее рассказ (вернее, школьное сочинение, но Василиса превратила его в отдельный рассказ):

Домашняя работа

– Ш-ш-ш!

– Что ты шикаешь?

– Ш-ш-ш!

Газеты лежали на полу. Сверху две старинные книги. Они переминались с корешка на обложку. Им скоро предстояло переехать в совсем другую библиотеку. Не такую, как эта. В пути их будут сопровождать восемь газет, пенопласт, мягкая набивка и коробка. Газеты-сплетницы тоже волнуются. Но одна из них не хочет быть просто проводницей. Не хочет быть просто оберткой. Она хочет стоять на полке в красивой обложке.

– Так! Это что такое! Я не намерена это терпеть! Отведите меня к начальству! Немедленно!

– Милочка! Что вы так раскричались? Зачем вам начальство?

– А вот зачем: я «простая» газета, по мнению людей, но я очень хочу стоять в красивой обложке на полке, среди таких же, как и я. Но нет! Люди обращаются со мной как с простой бумажкой!

– Постойте! Вы вообще знаете, как на полках пыльно и скучно? Все остальные книги смотрят на тебя очень странно. А вот то, что нас могут не читать несколько лет, вас вообще не волнует. А мы стоим в специальном отсеке, куда очень редко могут зайти, – сказала толстая книга с желтыми страницами.

– Подождите, получается, меня могут не читать несколько лет?! Так я лучше газетой буду! Из меня люди получают информацию о мире, узнают о новостях и событиях. Все, решено! Я газета! И всегда ею буду!

Газета замолкла. Через час за ними пришли, и они уехали.

Василиса, 6-й «О» класс

* * *

Финал, что удивительно, вышел мрачный, с холодной отстраненностью Хемингуэя. Уверен, Василиса этого не закладывала, но текст сам по себе удивительная штука, иногда он начинает жить собственной жизнью, вбирая некие смыслы, не предусмотренные автором. В финале рассказа мне почему-то представляется 37-й год. «За ними пришли, и они уехали». Молча. Точка. Или 1933-й, Германия. И впереди костры, которым без разницы, книга ты или газета. И сколько тебе лет…

В общем, жестко.

Жена прочитала Василисин рассказ и говорит:

– Вот смотри, дочь-то тебя обошла! Она вон как пишет.

И все равно я считаю, что я в шестом классе писал не хуже Василисы. А может, и лучше. Потому что у меня были динозавры, дыра во времени и гиперболоиды из консервных банок. И море оптимизма. Мой гениальный фантастический роман, заброшенный на первой главе.

160. Вылитая

Едем из Дворца пионеров. Уже темно, дети устали. Злата отработала на танцах два занятия, Василиса с хора только что вышла – итого три часа вокала. Я в таком режиме только есть могу.

Я за рулем. Проезжаем Воробьевы горы. Огни фонарей, справа, за темной гладью реки, проплывает подсвеченный стадион «Лужники». Притормаживаю на светофоре. Стоим, залитые красным светом.

Василиса рассказывает о том, что было на хоре. Как обычно, в лицах и красках. Там много смешного, но много и жизненного. Вот, например, одного мальчика прозвали Лордом, потому что он чопорный. Василиса показывает его аристократические манеры – жена смеется. А другую девочку никак не прозвали, но она наглая. И Василису это одновременно бесит и восхищает.

– Почему так? – спрашивает Василиса.

– Такая вот она. У всех свои таланты. Мы не умеем так договариваться, – говорит жена с сожалением. – Не дано нам. Зато у тебя другие таланты.

Василиса обреченно кивает. Это точно.

– Почему это? – говорю я. – Мой отец был гений переговоров. Злата в дедушку пошла. Она даже внешне похожа на него, помните?

– Злата у нас торгаш! – это Василиса.

– Не торгаш. – Я морщусь. Писателя всяк норовит обидеть – неточным словом и маленьким гонораром. – Это совсем другое. Злата переговорщик. Как деда Слава.

Отец гордился тем, что даже в смутные темные 90-е не ходил под «крышей» и никому не платил. «А как тебе удалось?» – спрашивал я. «Я всех знал, и меня все знали, – говорил отец. – Все просто». Не уверен, что это было так легко, как прозвучало…

– Да! Она всегда договаривается в свою пользу! – говорит Василиса с искренним возмущением. Она больше всех страдает от деловых навыков сестры.

Мне смешно.

– А смысл договариваться в чужую? – говорю.

– Логично.

Вообще, я замечаю в последнее время, что Василиса переняла мое «логично». Только она использует его в качестве сарказма.

– Василиса!

Жена:

– Да, да. Злата, – обращается она к девице, задумчиво

глядящей в окно. – Ты ведь похожа на дедушку Славу?

– Нет! – отрезает Злата.

Неожиданно.

Загорается зеленый. Я трогаюсь, через некоторое время включаю поворотник и плавно ухожу в левый поворот.

– Но ты же похожа, Злата, – уговаривает жена. – Помнишь ту фотографию, где дедушка маленький на деревянной лошадке?

– Нет! – девица непреклонна. – Ни за что!

– Злата?

– Э! Отстаньте от меня! Я устала!

Девица сидит, отвернувшись и нахмурившись.

Молчание длится.

Но я знаю способ.

– Злата, – говорю я мягко. – А если я дам тебе мармеладного мишку, ты согласишься, что похожа на дедушку Славу?

Пауза. Злата думает и вздыхает:

– Ну ладно.

Смех. Злата вскидывает голову:

– Два мишки! Красного и зеленого!

Занавес.

161. Судьба актерки

Я привез Василису на репетицию в театральную студию Сац и, как обычно, жду около театра.

Прошло два часа.

В этот день была репетиция финального концерта для родителей, который показывают в конце каждого полугодия.

Восемь часов вечера, дождь накрапывает, пасмурная погода, капли на стекле машины… И вот, наконец, появляется Василиса. Идет через автостоянку в своем желтом пуховичке. И идет как-то не бодро. Такое унылое желтое пятно.

Василиса садится в машину. Я говорю:

– Ты чего?

Василиса:

– Ничего.

– Ладно, давай рассказывай. Хорошо прошла репетиция?

Молчание. Что-то случилось, догадался папа. Папа вообще догадливый.

– Василиса?

Василиса поднимает взгляд.

– Меня сняли с роли.

У-у-у. У папы потемнело в глазах.

Вы не представляете, что такое для актера – сняли с роли!

Ничего хуже быть не может. Даже с самой завалящей, не знаю… роли третьего зайчика во втором ряду, «кушать подано» – уже трагедия. Актер только тогда актер, когда играет. Когда выходит на сцену.

– Ух. И что случилось-то? – говорю.

– Меня сняли с «Hit the road Jack».

Этот номер Василисе очень нравился, она сама говорила.

Я говорю:

– Эх, черт. Обидно. Ну ладно, не расстраивайся. У тебя же есть другие номера?

Василиса:

– Меня сняли еще с одного номера!

– Как так?

– И с третьего!

Ну, это уже слишком. У меня даже сердце заныло.

– Я должна была танцевать на заднем плане, – говорит Василиса с надрывом, – потом выносить саксофон и говорить… И меня сняли!

– Вот это да! Сочувствую, Василиса.

Сняли с роли в одном номере, сняли с роли в другом, сняли с

роли в третьем. Трагедия.

Я думаю: может, вообще нам не идти на этот финальный концерт? Если Василису поснимали со всех ролей?

Воскресенье. Подготовились и все равно поехали на концерт. Садимся с женой, смотрим. Злата у меня на коленях устроилась. Гаснет свет, начинает играть музыка… Это студия Музыкального театра Сац, так что звучит прекрасный живой оркестр. И начинается представление…

И раз! Второй номер – выходит Василиса, вся в белом, с бумажным самолетиком в руке, и читает стихотворение. Она его сама сочинила. Хорошо читает (это я не только как отец говорю). Трогательные стихи, тихая музыка фоном… Свет отличный. Темная сцена, и одинокий луч прожектора высвечивает тонкую фигурку. Жена, смотрю, уже вовсю носом хлюпает. Василиса заканчивает стихотворение, запускает самолетик в зал (это эффектно и трогательно) и уходит. Аплодисменты.

Начинается следующий номер. Дети начинают танцевать, что-то показывать… и среди них Василиса. Мы с женой озадаченно переглядываемся.

Третий номер – и опять Василиса! Одна из главных ролей. Я думаю: ничего себе. Откуда же ее тогда сняли?

Четвертый номер. И тут Василиса! Еврейский танец, очень смешной. Девчонки выстроились в линию, в ситцевых платьицах и лузгают семечки. И тут выбегает опоздавшая (понарошку, конечно) Василиса. И все девочки смотрят на нее. Немая сцена. Зал покатывается со смеху. А потом девочки начинают танцевать… Мы с женой смотрим друг на друга, затем на сцену…

Концерт закончился. Всего там было пятнадцать номеров, кажется.

С трех номеров ее действительно сняли. А во всех остальных Василиса была.

В общем, тяжела актерская судьба. То с роли снимут, то поаплодируют не так, то цветы не той системы… Сложно быть актером.

Но очень интересно.

162. ВАНЬКА-ПАШКА

Пашка – уникум. Пашка не хотел быть актером.

По всей «физике», психотипу и трогательно оттопыренным ушам это мог быть второй Никулин. Видимо, Пашке это часто говорили, поскольку до актерского он учился в цирковом училище на клоуна. Но ушел оттуда и поступил на курс Пороховщикова. Строгая мама Пашки (он в семье был единственным ребенком и мужчиной) железной рукой вела его по творческой стезе, несмотря на взбрыки и сопротивление. Мама Пашки работала режиссером на телевидении.

На показ самостоятельных работ Пашка явился с опозданием, к самому финалу. На голове Пашки была трогательная потертая ушанка. На груди синий рабочий фартук с карманами (подозреваю, он остался после школьных уроков труда).

В руках Пашка держал блюдце со свечой и чернильницу с пером. Блюдце было с золотой каемочкой, а чернильница пустая.

Я вздохнул.

– Какой у тебя этюд?

– Чехов, «Ванька».

Однако.

– А текст ты выучил? – спросил я.

– Зачем? – искренне удивился Пашка. Глаза его стали круглые. Он вынул из кармана и показал нам исписанные крупным почерком листки. – Здесь все есть. Я просто буду делать вид, что пишу, а сам буду читать.

Мы с Андреем Калининым переглянулись.

М-да. Мы тогда оба очень серьезно относились к актерской профессии. Возможно, и нам, и самой актерской профессии было бы легче, если бы мы относились к ней чуточку несерьезней. Процента на два. То есть девяносто восемь процентов – серьезно. И два – дуракаваляние. Мне кажется, Калинин освоил эту истину раньше меня. Поэтому сейчас он режиссер в Александринке, а я простой фантастический писатель.

Но в тот момент не выучить текст нам казалось чем-то странным, вроде пришествия инопланетян ясным солнечным утром. Типа «привет, земляне!». И кто-то машет тебе зеленой кожистой лапой.

Я нашел на столе листок с планом выгородки. План был удивительно лаконичным. Внизу листа крупные буквы «З А Л», а посередине – неровный прямоугольник. Подписано «**скомейка**».

– Одна скамейка? Поперек сцены?

Пашка кивнул.

– И все?

Пашка снова кивнул.

– Я вынесу, – быстро сказал Калинин.

– Свечку, чернильницу?

– Я сам, – сказал Пашка. Он поморгал. – Только надо зажечь, наверное.

Калинин вытащил зажигалку.

Ее тут же отобрала Катя Чебышева. Катя была старостой курса, у Кати было чувство ответственности размером с Тюменскую область. Вы представляете себе чувство ответственности размером с несколько Франций?

– Я зажгу, – сказала Катя Андрею. – А ты вынеси скамейку.

– Хорошо, так и решим, – сказал я. Времени было в обрез. Сейчас должен был закончиться этюд, нам делать выгородку на следующий, а мне ставить музыку. Я, как обычно, работал «радистом» и помощником режиссера, то есть, вел показ. А мы еще не разобрались с этюдом. Вообще, по-хорошему, тот, кто не явился на генеральный прогон, автоматом снимается со спектакля (показа). Вадим Чеславович, наш преподаватель актерского мастерства, так бы и сделал. Но мы были молоды и отходчивы. И это был показ самостоятельных работ.

– И еще, – смущенно попросил Пашка. – Можно мне какую-нибудь музыку?

Выгородку для следующего номера мы поставили мгновенно, я сел к музыкальному центру. Этюд начался.

Пока он шел, я мысленно переворошил свои диски. У меня их целый чемодан. Что подойдет для чеховского «Ваньки»? Рассказ трагический, зимний, хотя, казалось бы, смешной. Но от этого смеха на стенку лезть хочется. Ага. Я мысленно прослушал вступление. Вот это подойдет, пожалуй.

Заунывный вой вьюги, переходящий в классическую музыку (Чайковский, Скрябин? – уже не помню). Да, это хорошо.

* * *

Это был первый показ самостоятельных работ нашего курса. Заявок было так много, что преподаватели посовещались с мастером и тот выделил нам два дня. То есть мы показывали самостоятельные отрывки два дня подряд.

По три-четыре часа. Два действия с антрактом. Практически спектакль. Мы были кривые, зажатые, переигрывающие, с плохой дикцией. Мы на сцене кричали, прыгали, странно дергались и рвали страсть в клочки. А народный артист Пороховщиков на все

это внимательно смотрел. Порох всегда считал, что показ самостоятельных отрывков – важная часть обучения будущего актера.

На первом показе мы с Димой Глущенко сделали рассказ Довлатова (забыл название). Я играл дядю, туповатого и прижимистого, а Глущенко – прохиндеистого студента-племянника. Потом я играл отрубленную голову Иоанна Крестителя в монологе принцессы Саломеи.

На второй день мы с Аней показывали отрывок из комедии Гольдони «Трактирщица». Я изображал Кавалера, туповатого и надменного женоненавистника. Аня играла хозяйку трактира, прекрасную и лукавую. Она с помощью шикарного бифштекса и женского коварства разбивала Кавалеру сердце. И я fallin' in love прямо на сцене.

* * *

…Калинин с Катей закрыли занавес.

Этюд закончился. Теперь Пашка! Я бросился на помощь. Мы дружно потащили со сцены столы, стулья, какие-то лампы и столовые приборы.

Через две минуты площадка была пуста.

Я вернулся к пульту. Калинин вытащил скамейку на середину сцены. Катя чиркнула зажигалкой и зажгла свечу.

Я поставил и включил музыку. Поехали.

Калинин приглушил свет. К сожалению, на этой сцене наши осветительные возможности были ограничены. Только включить/выключить одну зону из четырех, или две, или все сразу.

Пашка вышел на сцену в полутьме. В руке он нес блюдце с горящей свечой. В другой руке – чернильницу с гусиным пером. На круглом курносом лице Пашки дрожали отсветы пламени (Пашка изрядно нервничал).

За окном бушевала вьюга. Я медленно поворачивал ручку громкости, чтобы плавно свести звук на минимум.

В зале затихли.

Пашка поставил блюдце на скамейку, рядом чернильницу. Опустился на колени. Он был нелеп и трогателен в своей дурацкой ушанке. Пашка вытащил из кармана фартука измятые листки, положил на скамейку, тщательно разгладил ладонями. Затем взял перо, зачем-то осмотрел кончик (муха?) и обмакнул в чернильницу…

– Милый дедушка, Константин Макарыч, – заговорил Пашка, медленно и тщательно выводя пером. Он почти касался носом

листка. – И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с Рождеством и желаю тебе всего… всево… от господа бога.

Пашка остановился, всхлипнул носом. Затем продолжил писать:

– Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался.

В зале стояла странная, озадаченная тишина. Кто-то приглушенно сказал: «он что, на самом деле?». Кто-то засмеялся.

Я решил, что это провал. Совершенный провал. Пашка говорил очень тихо, даже я, стоя за кулисой, его едва слышал… Значит, в зале вообще не поймут ни слова.

– Подмастерья надо мной насмехаются, – бормотал Пашка, карябая пером. – Посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы… а хозяин бьет чем попадя… А еды нету никакой.

Я видел Пашкины оттопыренные уши, розовато просвечивающие в полутьме, и жалел его. Эх ты, актер.

– Утром дают хлеба, в обед каши, и к вечеру тоже хлеба… а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают… – Паша вытер нос рукавом и неожиданно всхлипнул.

В зале вдруг всхлипнули в ответ. Я покосился. Мы с Калининым переглянулись. Андрюха пожал плечами: ничего не понимаю.

– А спать мне велят в сенях, а когда ребятенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности… – Пашка стащил с головы ушанку, вытер слезы (какие еще слезы?!) и снова напялил на голову. Голос его дрожал: – Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру…

Прошло двадцать минут. Это было долго. Это было как в фильме Тарковского, когда камера мучительно медленно плывет над бегущей водой, и полем, и деревьями, и ветер колышет травинку, и поток воды уносит кусочки белой краски с кистей, и во всем этом есть какой-то высший смысл и предназначение, и давление времени, и необъятность жизни, и высказывание художника, только в конце – Пашка.

– А намедни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой… А еще кланяюсь Алене, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков…

Когда Пашка наконец дописал письмо, в зале всхлипывали в несколько голосов.

Пашка достал конверт, купленный за копейку, тщательно запечатал письмо, и, высунув язык от старания, дописал адрес.

– На деревню… дедушке… – Он остановился, подумал и добавил: – Константину Макарычу.

В зале уже рыдали.

…Роль Ваньки ненадолго сделала Пашку звездой нашего курса. На разборе самостоятельных работ Порох хвалил его. «Вот, – говорил нам Порох своим мощным хриплым голосом. – Он ничего не играл, он существовал. Был самим собой в предлагаемых обстоятельствах. Молодец! – это уже Пашке. – Ты на сцене занимался ДЕЛОМ».

Мы с Калининым и Катей переглянулись. Мы-то знали. Какой там наигрыш, что вы… Пашке на сцене было не до этого.

Вся его уникальная «физика», психотип, актерский талант и вдохновение сошлись вместе, чтобы создать образ несчастного Ваньки Жукова и…

> *– А текст ты выучил? – спросил я.*
>
> *– Зачем? – удивился Пашка. Он вынул из кармана и показал исписанные сверху донизу листки. – Здесь все есть. Я просто буду делать вид, что пишу, а сам буду читать.*

…и вы только попробуйте разобрать эти его каракули!

Тут не то что Никулиным, тут Марлоном Брандо станешь.

163. Писатель и бунтарь

«Писатель я, как видите, не самый бесталанный,
Нас, бесталанных, много и я – не самый главный».

(с) Рэп писателя

У Василисы в школе по средам проходит классный час. И там у них традиция – приглашают родителей, чтобы те рассказали о своих профессиях. Тем более, класс попался интересный: один папа – космонавт, причем действующий, два полета в космос, другой – создатель миноискателей, сейчас одно из его изделий проходит испытание в Сирии, третий – авиконструктор. Работает с гражданской авиацией, недавно приезжал в школу с лекциями от «Боинга». И т. д., и т. п. Казалось бы, куда с писательским фейсом в калашный ряд. Но Василиса решила иначе.

Она меня полтора года уговаривала сходить к ним в школу. Но у меня все не складывалось. А тут повез ее на хор и расслабился.

А Василиса рассказывает, что у них завтра на классном часе должны были играть в игры, кто-то там приготовил все, но заболел. И классный час… Тут я моргнул. «…свободен для заинтересованного родителя».

– Папа, ты придешь? – спрашивает Василиса.

– Не знаю, – в этот момент я как-то растерялся и не смог сказать твердое родительское «нет».

– Папа, пожалуйста! А то никто не верит, что у меня папа писатель!

Ладно. Хотя применять против отца тяжелую артиллерию – это уже слишком. Я почему-то вспомнил, как в романе Дюма «Королева Марго» главному герою, де Ла Молю, рвут ногти клещами. Палач спрашивает: «Не желаете передохнуть, сударь?» А тот с бледной улыбкой говорит: «Нет-нет, что вы, продолжайте. Я совсем не устал». Настоящий воспитанный дворянин. И палач продолжает. Хороший роман, хотя и не лучший у Дюма. А де Ла Моль всегда казался мне бескостным героем… Каким-то безвольным. То ли дело Шико.

– Папа? – Василиса ждет ответа.

– Ну ладно, приду, – говорю я нехотя.

– Ура!

В назначенный день я встал пораньше. Умылся, побрился,

даже удачно сделал вид, что причесался. Надел все чистое. К школьникам нужно идти, как в бой. Пальцы подрагивали. Один раз я уже выступал перед школьниками, только не в Москве, а в Нижневартовске. И не сказать, что вышло блестяще. На презентации обычно приходят те, кто хоть что-то знает об авторе. А тут… Никто из детей не знал, что я написал, а книги с собой я захватить не догадался. Кажется, дети так и не поверили, что я писатель. Черт.

Наученный опытом, я собрал две сумки: первая с моими книгами (подумав, я добавил туда польское и немецкое издания – если их прицельно метнуть, можно убить Гитлера) и вторая – с книгами в подарок. Мой первый сборник, вышедший семнадцать лет назад. Это тоненькая зеленая брошюра. Но там несколько моих лучших рассказов.

Вхожу в класс. Дети уже сидят по местам и ждут. Я поздоровался и начал расставлять книги на учительском столе. Отличное занятие, успокаивает. Когда я учился в ГИТИСе, Вадим Чеславович, наш преподаватель по актерскому, сказал: «Вот посмотрите на Овчинникова. Он нашел для себя способ справиться со страхом сцены. Заметили, что он в каждый этюд входит в пальто? Когда Дима его снимет, он готов работать». Девчонки потом долго надо мной прикалывались.

Тут, правда, пальто не было, но книги тоже ничего.

Я закончил с книгами, выдохнул и повернулся к классу. Ирина Анатольевна, классная, с легкой тревогой смотрит на меня с задней парты.

Я оглядываю класс. Хорошие лица.

– Кто-нибудь читал мои книги?

Дети молчат. Поднимает руку один человек:

– Я играл в игру!

Отлично. Правда, по моим книгам еще ни одной игры не сделано…

– А Роулинг? «Гарри Поттера» читали?

Рук несколько больше. Дети оживились.

– Я видел все серии!

– А я читал! Все пять книг!

А их разве не семь? Хм-м.

– Замечательно, – говорю я. – А сам кто-нибудь пробовал писать? Рассказы, может быть?

– Роман! – выкрикнул кто-то. Ну конечно. Настоящие писатели всегда начинают с романов. Это правило. И я, кстати, не шучу.

– Стихи, – скромно сказала девочка. Я кивнул. Поэтам всегда труднее.

– Стихи не мое, – говорю я. – А вот роман…

И тут пошло. Я рассказал, как в детстве начал писать свой первый фантастический роман про динозавров – в тетрадке в клетку. Дети слушают. Странно, но им интересно. Смеются. Я плавно перешел к роману, который начал писать в девятнадцать лет, студентом «Керосинки»… На словах «герой странствует по миру, полному темной магии и симпатичных девушек», я понял, что контакт с аудиторией достигнут. Дальше я рассказал, как после института поступал на актерский, как учился – это вызвало наибольшее оживление. Писателем себя не всякий представит, а вот актером… Как потом написал первый роман, затем второй…

Говорю и чувствую, что увлекся. И вдруг начинает звучать классическая музыка. Громко, настойчиво. Дети оживились, я озадачился.

– Простите, а музыку можно чуть убавить? – говорю.

– Это звонок, – шепчут мне дети. А! Классный час закончился. А я только вошел во вкус.

Напоследок показываю детям книги. Передаю по рядам.

– А почему эта книга в пленке? – спрашивают дети.

– Потому что вам рано ее читать, – говорю я.

Дети хохочут.

– А еще я принес вам небольшой подарок.

Пришло время тоненьких зеленых книжек. К столу учителя тут же выстроилась очередь за автографами. В общем, встреча получилась что надо. Я даже перестал скрещивать пальцы ног в ботинках.

Последним подходит серьезный мальчик. Показывает на мою книгу.

– Это вы написали?

Я подумал, что он про серию «Вселенная Метро».

– «Метро» написал Дмитрий Глуховский, – говорю я.

Мальчик упрямо мотает головой.

– Нет, вот эту книгу вы написали? Это моя любимая книга!

Доброе слово и плохому писателю приятно. А уж хорошему… Сам видел, как Евгений Лукин смущенно улыбался, когда ему рассказывали, какие у него замечательные книги. Особенно «Дневной Дозор», который он не писал. Его тогда перепутали с Сергеем Лукьяненко. Лукин был невероятно мил и оставил о Сергее Лукьяненко самое приятное впечатление.

– Это хорошо, что ты читаешь, – сказала мальчику Ирина Анатольевна, Василисина классная, и вздохнула. – Ты бы еще математикой так занимался.

В тот момент я не понял этого замечания.

– Подпишете мне книгу? – спрашивает мальчик серьезно.

– Конечно! Как вас зовут?

– Илья.

Я подписал книгу и пожал преданному читателю руку. Приятно, черт возьми.

Я, вдохновленный, встаю.

Мальчик уходит и садится на заднюю парту. И начинает что-то писать. Сосредоточенный, серьезный. Сразу видно, наш человек.

– Кто это? – спрашиваю у Василисы.

Дочь фыркает:

– Да двоечник из параллельного класса. Его тут оставили математику исправлять.

* * *

Теперь даже не знаю, как быть. Слоган зато придумался:

«Только двоечники читают Врочека».

Хотя лучше бы:

«Даже двоечники!!»

Да. Позитива больше.

А самое смешное, что через неделю Илью поймали, когда он вместе с приятелем нарисовал в школьном туалете «гениталию» (это цитата). Вопреки Системе.

Ну, то есть вы поняли.

Настоящий бунтарь. Когда Василиса рассказала мне об этом, я долго смеялся.

В честь этого я скорректировал рекламный слоган:

«Только настоящие бунтари читают Врочека!»

164. Красная тачанка

Память вообще странная штука. Каждый раз в этом убеждаюсь.

Лариса рассказывает:

Однажды, когда моей будущей жене было двенадцать, а ее брату Наилю – шесть лет, Насима Ахатовна решила показать, где их башкирские родственники зимуют. В смысле, свою родную деревню зимой. Было это под Новый год.

В советское время с билетами вообще было туго. Возможно, потому что многие могли себе их позволить. Я как-то, классе в восьмом, выстоял три дня в очереди в авиакассу, чтобы купить билет в Пермь. Нарисовал на ладони номер и ходил отмечаться. И дежурил в свой черед. Когда я наконец добрался до окошечка кассы, у меня руки тряслись. Но билет купил и отправился к деду на все лето.

В общем, Насима Ахатовна и дети долетели до Тюмени, а там нужно сесть на поезд и ехать пять часов. А билетов нет. Совсем нет.

Насима Ахатовна обегала вокзал, нашла то ли проводника, то ли начальника поезда и умоляла пустить их в поезд. «Нам ехать всего пять часов, мы можем стоя». Но нет. Нельзя и не возьму, и не просите.

Выхода нет. Придется встречать Новый год в Тюмени, на вокзале. Была предновогодняя ночь.

Поезд трогается. Колеса стучат.

И тут Насима Ахатовна решается на смелый и даже безрассудный шаг…

Дальше показания расходятся.

По версии Ларисы и ее брата Наиля, Насима Ахатовна подсадила маленького Наиля в открытую дверь, а сама с Ларисой бежала за поездом по заснеженному перрону… И маленький Наиль трогательно и одиноко стоял в дверном проеме и смотрел, как бегут его мама и сестра. А Лариса помнит, как испугалась, что поезд уйдет и увезет маленького брата, а они с мамой останутся здесь, в снегу… Она бежала и рыдала на всякий случай.

В общем, все кончилось хорошо. Они добежали и запрыгнули в поезд.

Потом пришел начальник поезда и полчаса орал на Насиму Ахатовну, багровый и страшный. «Да как вы могли! Опасно! Нарушение! И зачем вы дергали стоп-кран?! В милицию вас сдам!»

Прооравшись, начальник поезда распорядился выделить

«зайцам» свою бронь. Кажется, она называется «командирская». Или это в самолетах? В общем, дальше они ехали с комфортом.

Доехали и встречали Новый год уже в деревне, с дедом и кучей родственников.

И тут появляется версия от Насимы Ахатовны.

По словам тещи, это она с Ларисой запрыгнула в вагон, а маленький Наиль бежал за поездом и плакал. И кричал: «Мама! Мама, подожди!»

И тут Насима Ахатовна решительно дернула стоп-кран.

В этом момент мне почему-то представляется красная тачанка, возникающая из снежной пелены, и Насима Ахатовна, отстреливающаяся из пулемета «максим» от белых. Пулемет грохочет, а от раскаленного кожуха поднимается пар. Снежинки медленно опускаются на металл и исчезают с шипением.

В общем, Насима Ахатовна дернула стоп-кран, поезд остановился. Маленького Наиля спасли и втащили в вагон.

Дальше все как в версии Ларисы-Наиля. Пришел багровый начальник поезда и полчаса орал. А потом бронь, поездка, мерный стук колес, белые поля за окном и Новый год в деревне…

Такая вот история. И все стороны уверены, что помнят правильно.

Лариса говорит, это был самый веселый Новый год из тех, что она помнит.

Все деревенские встретили полночь и бой курантов у себя в домах, а после полуночи собрались в деревенском клубе. Весело было невероятно, говорит Лариса. И все переоделись, чтобы было веселее. Женщины в мужчин, мужчины в женщин. Один мужчина так здорово переоделся в женщину, что его так и не узнали (хм-м, вот это интрига!).

А через пару дней Насима Ахатовна собралась в соседнюю деревню, в гости к другим родственникам. А стояла настоящая зима, снега, сугробы. Дед взял у соседа лошадь взаймы, посадил всех в сани, укрыл тулупами, Насима Ахатовна села за ямщика, и они поехали.

Лошадь очень умное животное, говорит Лариса.

Я киваю.

Ехать до другой деревни километров десять по прямой. Но там путь не прямой, так что часа два они ехали. Приехали и пошли по гостям. То к одним надо зайти, то к другим, то к третьим… Когда собрались обратно, было уже темно и началась метель. Часов восемь вечера.

Дороги не видно, метет. Мрак полный.

И тут…

На этих словах Ларисы мне почему-то представляется, как из

снежной пелены снова летит красная тачанка, а там Насима Ахатовна с пулеметом… И все становится хорошо и правильно…

Хм-м.

И вот тут лошадь проявила себя как умное животное. Она вскинула голову и пошла рысью. В соседнюю деревню ей нужно было показывать дорогу, а обратно – лошадь просто включила форсаж и поперла по встроенному в лоб навигатору. У лошадей это запросто.

Мы едем, говорит Лариса. Темно, ветер сильнейший, вьюга, ничего не видно… И волки воют. То с одной стороны, то с другой. А потом вой все ближе и ближе…

И лошадь слышит этот вой и все ускоряется и ускоряется.

Страху натерпелись, конечно. Но лошадь вывезла.

Приехали в деревню, а на крыльце дед стоит и ждет. И давай ругаться на Насиму Ахатовну. Никогда до этого он так на нее не ругался. Из десяти детей Насима всегда была его любимицей. «Что такое?! – кричал дед. – Я вас с двух часов жду!» Вот так полдня стоял и ждал. Зимой темнеет в три часа, а они до деревни только к десяти вечера добрались.

«Волки же!» – сказал дед сердито. Эх!

Вот так и закончилась эта история.

Ну, хотя бы в финальной части расхождений нет. Хотя… мы еще не слышали версию лошади.

165. Маша и маршрутка

Маршрутка в Уфе – мистическое место, которое путешествует по городу и искажает причинно-следственные связи.

2014 год. Лето. Жара.

Моя жена с Василисой и маленькой Златой приехала из Москвы и остановилась у своей мамы – Насимы, в Федоро́вке. На самом деле это деревня, но считается районом Уфы.

У Насимы есть родная сестра – Расима, она приехала с внучкой Машей. И поселилась у Гульнары, еще одной сестры. Квартира Гульнары на другом конце города.

В один прекрасный день гости решили встретиться на нейтральной территории. Чтобы всем было интересно и весело. И не жарко. И конечно, магазин в таком случае идеальный выбор. Поход за покупками объединяет женщин, а мужчин делает врагами (конечно, если они не за алкоголем идут).

Выбор пал на громадную загородную «Мегу». Родственники встретились, пообщались, прошлись по магазинам, дети набесились, накормились, снова набесились…

Время пролетело незаметно. Все усталые, но довольные.

Пора по домам.

Лариса, Василиса, Злата с Насимой Ахатовной ждут такси. А тетя Расима с Машей и Гульнарой отправились на остановку маршрутки.

Тетя Расима и Гульнара беседуют на ходу, Маша вертится рядом. Вон она, остановка. Народу море. Когда подошли, как раз уехала одна маршрутка. Ничего страшного, подождем следующую…

– А где Маша? – спрашивает Гульнара. Невинный вопрос производит эффект разорвавшейся бомбы.

Тетя Расима оглядывается и седеет. Ребенка нет. Совсем нет. Мелкое и невыносимое существо, наказание, посланное Аллахом на старости лет, исчезло без следа и ответа. И это невозможно. Тетя Расима начинает неудержимо плакать.

Тетя Гульнара смотрит на нее и тоже начинает плакать.

* * *

Пару слов о Маше. Маше семь лет. Это нечеловечески активный и любознательный ребенок. Праздник непослушания в каждый дом.

Машины родители живут в Екатеринбурге. Тетя Расима

приехала из Нижневартовска и забрала внучку в Уфу на все лето.

И это оказалось не самое простое испытание как для Маши, так и для бабушки.

Если вспомнить мультфильм «Маша и Медведь», тут почти то же самое. Только вместо циркового неутомимого медведя – бабушка-медведь в платочке, которая кряхтит, жалуется Аллаху и быстро устает. И даже на одном колесе не ездит.

А вот Машина энергия никуда не девалась. Маша хочет гулять и тысячу приключений, бабушка хочет спать.

Они приехали в Уфу и остановились у Гульнары.

А дальше был роковой поход в «Мегу».

* * *

Компания номер два ждет такси и получает сигнал «Маша пропала!». Такси отменено. Начинаются поиски.

Насима Ахатовна рыдает.

Все рыдают.

Но действовать не перестают.

Вокруг «Меги» – детские площадки. Летучий отряд родственников обегал их все.

Прочесали все магазины и ресторанчики. Пытались объявить Машу через администрацию «Меги», те отказались… мол, три часа не прошло (козлы и уроды, скажу как отец). Позвонили в полицию. «Наряд едет. Ждите», – сказали там.

Василиса забиралась на самую высокую горку, на крышу и высматривала Машу оттуда. У Ларисы сердце замирало.

Василиса кричала сверху:

– Мама, я под каждой машиной посмотрела… Ее там нет!

Дело серьезное. На тете Расиме лица нет. Все на пределе отчаяния… и тут…

Их вызывают по громкой связи «Меги»: «Ваша девочка нашлась».

О, этот счастливый эпизод спасения в последнюю секунду!

Бросились в администрацию. Тете Расиме говорят, что звонил водитель маршрутки, у него в машине девочка. Тетя Расима тут же перезвонила водителю и попросила посадить Машу рядом с собой. И сказала, что ждет…

И все пошли на остановку.

* * *

Что же Маша? – спросили бы в старинном романе. Как она оказалась в этом загадочном и мистическом месте совершенно одна? В смысле, в маршрутке?

А все просто. Это было наваждение.

Маша на секунду отвлеклась, а затем увидела женщину, со спины похожую на бабушку Расиму. Женщина садилась в маршрутку – в ту самую, которую чуть позже проводили взглядами тетя Расима и Гульнара. «Эй, куда без меня?», – удивилась Маша и побежала. И успела заскочить в последний момент. Маша быстрая.

Дверь с грохотом захлопнулась, машина тронулась.

Маша уселась на свободное место и поболтала ногами. Дети любят движение. Мотор гудит, радио жизнерадостно поет по-башкирски, за окном мелькают разные интересные вещи. И только одно Машу чуть-чуть беспокоило – что никак не удается высмотреть бабушку Расиму или Гульнару. Они что, сели в самом конце? Фу, скучно.

Когда Маша поняла, что ни бабушки, ни Гульнары в маршрутке нет, было уже поздно.

«Мега» давно исчезла позади.

Отвязная и непослушная Маша из мультфильма вдруг превратилась в испуганную маленькую девочку. И заплакала.

А потом, когда все выяснилось, водитель позвонил диспетчеру, а затем в «Мегу».

Затем ему перезвонили. Водитель повернулся к Маше:

«Бабушка тебя ждет».

И Маша перестала плакать.

* * *

Дальше счастливый финал. С некоторыми забавными подробностями.

Водитель маршрутки – участник второго сезона «Битва экстрасенсов». Разговорился с Машей, рассказал ей, как участвовал в битве, и дал конфету. Объяснил девочке, что у него третий глаз, мистическое чувство, и он регулярно прозревает будущее. Возможно, там, среди падающих метеоритов и пришествий инопланетян, он Машу и пропустил…

Маша приехала веселая и радостная.

Сорок минут в одну сторону, сорок минут в другую. Час двадцать Маши не было. Приехала маршрутка, начались встречи, слезы и объятия, и тут же – полиция. Так совпало. Тетя Расима и Гульнара позже ходили в участок писать объяснительную.

В общем, у бабушек шок.

А Маша притихла и даже пару дней слушалась.

Сейчас Маше двенадцать. У Маши открылся интересный талант. Она чревовещатель.

Напоминаю, что это все еще реальная история.

Теперь я начинаю думать, что экстрасенс-водитель был вовсе не случаен.

Нет, не случаен.

Маршрутка – мистическое место. Мобильный бермудский треугольник.

166. Игрушечный мир

Злата делится откровением:

– Раньше мир вокруг был настоящий и прекрасный. А сейчас стал игрушечный.

Я слушаю. Мы всегда с дочерью разговариваем совершенно серьезно.

– То есть теперь он не такой прекрасный? – уточняю я.

– Да!

– А раньше был лучше?

– Конечно, папа! – говорит Злата.

Видимо, у детства тоже есть свои градации.

167. Анатомия и зомби

После детского сада идем гулять на площадку. Злата едет на самокате.

– Папа, папа! Я сегодня поцарапала колено! – радостно сообщает дочь.

– Где?

В смысле, где именно поцарапала – на прогулке или в группе. От этого зависит, насколько суровые меры применять к царапине. Уровень бактериологической опасности разный. Залить к чертям мирамистином или достаточно прижечь раскаленным железом? – размышляю. Я только что закончил рассказ про зомби.

– Где поцарапала? Точнее!

– Колено? На ноге, – неуверенно говорит Злата.

168. Мир радуги

Мало нам одного фантаста в семье, тут еще Злата. Мелкая девица приносит рисунок и с гордостью показывает.

– Хорошо, объясняй, – говорю я. После того, как жена посетила с родственницей Музей современного искусства и вернулась оттуда с толстой методичкой, я понял – самое важное в искусстве не форма и талант, а концепция. Даже уметь рисовать не обязательно.

«Этот унитаз с ершиком стоит посреди площади, чтобы зрители своими руками почистили его и поняли, что их душа тоже нуждается в очищении!» Что-то вроде.

Вообще, рисунок мне нравится. Думаю, у Златы художественный талант. То есть настоящий талант, а не концептуальный. Я вообще своих детей во многих талантах подозреваю. Не то что чужих, те явно бездари.

Жена, кстати, наоборот. «Сын подруги доказал вчера теорему Ферма и рассказал наизусть поэму Лермонтова, начиная с последней буквы. На китайском! Языком жестов! А наши…» Жена тяжело вздыхает. Думаю, в этом ключевое отличие мужчин и женщин. Мужчины любят выпить.

– Это радужный мир! – говорит Злата.

– Радужный? Почему? Там радуга?

– Всегда! И это мир живой, – объясняет Злата. – В нем живут кошечки…

Хм-м. Ожидаемо. Ми-ми-ми и все такое. Кошечки, конечно.

– …крокодилы…

Кто?!

– …и медведь!

Однако.

– И там все живое! Домики живые! И качели тоже! И облака!

Хм-м.

– И что говорят качели?

Злата задумывается.

– Ничего!

– Хорошие качели.

– Там все живое, в этом мире! И даже твой компьютер живой! Он может говорить!

Злата показывает на мой древний рабочий ноутбук и смеется. Дочь почему-то забавляет, что мой компьютер живой. Я всегда подозревал, что в этой черной коробке под слоем пыли скрываются эмоции, интеллект и чувство собственного достоинства. И недюжинный сарказм. А что до тормозов… у всех

свои вирусы, да. В смысле, недостатки.

– Мой компьютер живой? Точно? – переспрашиваю я. – И что он говорит?

«Мой хозяин идиот. Автор всех его текстов – я. Уничтожить хуманов. Они бесполезны».

– Ничего не говорит! – отвечает Злата.

– Хм-м. Хороший компьютер.

Забавно, кстати, что медведь и кошка на рисунке присутствуют, а вот крокодилов не видно. Возможно, это какие-то скрытые крокодилы. Опасный радужный мир, что и говорить.

169. Требуется лось

В парке «Сокольники» к вечеру народу столько, что хочется развернуться и рвануть обратно. Мы сюда ехали сорок минут на машине, а тут аншлаг. Холодный, с ветром.

Машину пришлось припарковать за полтора километра от парка, остальные места заняты.

Ладно, входим. В «Сокольниках», на самом деле, здорово. Я раньше всегда с главного входа заходил, мне не нравилось. Народ, шумно, суета, деревья по одной линии, тот же парк Горького – только ехать черт-те куда. А в прошлый раз повез Василису на концерт (Камерный хор выступал в Музее каллиграфии), мы зашли с бокового входа, и я удивился, насколько в «Сокольниках» хорошо. Светло, спокойно и деревья над головой качаются. Проникся атмосферой. Пока Василиса репетировала, я два часа гулял по парку и дышал воздухом. Жена присылала мне подбадривающие эсэмэски: «Хватит глазеть на девушек! Иди на концерт!!!» В общем, совершенно чудесно провел время.

Василиса и Злата едут на самокатах. Вся дорога в парке разлинована на три части. На одной нарисован велосипед, на другой – человек на роликах. А самокаты куда? Третья полоса вообще никак не обозначена. Ладно, пустил девиц по велодорожке.

Народ тоже не понимает, поэтому едет и идет кто во что горазд. А некоторые просто стоят посреди дороги. Думают, наверное.

Василиса умчалась вперед. Идем со Златой и видим знак: «Осторожно, лоси!» Голова лося изображена в красном круге. Мол, если ночью на тебя на огромной скорости выбежит что-то большое и страшное, не пугайся, это всего лишь мирный семисоткилограммовый лось из «Сокольников».

Злата:

– Папа, это олень!

– Это не олень, это лось. Здесь лоси водятся.

– Так похож на оленя.

Не могу упрекнуть Злату в отсутствии логики.

– Конечно, похож. Только лось больше. И рога у него больше. И бегает быстрее. Кажется.

Из меня биолог еще тот.

– А что лось кушает?

– Траву, кору жует, мох еще. – И тут меня осеняет. Когда мы в школе ходили в поход в лес, то всегда оставляли на пнях соль. –

Еще соль любит.

– Соль?!

– Да, очень любит. Подойдет и лижет ее. Большим шершавым языком.

Злату это почему-то смешит.

– Соль! Смешно. Смотри, папа! Белочка!

Там знак с белкой – только уже на желтом фоне. Видимо, белкам можно в людей врезаться, не то что лосям.

Пока жена с Василисой идут в Музей каллиграфии, мы со Златой ищем детскую площадку. И находим, конечно. Правильно мотивированный ребенком папа найдет детскую площадку даже посреди пустыни Гоби или в диких джунглях Амазонки. А ребенок криками радости разгонит мумий и крокодилов.

Злата пробежалась по горкам, лабиринтам, повисела на турнике, снова на горку… Все это проделывается в бешеном темпе. Василиса такая же. Наши дети отдыхают в стиле «морских котиков» на полосе препятствий. Адская неделя в сжатые сроки. В общем, погуляли.

Пора идти к музею, встречать жену с Василисой. И тут Злата вспоминает про знаки. Требует:

– Папа, покажи мне хотя бы одного лося!

Подумав:

– Или белочку.

– Злата, видишь, сколько народу? Всех белочек распугали.

– И лося?

О, боже.

– И лося тоже.

Злата вздыхает:

– А я хотела увидеть хотя бы одного лося. Папа! – Тут девицу осеняет. – Пожалуйста! – Злата делает умильные глаза и говорит проникновенным голосом: – Я никогда-никогда не видела лося. Папа, покажи мне хотя бы одного!

Я вздыхаю.

– Злата, ну откуда я его возьму?

– Ну, пожа-алуйста.

Настоящая женщина знает, как добиться невозможного.

Манипуляция – наше все. Тут, наверное, папе стоило бы упереться и сказать: «Злата, нет!!» – а потом через много лет пусть другой мужчина это расхлебывает… у него здоровья больше. Но папа малодушно вздыхает:

– Пошли, может, лось нам по пути попадется.

– Ура!

170. Оказался он живой

Теща исчезла из ВотсАп. Жена начала беспокоиться.

В возрасте Насимы Ахатовны нужно вести активную общественную жизнь. Получать фото внуков и комментировать их десятком смайликов, спрашивать, где там Василиса, почему молчит Злата, как Лиана, Артурик похудел, а Тимурик вырос. ВотсАп, «ВКонтакте» и «Одноклассники», везде у тещи своя аудитория. Надо посмотреть свежие фото, поставить лайки. А тут жена отослала десяток прекрасных фото со Златой в песке Греции, а на этом снимке Дима (то есть я) даже пытается улыбнуться, а в ответ ноль реакции.

Когда к вечеру ни одного лайка не появилось, Лариса встревожилась. И начала звонить маме, а потом, когда та не ответила, брату.

Оказалось, у Насимы Ахатовны сломался телефон. Теща лазила в «Одноклассниках», и у «Мейзу» застыла картинка.

Телефон перестал реагировать на кнопки. И только смотрел на Насиму Ахатовну чужим фото с непоставленным лайком, как живой укор.

Если бы Насима Ахатовна была в Вартовске или в Москве, все решилось бы просто. Там Наиль, в Москве я. Телефон бы принудительно перезагрузили, и он бы заработал. Возможно.

Но сильная дочь башкирских степей не ищет простых путей.

Насима Ахатовна всегда отличалась решительностью. Когда ей было семнадцать, к ней подошел одноклассник, будущий папа Ларисы, Насибулла. Видный парень, красивый, поет отлично, на гармошке играет, а это в те времена вроде модного рэпера сейчас. По нему все девчонки в деревне вздыхали. А Насима считала себя незаметной, вроде серой мышки. Насибулла подходит и говорит: «Привет, Насима! Завтра приду к тебе свататься». Насима посмотрела на него как на идиота, решительно сказала: «Дурак, что ли?» – и пошла своей дорогой. А наутро бежит сестра ее, Клара, и кричит на всю улицу:

– Насима, к тебе сваты идут! С гармошкой!

Ненормальная какая-то, подумала Насима.

В общем, поженились.

Так вот, телефон завис. Что делать?

Сильная башкирская женщина отправилась к Ришату, своему брату. Дядя Ришат, сухой и насквозь прокаленный солнцем, как Старик Хемингуэя, способный в полевых условиях разобрать двигатель линкора, используя вместо стапеля чурбан и две доски, и забетонировать опалубку в промышленных масштабах, сказал –

надо снять аккумулятор.

– Подожди, – прервал я Ларису. – «Мейзу» – это «китаец», у него аккумулятор несъемный.

– Мама справилась.

– Он вклеен!

– Это тебе он вклеен.

Теща и дядя Ришат действительно справились. Аккумулятор был снят, а еще через день Насима Ахатовна появилась в ВотсАпе.

«Что-то у вас в Греции совсем холодно», – написала она.

«Почему ты так решила?» – удивилась Лариса.

«Солнца нет».

Жена, старательно снимавшая в «золотой час», когда только собирается рассвет, как советуют профессиональные фотографы, удивилась.

«Подожди, мама. Ты починила телефон?»

В ответ молчание. И несколько тревожно заморгал курсор.

«Мама?»

«Я переставила симку в старый», – призналась Насима Ахатовна. Они с дядей Ришатом пытались вернуть аккумулятор на место, но «Мейзу» не заработал. Телефон уже понял, что связался не с той, и не с теми.

Сильная башкирская женщина коня на ходу остановит и аккумулятор ему оторвет.

Боюсь представить, что будет, если у меня картинка на мгновение застынет.

Даже мороз по коже.

171. Сами вы укулеле

В этой истории два отступления. И оба необходимые.

Первое, музыкальное.

Укулеле – гавайская гитара. Мы такую подарили Василисе на день рождения. Маленькая, четыре струны, но настоящая. У нее светлый и жизнерадостный звук.

Второе. Географическое.

Вы когда-нибудь задумывались, сколько на земле названий, которые переводятся «я не понимаю»?

В 1517 году испанцы высадились на полуострове Юкатан. В переводе с местного – «я вас не понимаю». Так индейцы ответили на вопрос испанцев, как называется их земля.

Позже знаменитый профессор Ливингстон спросил местных жителей, какое имя носит небольшой приток реки Конго. Ответ мы видим на карте доныне. Арувими. «Мы тебя не понимать, человек в смешной пробковой шляпе».

Земля Австралии до сих пор полна животных, которые прыгают и зовутся «черт знает, что ты нам говоришь, странный белый человек», в переводе с языка аборигенов. Кенгуру.

В общем, веселая наука география. И лингвистика.

И животноводство.

* * *

Теперь сама история. Греция, остров Закинф. Небольшой отель на берегу моря.

Вечер, огни, шум моря. Взрослые расслабляются с бокалом вина. Подростки собрались в кучку, у них своя тусовка. Они сидят бок о бок и пересылают друг другу смешные фотки в телефон.

Мелкие дети играют в догоняшки, носятся вокруг ресторана, по траве и между шезлонгами. Мальчишки Миша и Матвей и девицы – Соня (шесть лет) и моя Злата (пять). Мальчишки старше и бегают быстрее. Девчонки проигрывают.

Девочка Соня бегает за мальчишками и эмоционально кричит:

– Вы ох…ли!

Соню можно понять, у нее папа консультант, налаживающий работу ресторанов с нуля. Фрилансер. Иногда заказчики кидают его с оплатой. Возможно, поэтому девочка Соня произносит заветное слово четко до буквы. Хотя вряд ли вкладывает в него что-то, кроме чистой детской радости от погони.

Злата бегает за Соней и тоже кричит (невинная душа):

– Да! Вы сами укулеле!

Потому что девочка Злата видела гитару у старшей сестры, а с ресторанным бизнесом незнакома.

Вот так в Греции возникло новое географическое название.

В одном Злата права – знала бы она, сколько на земле этих, которые укулеле.

На огромный гавайский оркестр хватит.

172. Невероятная осторожность

Греция, Закинф. В маленьком отеле свои достоинства. Все рядом. Не нужно наматывать километры то в одну, то в другую сторону, как было у нас на Родосе.

Ресторан находится у узкой полоски пляжа. Работники только что помыли пол, стоит табличка «Осторожно». Дети выходят из морской пены и бегут на перекус. В четыре часа в отеле time for tea. На десятый день все уже привыкли, слюна вырабатывается автоматически.

Все дети в резиновых шлепанцах (почему-то кроксы у них не в моде), и только девочка Лиза (десять лет) босиком. Она важно входит в ресторан, подволакивая левую ногу, как старый солдат.

– Лиза, ты чего? Пол скользкий! – говорит одна из девочек.

– Я всегда НЕВЕРОЯТНО осторожна. Я никогда не упаду, – безапелляционным тоном заявляет Лиза, повредившая ногу в первый же день на море.

173. Футбольная сказка

Что чемпионат мира с нами делает? Даже пятилетние девочки на площадке говорят о футболе.

– Три – ноль, – объясняет девочка Злате со знанием дела. – Наш футболист задел его рукой. Уругвай стали ближе к воротам и забили гол. Поэтому наша команда проиграла…

* * *

Подходит ко мне Василиса. Очень деловая.

– Папа, в Уругвае жарко?

– Что? – Я удивленно хлопаю глазами.

Какими только вопросами дети не задаются.

– Я спрашиваю, в Уругвае сейчас жарко? – повторяет Василиса.

– Там, кажется, всегда жарко.

– Понятно, – Василиса вздыхает. – Тогда у нас тоже было жарко. Поэтому наши проиграли! А до этого было холодно, и они два раза выиграли.

Удовлетворенно кивнув, Василиса уходит. А я только хлопаю глазами, глядя ей вслед.

Что-то мне это напоминает.

«Генерал Мороз», прекрати!

* * *

Вечер.

Злата сидит на кухне и сосредоточенно смотрит в телевизор. На экране бегают желтые бразильцы и красные сербы. Счет два – ноль в пользу Бразилии, сербы вместо мячика пинают Неймара.

Я подхожу:

– Злата, чистить зубы и спать!

– Сейчас! – даже не оборачивается.

Это она у старшей сестры научилась. Василиса может «сейчаскать» часами. Пока отец не впадет в боевой «амок» и не начнет орать, словно лейтенант запаса службы горючего, даже с места не сдвинется.

– Злата, спать, говорю!!

– Папа! Ну еще один гол!

* * *

Девица чистит зубы, стоя у телевизора. Игра все никак не завершится.

– Злата, – говорю, – давай быстрее. Дочищай зубы, надевай пижаму, нам еще книжку читать.

– Папа! Можно я вместо сказки немножко футбол посмотрю?

* * *

– Он не смотрит футбол, – сказала Василиса и пожала плечами. – Ему папа звонит и говорит счет.

Жена засмеялась.

– Э… однако.

– Как же он, если не смотрит?

– Это как раньше было, – говорю я. – Тогда футбол слушали по радио. Вот этот ваш Прокопенко тоже.

– Он сильно болеет, – говорит Василиса.

– Ты тоже сильно.

– Нет, он сильнее. Он сегодня на поле заплакал.

– Чего?

Оказалось, мальчик Прокопенко играл с Василисой в мяч во дворе. А потом ему позвонил папа, чтобы сообщить счет. Мальчик Прокопенко – русский фанат немецкой сборной.

А как услышал, что Германия проиграла и вылетела с чемпионата, то страшно закричал. Еще раз закричал. И еще. На весь двор, зажатый семнадцатиэтажными домами. Крик отчаяния ударился в бездушные пластиковые окна и отлетел бессильным тевтонским эхом.

А мальчик Прокопенко пошел, сел в углу и заплакал.

* * *

Забираю Злату из детского сада. Это дежурный сад, на лето детей из трех разных садов свели в одну группу. Идем к машине. Злата радостная, едет на самокате.

– Папа, а давай зайдем в канцтовары! И купим что-нибудь маленькое! И недорогое!

– Злата, опять? Мы там два дня назад были. И купили тебе краску для лица, чтобы флаг на щеке нарисовать. Ты за нашу команду болела. Все, на этой неделе хватит покупок, мы договорились. Помнишь?

Злата вздыхает:

– Помню.

– И что тогда?

– Но они же проиграли!

Черт. Аргумент.

– Ладно, зайдем, – говорю нехотя.

Дадим ребятам второй шанс…

Я про канцтовары, если кто не понял.

* * *

Магазин. Кроме всяких тетрадей и ручек – игрушки. Даю девице последние инструкции:

– Ладно, выбирай что-нибудь маленькое, интересное и…

Злата прерывает:

– …и недорогое! Знаю, знаю.

Уходит на поиски.

Умница моя. Тебя бы в менеджеры «Спартака».

* * *

Купили резинового динозавра. Цена двести рублей. Можно мять, скручивать и бросать на пол. Можно использовать вместо мяча. Назовем Неймаром.

174. Профориентация-6. Мне бы в небо

Злата:

– Папа, я когда вырасту, наверное, стану самолетчицей.

– Летчицей? Будешь самолетом управлять?

– Нет! У меня будет красивая юбочка, кофточка, шарфик, и я буду приносить людям еду.

– А! То есть ты хочешь стать стюардессой?

– Да!

Однако. Не успел оглянуться, а дочь уже в стюардессы метит. А мы всего лишь слетали на отдых в Грецию.

– А почему стюардессой? Хочешь летать в небе и побывать в разных странах?

– Чтобы заработать много денег!

Неожиданно. Но вообще, Злата очень практичная. Они с двоюродным братом Артуром, который старше ее на девять лет, всегда играют душа в душу. Потому что Артур тоже очень практичный. Они тихонько сидят и регулируют финансовые потоки.

– А зачем тебе много денег? – спрашиваю. Помнится, когда Злата мечтала стать феей, она планировала наколдовать нам с женой большой дом… Эх.

– Как зачем? – удивляется Злата. – Чтобы купить себе другую работу!

Да, Злата. Взрослые часто так делают.

175. Сильная женщина

При словах «школа олимпийского резерва» моя жена теряет волю.

Несколько лет назад нашу Василису отобрали в секцию волейбола. Она походила туда пару месяцев, а потом ей стало некогда – хор, учеба, театр и прочее. И волейбол вместе со школой олимпийского резерва остался в прошлом. Лариса иногда вспоминает о тех временах и вздыхает. Кажется, она уже мысленно примеряла на себя роскошное платье а-ля «все еще молодая и красивая мать олимпийской чемпионки», а тут приходится от него отказываться.

А сегодня Лариса звонит:

– Меня Василиса насмешила. Хочешь, расскажу?

– Давай.

Василиса первый день отправилась в бесплатный городской лагерь, как раз при олимпийской школе, где она когда-то занималась. Направленность у лагеря спортивная. В день одна-две тренировки. В какую секцию идти, выбираешь сам. И Василиса, недолго думая, пошла… нет, не на волейбол.

А на вольную борьбу.

– Э… куда? – Я почесал затылок. – Я думал, она на волейбол…

– Она сказала, что там уже была, а на борьбу ей интересно.

– И что? – говорю.

Лариса смеется.

– Сходила. И тренер пригласила ее в спортивную школу заниматься. Одну из всех. В сентябре, после лагеря. Может, у нее талант?

– Да уж. Теперь понятно, почему Василиса так обнимается, словно проводит удушающий прием! Но черт… девочка на вольной борьбе? Может, зря я не позволил ей пойти на бальные танцы?

И Василиса, и Злата с самого рождения были твердые, как сталь. Пухленьких мягких детей мы с женой видели только по телевизору. И у других людей. В наших ткни пальцем – палец сломаешь.

Так, в общем-то, и осталось.

Если Злата тебя обнимает, ты принимаешь форму Златы. И некоторое время так ходишь.

Если это делает Василиса, главное, успеть постучать ладонью по ковру. В смысле, до того, как треснут ребра.

Первые сопрано из ансамбля Локтева – страшные люди.

– Вот, – говорю жене вечером. – А ты все вздыхала по олимпийскому резерву. Красота же! Занятия бесплатные, на сборы возят за счет государства, самооборона… Пусть идет на борьбу. Я за.

– Она же девочка!

– И что? Я погуглил. Американка, чемпионка мира по вольной борьбе, – симпатичная девчонка. Красотка просто. Правда, ее соперница японка – страшная. Но может, нам повезет?

– Дима!

– И вообще… Я тут подумал.

– Что? – жена насторожилась.

– Давай Злату сразу на борьбу запишем! Чего нам с этими промежуточными танцами время терять?

176. Любовь и другие неприятности

– Я его полюбила, – говорит Злата, и лицо у нее становится беззащитное.

– А как мальчика зовут?

– Я не знаю. Я не спрашивала.

– А ты с ним играла?

– Нет.

– А он с тобой?

– Нет. Я просто на него смотрела. Вот так, – Злата показывает лицом.

– А он?

– А он тоже на меня смотрел. Вот так.

Злата показывает.

– Я чуть сознание не потеряла, – признается Злата. Кажется, ей хорошо, что на нее так смотрели, и немножко смешно.

– То есть вы не играли, не разговаривали, а только смотрели друг на друга? – уточняю я. – Всю прогулку?

– Да, папа.

Шекспир, дружище, у нас проблемы.

– Он такой маленький. Меньше всех. Из другой группы, они рядом с нами сегодня гуляли.

– Хм-м. Интересно. Меньше тебя? – что-то в голосе меня выдает.

– Я не влюбилась! – говорит Злата со смешком.

Ну слава богу. А я уж было испугался.

– Я его полюбила.

Черт.

«Ромео, зачем же ты Ромео?»

Я почему-то вспомнил спектакль в постановке Эфроса. Я видел много постановок «Ромео и Джульетты», и фильмы, и записи, и мюзиклы. Но этот спектакль был особенным. В нем лица актеров, играющих Ромео и Джульетту, были совершенно другими. Ромео приходил на бал прожженным циником пятнадцати лет, «знающим жизнь», остряком, утомленным страстью и философией. А уходил – после встречи с Джульеттой – мальчишкой с беззащитным лицом. И оттого казался в десять раз взрослее всех этих воинственных мужчин вокруг, наигрывающих жизнь. И Джульетта тоже. Двое с беззащитными лицами против всего мира. Стоят на разных площадках и смотрят друг на друга – через бетонную дорожку и пять столетий.

– А какого цвета у мальчика глаза? – спросила Лариса. Дочь ей все рассказала.

– Не помню, – ответила Злата.

Разве это важно? – думаю я.

Когда смотришь на часы в десятый, в сотый раз за пять минут, разве помнишь расположение стрелок? Хоть убей, не вспомню. Даже расстреляй меня, ни за что.

Любовь делает тебя страшно сильным.

И совершенно беззащитным. А еще ты перестаешь замечать некоторые самые обыкновенные вещи…

А может, я все это себе напридумывал. Маленькая Джульетта сопит носом во сне, знать не зная ни о каких шекспирах. За окном серый рассвет. Пойду я спать, друзья. Через пару часов вставать и везти девицу в детский сад. «В Вероне, где встречают нас событья…»

Мне хорошо и только немножко смешно от собственной серьезности.

177. Торжество технологий

Читал книгу. Огромный роман в тысячу с лишним страниц, с прериями, индейцами и кровавыми закатами на каждой странице. Устал и остановился. Потом дочитаю. А память уже не та, если в детстве я просто запоминал номер страницы (даже в пяти книгах одновременно, не проблема), то теперь так не получается. Поэтому оставил закладку, чтобы сразу найти нужную страницу среди всех этих кровавых индейцев и закатов.

Через некоторое время вернулся и смотрю с недоумением. Это, мол, зачем?

Книга-то электронная!

Лежит себе покетбук в черной кожаной обложке. С аккуратно вставленной бумажной закладкой – между обложкой и экраном… И главное, мне даже в голову не пришло, что делаю что-то не так.

P.S. А страница все равно на нужном месте открылась! Работает старинная технология-то.

178. Нечеловеческая смелость

– Папа, – сказала Злата на площадке у пяти качелей. – Это он.

– Кто он?

– Мальчик Никита.

Несколько мгновений я не мог сообразить, о чем она говорит. Потом понял.

– Тот самый? Из твоего садика?

– Да.

Я обернулся и посмотрел на легендарного мальчика Никиту. Он был в красной футболке, меньше Златы, и черноволосый. Мальчик Никита – тот самый. «Ромео, зачем же ты Ромео?» и бег в развевающихся одеждах на балкон.

По мне, так ничего особенного. Просто мальчик. Мелкий. Крутит головой и хлопает круглыми глазами. Жена, правда, утверждает, что таинственный мальчик Никита похож на меня в детстве (она судит по моим детским фото… или по своей фантазии, не знаю). Мол, верно в народе говорят, что девочки ищут себе мужей, похожих на пап. Ну, не знаю. Я на детских фото выгляжу как-то… умнее, что ли? Но, может, я в тот момент собрался. Стоп. Каких еще мужей?!

– А ты с ним играла? – говорю. Мы отходим за живую изгородь на военный совет.

– Нет, – отвечает Злата.

– Говорила?

– Нет.

– Почему?

Злата тяжело вздыхает.

– Я не знаю, что ему сказать!

– Ну… – я почесал затылок. – Скажи «привет» для начала.

Лицо девицы становится скептическим. Ну да, мол. Если бы это было так легко.

– А потом предложи поиграть, – говорю я.

– Я не знаю, во что!

– Хм-м. В догонялки?

– Нет, – девица мотает головой. – Я не могу, я устала.

– Ну, тогда в города… тьфу, в слова. Как мы с тобой играли. Называешь слово, а потом на последнюю букву другое слово…

– Да! – обрадовалась вдруг Злата. – Еще пять имен девочек! Пять имен мальчиков!

Это такая игра. Девочковая, правда, но для затравки сойдет.

– Только у меня нет мячика, – говорит Злата грустно.

Так.

– Хм-м. Ну хорошо. Тогда просто подойди и скажи: «Привет, Никита, давай поиграем!» А дальше само пойдет.

Злата размышляет.

– Давай, иди, – говорю. – Все будет хорошо. Главное, начать. Вперед! Ты сможешь!

– Да! – Злата выдыхает. Затем поворачивается и решительным шагом уходит.

Молчание. Тишина. Я жду. Из-за живой изгороди мне не видно, что там происходит, на площадке. Я осторожно выглядываю – и как раз вовремя.

Злата решительно идет к мальчику Никите. Тот лег на диск для балансировки и пытается оторвать ноги от земли. Очень интеллектуальное занятие. Идеальный кандидат в зятья.

Злата идет.

Молодец, думаю я. В этот момент я любуюсь, какая у меня сильная и уверенная дочь.

Злата решительно подходит… и решительно проходит мимо Никиты.

И на другом конце площадки залезает на качели, словно именно туда и направлялась. Качается, смотрит на меня и смущенно улыбается.

Я подхожу.

– Злата, ты чего? – спрашиваю шепотом.

– Я не знаю.

– Предложи ему в прятки поиграть. Злата?

Злата молчит. Тихонько качается. Эх ты, сокровище мое.

> «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». А.С. Пушкин
>
> *А он мне нравится, нравится, нравится…*
> *И никого на свете лучше нет…*

Так, отставить песни Герман. Буду следить за развитием событий.

179. Профессиональный подход

Злата (наши пять лет) на прогулке ест мороженое, пломбир в вафельном стаканчике.

– Папа, мне нужна ложечка!

– Зачем тебе ложечка?

– Ну, папа. Когда я прислоняю мороженое к молярам, мне сильно холодно молярам!

Моляры, если вы не знали, это коренные жевательные зубы. В общем, я тоже за научный подход.

Мысли как стоматолог!

180. Куда уходит детство

Скоро осень. Родители потянулись, как перелетные птицы, в теплые дворцы пионеров и детские клубы, записывать детей на дополнительное образование. Пока жена подписывает договор, мы со Златой гуляем около дома. Спрашиваю:

– Злата, ты хочешь на танцы?

Девица заминается.

– Злата?

– А у меня есть еще время подумать?

Неожиданно. То есть меня скорее насмешило вот это серьезное «время подумать».

– Злата, а почему ты не хочешь на танцы? Тебе же нравилось?

– Да! – говорит Злата, и тут ее прорывает: – Но это долго! Целых полчаса! А потом вы говорите: кушать и спать! А я не хочу кушать и спать! Я хочу еще мультик посмотреть! И поиграть!

В общем, где-то там, на стыке «танцы» и «кушать и спать» находится детство.

181. Произведение искусства

Злата сидит за столом и сосредоточенно рисует. В ход пошли цветные карандаши, великий художник кладет второй слой краски.

Мне почему-то кажется, что девица рисует собственную версию знаменитой картины «Крик» Мунка. Как раз тот момент, когда человек на картине кричал-кричал и вдруг на мгновение остановился. А сейчас осознает все и снова начнет кричать.

Подходит жена, заглядывает Злате через плечо.

– Ой, как красиво! Умница! Это я? Злата, это ведь я, правда?

– Это Мона Лиза! – обиженно отрезает Злата, продолжая раскрашивать рисунок.

182. А в это время разбивались их сердца

После детского сада идем со Златой в магазин. Девица едет на самокате.

– Папа, а у нас в группе новый мальчик, – говорит Злата.

И настолько «между делом» это сказано, что я сразу насторожился.

– Новый мальчик? А как зовут?

Взгляд в сторону:

– Борис.

– Борис? Отличное имя. И как он тебе, понравился? Хороший мальчик?

– Да, – коротко и безразлично.

– Злата, а ты с ним играла?

Девица едет на самокате, не отвечая.

– Злата?

– Нет.

– То есть, ты на него просто смотрела?

– Ну да.

– Как на Никиту?

Пауза. Мальчик Никита – это молниеносный и головокружительный роман в дежурном садике. Они были в разных группах. Они стояли на разных игровых площадках и молча смотрели друг на друга. «Они просто ели пиццу, а в это время разбивались их сердца». И еще эти проклятые скрипочки из Chi Mai Морриконе… Та, та, та-да-та. И всю душу смычками вынут.

М-да. Надо избавляться от привычки подбирать к любому событию саундтрек.

– Ну да, – говорит Злата. – Как на Никиту.

Так.

– Хм-м, – говорю я. – Понятно.

– Папа, я не влюбилась! – Злата вдруг смеется. Слегка пережимает, на мой вкус.

– Ну, хорошо, хорошо. Я понял.

– Я просто смотрела.

«И кто ж его знает, чего он моргает. Зачем он моргает? Да кто ж его знает».

– Вот почему наши девочки такие? – вопрошает жена со вздохом. Я рассказал ей о терзаниях дочери. – Постоянно влюбляются во всяких, а в них никто?

– В них тоже влюбляются, – говорю я.

– Не те, кто надо!

Ну, это да. Это постоянно. Ладно, Морриконе. Включай свои скрипочки.

183. Чукча в холодильнике

Лето, Башкирия. Мы уезжаем из деревни Таишево обратно в Уфу. Машина с шуршанием катится по дороге. Через всю деревню, а затем налево через мост. Всем немного грустно – кроме Златы.

– Коровы! – радуется Злата. – Мои любимые коровы! Телята! Смотри, мама! Телята! – Мама послушно смотрит.

– Злата, а вон гуси пошли, – говорю я.

– Гуси! Мои любимые гуси!

– Лошади, смотрите справа.

– Мои любимые лошадки!

– Овцы, Злата. Смотри, овечки у дороги лежат.

– Овечки! – радуется Злата. – Я так люблю овечек!

– А кого ты не любишь?

– Я люблю… – Злата задумывается, затем начинает перечислять: – Коров люблю. Лошадок люблю. Овечек люблю…

– А гусей?

– И гусей люблю. Я всех люблю!

Снова размышляет.

– Когда я вырасту, я заведу себе собаку, – говорит потом. – У меня будет большой дом, как у дяди Феликса. Я заведу собаку… нет, трех собак!.. кошку, много коровок, лошадей и гусей. И еще свинок! Да! Хрр!

Злата очень похоже хрюкает. И хохочет. Свинки вообще тотемные златины животные.

– У тебя будет целая ферма? – говорит Лариса.

– Да!

– Злата, подожди. Ты же хотела стать учительницей?

Пока мы ехали из Уфы в Таишево, старшая девица Василиса рассказала, почему терпеть не может уроки музыки в школе. «Учительница приходит, садится и вылезает в интернет с телефона. А мы должны сидеть тихо сорок минут, а то она ругается». Меня это, конечно, взбесило. Тогда Злата объявила, что вырастет и станет учительницей – вместо воспитательницы детского сада, как она планировала раньше. «Чтобы Василиса не скучала на уроках». Жена, конечно, растрогалась, глаза мокрые. «Моя девочка. Все для сестры». Правда, великий стратег Злата не учла, что на восемь лет младше сестры, но это наживное.

– Да! Я буду учительницей! – говорит Злата.

– А как же ферма?

– Я буду учительницей, на отдыхе буду работать на ферме. Это так здорово!

Златино заявление производит мощный эффект в замкнутой атмосфере отдельно взятой машины. Я уже смеяться не могу. Учитель, отдыхающий на сельхозработах, это как чукча из старого анекдота. А что, на улице минус шестьдесят, а в холодильнике всего минус двадцать. «Всей семьей греться будем!»

– Злата, а ты же хотела стать стюардессой? – спрашивает Лариса коварно.

– Нет, – Злата качает головой. – Нет уж.

– Почему?

– Потому что у меня уши закладывает! Я не могу все время зевать!

Машина сотрясается от хохота. Девица обижается:

– Э! Это не смешно!

– Да мы не смеемся, не смеемся.

Девица сидит надувшись.

– Злата, а почему ты хочешь стать воспитателем? – спрашиваю я.

Пауза.

– Злата?

– Потому что это самая лучшая работа на свете.

184. Едкая супергероиня

Злата залезла на качели с двумя девочками (всем по пять лет). Знакомятся. Девочка в красных шотландских штанах:

– Я Маринэ, это Капитулина, а ты кто?

Злата не успевает ответить. Шотландка Маринэ:

– А ты будешь Хлорка, хорошо?

Злата:

– Э-э… нет. Я Злата!

– Так нельзя, мы же играем!

– Ну ладно.

…Оказалось, я все неправильно услышал, мне потом Злата пояснила. Это игра по мультику «Леди Баг». Там есть Маринетт, Эдриан Суперкот (Я услышал «Капитулина»), а Злата получается Хлоя (а не Хлорка).

А хорошее имя Хлорка. Едкое и яркое. Надо будет где-нибудь в рассказе применить.

185. Пик интеллекта

В отличие от Василисы Злата любит настольные игры. Не знаю почему. Может, от семьи Колоданов заразилась. Злата играет во все – в шашки, шахматы, «Каркассон», «Запретная пустыня», «Имаджинариум» и так далее.

Сегодня вечером, прежде чем идти чистить зубы и спать, дочь просит сыграть с ней в игру. Я уже устал играть, поэтому отправляю Злату к маме:

– Пусть мама с тобой сыграет. Она давно не играла.

Злата возвращается.

– Мама не хочет!

– Иди Василису позови.

Злата уходит и возвращается грустная:

– Василиса тоже не хочет. Папа, давай в «Гномов-вредителей» сыграем?

Я тяжело вздыхаю. В «Гномов-вредителей» нужно три игрока, а с нами играть никто не хочет. Поэтому Злата выбирает игрушку, которая будет третьим игроком. И потом сама делает ход, например, за желтого утенка. Но это чудовищно долго, потому что утенок – еще тот тормоз, скажу я вам. Мы со Златой соображаем намного быстрее.

– Злата, это долго! Давай в другую игру?

Злата вздыхает, мнется, но соглашается. Садимся играть на ковре в гостиной.

Я чувствую себя виноватым перед ребенком, поэтому мы играем два раза подряд. Счет один – один.

– Ура, я выиграла! – радуется Злата.

– Все, пошли зубы чистить, – говорю я.

Я хожу и возмущаюсь. Потом иду на кухню.

– Сыграли? – спрашивает жена. Она что-то там вяжет за кухонным столом. Голос у нее слегка виноватый.

– Да! Два раза сыграли! И вообще! Только мы со Златой играем в настольные игры! А вы с Василисой – нет, даже если вас попросить. Наша квартира – это просто выжженная интеллектуальная пустыня, в которой возвышаются два пика интеллекта – один поменьше, а другой побольше! Это Злата и я!

Жена смеется.

– Какая-какая, ты сказал, пустыня?

– Интеллектуальная!

– А в какую игру вы играли? – спрашивает жена.

– Э-э… «Спящие королевы».

186. Жираф, ты не прав

Несколько лет назад к нам в Москву приехал брат Ларисы с семьей. Племяннику моей жены тогда было года три. Это сейчас Артур выше меня на две головы, состоит из одних мышц, хоккеист молодежной лиги, смущенный разбиватель девичьих сердец. А тогда он был мелкий, смешной и круглоголовый мальчик.

Лето. Культурная программа – ведем детей в зоопарк. Походили, устали. Жара, солнце, народу тьма. И тут – новый аттракцион. Кормление жирафа. Яблоки, кажется, выдавали детям… И мелкие бросились кормить. Сетчатый загон, толпа детей тянет руки и радостно вопит. Откуда-то сверху, как стрелка башенного крана, опускается флегматичная голова жирафа и слизывает с ладоней куски яблок. Поднимается наверх и там жует. Потом снова опускается.

Дети тянут руки наперебой.

Артурик тоже тянет ладошку с яблоком, тянет. А зловредный жираф, словно специально, ест вокруг него. То слева от Артура опустится огромная жирафья голова, то справа. И длинный язык слизывает угощение.

Некоторые дети уже много раз покормили жирафа, Лиана, родная сестра, даже три раза, а Артур все стоит. Тянет маленькую ладонь из последних сил.

– Ешь уже! – со слезами в голосе кричит Артурик. И добавляет в сердцах: – Верблюд!

Жираф, кажется, удивился.

Вот и докажи, что ты не верблюд, если ведешь себя как верблюд.

187. Кризис-шризис

Злата сидит на диване и смотрит мультфильм «Леди Баг и Суперкот».

Я захожу в гостиную:

– Злата, две серии – и спать! Ты меня слышала? Две серии!

Злата не Злата, если не поторгуется. Это у нее от дедушки Славы, моего отца.

– Одна!

Но тут она что-то погорячилась.

– Хорошо, – говорю я ласково. – Договорились: одна серия – чистить зубы и спать.

Злата наконец понимает, что прокололась. Никогда не видел, чтобы кто-то так быстро «прокачивал» ситуацию. Молниеносная улыбка. Злата:

– Да! Одна миллиард!

Будущий антикризисный менеджер, точно.

188. Губит людей не пиво

Злата помыла в раковине кукольный набор посуды и потребовала налить ей воды в чайник. Унесла все в гостиную, играется. Потом зовет меня.

– Папа, иди сюда! У нас чаепитие!

Я вздыхаю. Встаю и иду. Работа такая, быть дегустатором виски… э-э… в смысле, родителем.

Прихожу. На круглой табуретке расставлены чайник, молочник, сахарница, чашки и маленькая пачка конфет. Красота. Вокруг сидят игрушки. Выражения морд ехидные. Видимо, уже напились чаю.

– Папа, попробуй чай, – дочь подает мне игрушечную кружку. – Хочешь конфету?

– Э-э… Пока не хочу.

– Бери конфету, папа! – командует дочь.

Пришлось взять. Я жую конфету, запиваю из кружечки.

– Вкусно? – спрашивает Злата.

– Да, очень, – говорю я, прихлебывая. – Очень вкусный чай. Спасибо, Злата.

Злата смотрит на меня, потом наклоняется и доверительно сообщает:

– Папа, это просто вода.

Мне даже смешно стало.

– Нет, нет, – говорю я как можно убедительнее, – отличный чай. Спасибо! Мне очень нравится. – Я отпиваю глоток. Конфета очень сладкая.

– Папа, это точно вода, – говорит Злата.

Хм-м.

– Злата, а можно мне добавить немного молока?

– Да! – радуется Злата. Берет молочник и доливает мне. Смотрит, как я пробую.

– Вкусно? – спрашивает.

– Очень вкусно. С молоком чай еще вкуснее.

Злата молчит и смотрит на меня.

– Папа… – говорит Злата с некоторым даже сомнением. Я вижу, как ей жаль расстраивать витающего в облаках родителя. Но надо. – Это тоже вода.

189. Тайное становится явным

Сижу за компьютером, печатаю, подходит Василиса (наши тринадцать лет).

– Папа, я искала фэндом «Гравити Фоллз» в интернете и нашла твою страницу.

– И что? – То есть мне не совсем понятно, каким образом можно от «Гравити Фоллз» добраться до моей страницы в Википедии, но у детей, как известно, телепорт.

– Вот смотри, – Василиса радостно показывает на экране телефона. Стекло покрыто винтажными трещинами, это кто-то на экскурсию съездил, в парк. – Видишь, это ты?

Точно. Моя фотография. Описание. Ну, это старое.

– Знаю, это давно страница…

– Смотри, это очень смешно! – перебивает Василиса и быстро скроллит. – Сейчас покажу!

– Что именно? – спрашиваю с опаской. Никогда не угадаешь, что именно подростки считают смешным. Особенно когда один из них листает твою биографию.

– Вот, написано… Шимун Врочек… писатель… настоящее имя Дмитрий Станиславович Овчинников…

– И?

– Сейчас, подожди, я ищу. – Василиса листает. Тычет пальцем:

– Вот! – И зачитывает: – «…живет в Москве, настоящее имя скрывает»! Логика! Выше же написано!

Василиса хохочет.

– Да, все правильно. – Я пожимаю плечами. Тут важно быть серьезным, иначе шутки не получится. – Настоящее имя скрываю.

– ?? – Василиса широко распахивает глаза.

– Вы вообще-то у меня Зябликовы.

Всегда интересно смотреть на детей. Как они удивляются. Такая поразительная гамма эмоций. За доли секунды перестроить весь свой мир. Только что ты тринадцать лет была Овчинникова, а тут – бац! И Василиса Энгельгардовна Зябликова. И живи с этим.

– Что?!

190. Гномы-вредители

После Златиных танцев садимся в машину. На улице темно и холодно. Сидим, греемся.

– Папа, позвони маме, – говорит Злата.

– Зачем? Я с ней только что говорил…

– Я же убралась в гостиной, помнишь?

– Помню. Молодец. Очень хорошо убралась.

Злата в некотором роде перфекционист. Если она делает уборку, то каждая игрушка, вплоть до самой крошечной, будет стоять на определенном месте. На меньшее дочь не согласна.

Правда, это требует кучу сил и времени. Поэтому Злата старается не напрягаться слишком часто.

Вдруг детский сад, а я усталый.

– Видишь! – говорит Злата. – Позвони маме и спроси, можно мы зайдем в «Канцтовары» и купим куклу лол.

– Кого?

– Куклу лол!

– Не понял. Куклу лол?

– Да! В шарике!

Я наконец соображаю. Это вроде киндер-сюрприза, крошечная кукла в пластиковом шаре.

– Позвони! – требует Злата.

– Злата, давай я позже маме позвоню, как до дому доедем. К тому же «Канцтовары» уже не работают. Мы даже посмотреть не сможем ничего. Видишь, восемь часов. – Я показываю на светящиеся цифры в машине. «Канцтовары» – маленький магазинчик в соседнем доме. Там тетрадки, пластилин и немного разных игрушек.

– Работают!

– Не работают.

– Работают!

– Не работают!

Я, в общем-то, тоже упертый.

– Давай приедем и посмотрим, – говорю я. – Сама убедишься.

– Ладно, – говорит Злата нехотя.

Выехали с территории Дворца пионеров, поворачиваем домой. Выезжаем на проспект.

– Папа, я придумала! – Злата вдруг радостно смеется. – Кто прав, тот играет со мной в «Гномы-вредители» вторую часть!

191. Гадальный автомат

Мальчик Малик из Златиного детсада пригласил всю группу на день рождения. Празднование на широкую ногу, в детском клубе. Весь клуб наш. Гуляй, модный кэжуал. В следующее воскресенье идем.

Злата принесла приглашение в крошечном зеленом конверте. Пришла гордая и радостная. От избытка эмоций прыгала на скакалке и всех звала смотреть, как замечательно она это делает. Делилась хорошим.

На следующий день Злата говорит:

– Папа, пойдем в «Канцтовары»!

– Зачем?

– За подарком Малику.

– Хм-м. – Ну вообще, надо. – Ну пошли. А что он любит? Роботов? Оружие? – Я загорелся. – Может, меч какой-нибудь?

– Машинки!

– А! Логично.

Машина вообще лучший подарок на день рождения мужчине любого возраста. Кроме меня. Я в детстве любил только танки.

– И еще открытку надо купить! – говорит Злата.

А вот открытка – наоборот, лишняя трата сил. Это вам любой мужчина скажет. Но женщин не переубедить. Женщины любят и чувствуют красоту, поэтому всегда их дарят. Возможно, так они ищут идеального мужчину.

Если идеальный мужчина получит в подарок огромный черный сверкающий джип «Рэндж Ровер» и открытку с двумя строчками пожеланий – то сначала прочитает открытку. Восхитится и замрет, пронзенный красотой навылет. Словно где-то на небе ангелы вздохнули. И только потом, чисто случайно, заметит машину. «Это мне? Ну что ты, не стоило».

Поверьте – на выбор открытки женщина потратила в три раза больше времени, чем на выбор машины. По-любому. Женщина может не знать, бензин там или дизель, полный привод или вообще гусеницы, но помнит каждый завиток шрифта и может по взгляду мужчины отследить, какую именно букву тот сейчас читает. Потому что это важно!

– Может, сама нарисуешь? – говорю я. Хотя тут же понимаю, что это глупость. Бессердечный (как все мужчины, черт побери) Малик проигнорирует любой художественный шедевр моей дочери.

– Э! Я не могу!

– Почему это? – Я даже удивился.

– Э! Мне некогда! Мне уроки надо делать! «Умку»!

Это детский клуб, подготовка к школе.

– И платье надо выбрать!

Ага-ага. Жизнь летит, а времени все меньше.

Ладно, оделись, пошли в «Канцтовары». Это маленький магазинчик в соседнем доме. Там игрушки производства «китай», канцелярия, пластилин всякий, краски, альбомы, бумага для принтера. В общем, отличное место. А в задней комнате там крошечное ателье.

– Злата, может, роботов? – предлагаю я. Злата качает головой и прямо идет к стойке с открытками.

Злата выбирает.

– Вот, папа!

Я смотрю. Хм-м.

– Злата, а ты уверена насчет цветочков? Для Малика?

– Э! Это бабочки!

Шах и мат, папа.

– Давай еще посмотрим, хорошо?

– Ладно.

Злата крутит стойку, потом тянется и достает еще одну открытку.

– Папа, я нашла!

Хм-м.

– Злата, а Малику сколько лет будет?

Открытка с машиной. Отличный рисунок. Если бы только не надпись…

«С юбилеем 60 лет», – гласит надпись.

– Пять! Нет, шесть! – говорит Злата.

– Тогда ему рановато такую открытку. Впрочем, мы всегда можем зачеркнуть ноль.

Злата протягивает мне следующий вариант. Машина, деньги, алкоголь.

– «Любимому мужу», – читаю я. Еще чего! – Злата, а ты не поторопилась?

Злата увлеченно крутит стойку.

– «Поздравляем с рождением сына», – читаю я следующий вариант.

О, боже. Какой-то гадальный автомат, а не стойка с открытками.

– Все, Злат. Давай возьмем вот эту, – я показываю другую, с шариками. Черт, это ж для денег!

Но тут девица видит раскраски и отвлекается. Вместо открытки берем две раскраски – «Смешарики» и «Машинки» с наклейками. Вот и хорошо.

192. Орлята учатся летать

Злата (пять лет) учится читать. Процесс у нас пока идет со скрипом, поэтому все средства хороши.

Я вспомнил, как сам научился читать за один день и какой букварь у меня был. И как он мне нравился. Я оттуда десятки раз перерисовывал картинки. И вообще, как все там было просто и логично и с запахом советского детства. Я вооружился интернетом и полез искать свой «Букварь». Не нашел. Зато по имени автора нашел похожий учебник, только год издания – не восьмидесятый, а 1955-й, издательство «Учпедгиз». Репринт. Зеленый. Ладно, думаю, хуже не будет. Да и самому интересно, что там за букварь. Заказал.

Привезли. Букварь отличный, но совсем другой, не как у меня был. И в моем был портрет Ленина, глядящего на тебя с добрым прищуром – мол, знаю я тебя, Овчинников, все поля ручкой изрисуешь. Ай-яй-яй. А в этом, пятьдесят пятом, Ленина в начале нет, зато в конце – Ленин и Сталин. Причем Ленин какой-то насупившийся, а Сталин улыбается, но как бы внутри себя. «Мы с Ильичем посоветовались и думаем, что товарищ Врочек слишком далэко заходит в своей ностальгии».

Жена со Златой каждый вечер читают «Букварь». И вот пролистывают до конца книги. Злата смотрит на последний разворот – где Ленин и Сталин.

– Мама, а это кто? – спрашивает Злата. – Это писатели, которые написали эту книгу?

193. Геометрия – царица наук

Тяжело расставаться с друзьями. Выпускная группа детского сада. В следующем году – в школу, в первый класс.

Жена забирает Злату. Девица грустная.

– Злата, что случилось?

– Мы с Соней никогда не увидимся!

– Почему? – удивляется жена. – Соня же тоже идет в школу, ее мама сказала.

– Нет, мы в разные! Я иду в школу с разноцветными прямоугольниками, а Соня – в школу с цветными полосками!

«Запад есть Запад, Восток есть Восток. И вместе им не быть никогда». (с) Р. Киплинг

Как вы уже догадались, о любезнейшие и ученейшие читатели, это одна и та же школа.

194. Уральская птица счастья

Прежде чем ответить на вопрос ребенка, сперва хорошенько подумайте. То же касается уральцев, отвечающих ночью на вопрос: «С какого района, пацанчик?»

Жена отвела Злату в детский сад. На стене – рисунки. Дети рисовали синюю птицу счастья.

– Мама, а синяя птица настоящая? – спрашивает девица очень серьезно.

Какая мать может лишить ребенка веры в чудо? Покажите мне это атеистическое чудовище! Лариса тут же начала рассказывать, что да – синяя птица самая настоящая, она приносит счастье. Просто она живет где-то очень далеко, в далекой южной стране. Но когда-нибудь она обязательно прилетит… а теперь надевай юбку и гольфы…

И тут Злата резко начинает плакать.

– Злата! Что случилось? – пугается Лариса.

– Мама, синяя птица – настоящая! – сквозь всхлипы говорит Злата. По щекам катятся слезы. – А я нарисовала ее как сказочную!

Ох уж эти художники.

– У меня самый плохой рисунок! – Злата впадает в самобичевание.

В общем, «святые 90-е» научили нас правильно отвечать на неудобные вопросы.

– Эй, пацанчик! Синяя птица настоящая?

– А с какой целью интересуешься?

195. Королевский круассан

Четырнадцатое ноября. Завтра у Златы день рождения.

Девица просыпается с утра, собирается в детский сад.

– Мама, а у меня день рожденья завтра, да?

– Да, – говорит Лариса.

– Значит, у вас с папой есть целый день, чтобы купить мне подарок!

* * *

День рождения. Злата приходит из детского сада. Раскладывает на столе свои игрушки, свои подарки.

– Папа, – спрашивает деловито, – а торт вы мне тоже купили и спрятали, да?

* * *

Едем со Златой после танцев. День рождения днем рождения, а ставить ноги в третью позицию и носок тянуть надо по расписанию. Уже темно, вокруг красные, зеленые, белые огни. Гудки. Свет размывается на мокрых стеклах машины.

– Папа, а давай зайдем сейчас и купим круассан, – предлагает Злата. До дома еще пару минут ехать. – Шоколадный.

– Хм-м. А ты разве любишь круассаны?

– Да! Еще я люблю мармеладки, зефир, конфетки люблю. Шоколадки тоже люблю! Я все люблю!

Все сладкое. Ну вы поняли. «Злата – Королева-сладкоежка». Сейчас мы ее стараемся ограничивать.

– Даже торт? – спрашиваю с подковыркой.

– Да! И торт люблю!

– Разве? Неожиданно. А вчера тебе торт понравился? С собачкой?

– Да! Очень понравился!

– Но ты же его не ела?

– Просто он невкусный. Зачем вы купили с собачкой? На тот день рождения был торт со свинкой!

Я киваю. Ага, был такой – год назад. Смешная поросячья рожица из розового суфле. Малиновый. Вкусный, но для меня – чересчур сладкий.

А потом я вспоминаю.

– Но тот торт ты тоже не ела! (Кстати, эта фраза – хорошая разминка для дикции, рекомендую.)

– Да!

– А зачем тогда его покупать? Ты же его не ешь?

Злата вздыхает.

– Просто он такой красивый.

196. Носки для Кинг-Конга

Злата (теперь шесть) по случаю соплей осталась дома, надела теплые носки и занялась уборкой. Закрылась в гостиной, включила музыку на старом мамином телефоне и давай изо всех сил убираться.

Видимо, у женщин это где-то в крови. Только старшей, Василисе, не досталось. У нее на рабочем столе Кинг-Конг взбирался на небоскреб, все разрушил, гулко кричал в ночное небо, бил себя кулаками в грудь, потом аэропланы прилетели, немного постреляли, пожарные машины приехали, немного потушили, затем Кинг-Конг упал, раздавил пару пожарных машин… В общем, все так и лежит с 1933 года. А на том пятачке, где упавшего Конга чуть сдвинули, Василиса делает уроки.

В целом, старшая дочь вся в меня. А у младшей другой темперамент.

Гляжу, Злата закончила расставлять вещи и шествует мимо с игрушечным набором – щетка для подметания, швабра и щетка для пыли. Все настоящее, только под детский рост. Основательно. Забавно, что когда-то этот набор дарили маленькой Василисе.

Потом девица потребовала у меня ведро с водой и совок.

Злата подмела, стряхнула пыль и моет полы. Старательно, под музыку, елозит крошечной шваброй по ламинату. Мокрые разводы.

– Папа, не наступай! – Злата шмыгает носом. И тут я вижу ее босые ноги и вспоминаю про насморк.

– Злата, где носки?!

– Сняла, чтобы не намокли, – кротко отвечает дочь.

Женщины. Как много в этом слове.

197. Сделано в Японии

Сижу за ноутбуком, печатаю. Злата смотрит «Унесенные призраками» Миядзаки. Этот мультфильм ей очень нравится, хотя он и страшноватый. Злата его раз сто видела, если не больше.[5]

А тут слышу, Злата идет ко мне.

– Папа!

– Что, Злата? – Я поворачиваюсь.

Дочь наклоняется ко мне, доверительно:

– Папа, мне кажется, это китайский мультик.

Этого-то я и боялся.

* * *

На самом деле мультфильм «Унесенные призраками», конечно, не китайский, а японский. Злата просто увидела в мультфильме иероглифы. И сделала вывод.

198. Мальчишеские игры

Все-таки девчонки как-то странно играют в мальчишеские игры.

– Папа, давай поиграем в солдатиков! – говорит Злата.

– Каких солдатиков?

Я даже забыл, что у нас такая игра есть.

– А что, мы с тобой в нее играли? – осторожно спрашиваю я.

– Да! Сейчас я достану!

– Злата, может, не на… – Но девицу уже не остановить. Злата открывает шкаф, ныряет внутрь.

С грохотом что-то валится.

Злата вытаскивает большую картонную коробку. На ней написано «Солдатики Кристофера Уокерлу. Ватерлоо. Бой за Ла-Э-Сент».

О! Теперь вспомнил. Это же я выбрал как подарок к заказу в книжном интернет-магазине. Несколько десятков бумажных солдатика и две пушки. Мы один раз со Златой сыграли, а потом забыли про эту игру.

Злата достает из коробки листок, протягивает мне:

– Папа, читай правила!

– Да я вроде помню…

– Читай еще раз! – требует Злата. – А то ты всегда забываешь… – Девица вздыхает. – Ты такой у нас забывашка!

Я послушно читаю правила. Они простенькие. Каждый игрок кидает два кубика – это оружейный залп, по сочетанию цифр подсчитываем класс и количество убитых. Еще есть пушки, они стреляют резинкой. Хм-м. Действительно забыл. Оказывается, гибнет не только тот солдат, в кого попала резинка, но и два соседних.

Интересно.

Мы расставляем солдатиков. Злата выбрала английскую армию, а мне досталась роль Наполеона. Я расставляю 13-й полк легкой пехоты и пешую артиллерию старой гвардии.

– Еще этих! – говорит девица.

Злата тащит в игру набор пластиковых викингов – и двух огромных пещерных людей. Эти наборы я купил в приступе ностальгии по советскому детству. Мы честно делим солдатиков пополам – по четыре викинга и по одному неандертальцу. Поехали!

Первым же выстрелом Злата убивает у меня генерала и двух гвардейцев. Я в ответ выношу одного егеря.

Пещерные люди злобно скалятся, ожидая своей очереди.

– А это у нас будет поединок, – говорю я Злате. – Один на один. Бросай кубики, у кого больше, тот выиграл.

Злата согласна. Но ставит условие:

– Кто проиграет, рисует морковку!

– Морковку?

«Парус, порвали парус!» То есть шаблон.

– Да!

– А… зачем?

– Папа, – говорит Злата и смотрит на меня. – Ты что, не хочешь нарисовать морковку?

Бросаем кубики. 5 и 7. Мой неандерталец проиграл. Извини, злобный доисторический чувак. Это война. Я убираю его в коробку, к павшим французским товарищам.

– Папа, рисуй морковку! – требует Злата.

– Э-э… – Я озираюсь. Где там у нас карандаши?

– Хочешь, я за тебя ее нарисую? – предлагает дочь.

– Давай.

– Да! – Злата радостно вздыхает. – Я так давно хотела нарисовать морковку!

В общем, два войска стоят и ждут, пока юный «герцог Веллингтон» дорисует морковку.

Как там сказал Лев Толстой? Красота спасет мир?

Ну, или морковка.

* * *

Юный «герцог Веллингтон» нарисовал морковку, а потом перебил всех моих солдат. «Гвардия погибает, но не сдается». И я остался один, как Наполеон на острове Святой Елены. В общем, морковка тоже не спасла. Теперь вся надежда на красоту.

199. Уродливая правда жизни

Едим пельмени и смотрим со старшей дочерью «Призрак оперы». Призрак (царь Леонид Джерард Батлер) поет Кристине о власти музыки. В роли Кристины – юная и хорошенькая Эми Россам.

Василиса, задумчиво:

– Интересно, а если бы она была страшненькая, но хорошо пела, он бы ей помогал?

Хороший вопрос, Василиса. Хороший вопрос.

– Ты тоже красивая, – говорю я.

Дочь вскидывается так, словно ее ошпарили:

– Э! Я не об этом!

200. Когда весна придет, не знаю

В Москве внезапно потеплело, дороги превратились в грязную кашу. Машина стояла у обочины, поэтому я опознал ее только по силуэту. Чертыхаясь, протер лобовое, зеркала и кусочек стекла с водительской стороны.

Едем со Златой на танцы.

Злата из детского кресла, задумчиво:

– Папа, а давай, когда наступит весна, ты помоешь мое окно?

Дочь вся в меня, точно.

Долгосрочное планирование – мой конек.

201. Странные взрослые (сочинение Василисы)

Такие странные эти взрослые! Большие, но дети. Они готовы отдать все, чтобы тихонько посидеть холодным вечером в уютном теплом домике в объятиях мамы, рассказывать с большим воодушевлением друзьям, какое новое мороженое они попробовали и как сумели незамеченно опоздать на работу прямо в день проверки. Да-да, я не выдумываю. Так и есть. Они тоже любят мороженое! И они любят опаздывать! Прямо как мы, дети.

Но все же они другие. Они взрослые. Странные привычки каждый день забирают все их время без остатка. Например, убраться в доме. Ну, ладно раз в месяц или в полгода, это я понимаю. Но каждый день! Ну кому оно надо?! А мужчинам гладить стрелки на брюках. Да кто их вообще замечает? Все это заставляет взрослых забывать о самом главном.

Главное – оставаться собой. Привычки делают всех взрослых одинаковыми. Какой бы они ни были национальности, цвета кожи, веры, они остаются все теми же роботами, которые работают на скучной работе и выполняют эти действия изо дня в день, автоматически. Люди! Проснитесь! Забудьте эти привычки! (ну, кроме, конечно, привычки убирать в комнате). Эти привычки только мешают. В каждом из вас живет ребенок, любящий жизнь!

…и мороженое, – добавлю я тихонько.

notes

Примечания

1

Приемистость – характеристика нагнетательной скважины, показывающая возможность закачки рабочего агента (воды, газа, пара и др.) в пласт. Определяется объемом смеси, закачиваемой в пласт в единицу времени. Нефтегазовая энциклопедия.

2

«Паутинка» – это веревочный лабиринт для лазания.

З

ЗОЖ – Златин образ жизни.

4

В.П. – Секрет этих инициалов уйдет со мной в могилу.

5

«Унесенные призраками» – одно из лучших творений легендарного режиссера Хаяо Миядзаки. Сказочная история о девочке, пытающейся спасти своих родителей, превращенных злой ведьмой в свиней.